

ОМСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ.
ТЕКСТЫ. МАТЕРИАЛЫ. ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 1

Омск
2014

УДК 069(571.13)
ББК 83.3 (2Рос-4Омс)Л6
О-57

О-57 Омский литературный музей. Тексты. Материалы. Исследования /
сост. и общ. ред. В. С. Вайнермана. – Омск : ИПФ «Селбс», 2014. –
Вып. 1. – 164 с. : ил.

ISBN 978-5-600-00366-8

Первый выпуск собственного издания Омского государственного литературного музея имени Ф. М. Достоевского, осуществлённый при поддержке Министерства культуры Омской области, посвящён 30-летию открытия музея. В него вошла история музея, впервые написанная Ю. П. Зародовой, воспоминания первых руководителей о том, как и с чего всё начиналось, сотрудников – каким им видятся дни и годы многолетних трудов ради сохранения литературных традиций Прииртышья, документирования литературного процесса в регионе, пробуждения интереса к деятельности музея и привлечения новых посетителей.

Для широкого круга читателей.

УДК 069(571.13)
ББК 83.3 (2Рос-4Омс)Л6

Фотографии из фондов бюджетного учреждения культуры «Омский государственный литературный музей имени Ф. М. Достоевского». На обложке фотография барельефа с изображением Ф. М. Достоевского работы скульптора Д. Ф. Манжоса.

ISBN 978-5-600-00366-8

© Омский государственный литературный музей имени Ф. М. Достоевского, 2014
© ИПФ «Селбс», оформление, 2014

Содержание

Обращение министра культуры Омской области В. П. Лапухина.	4
От составителя (<i>В. С. Вайнерман</i>).	5
Зародова Ю. П. Труды и дни Литературного музея.	7
Лейфер А. Э. Почти три года, или Ключевое слово «ТЭП».	56
Вайнерман В. С. Записки директора музея.	82
Шель В. К. Реставратор Литературного музея имени Ф. М. Достоевского	133
Бацевич Т. Ф. Счастлирое время начала девяностых.	136
Регеда И. Н. Вечно прекрасный, вечно загадочный.	142
Савинцева В. М. Начало.	145
Литвинова (Шарапова) О. А. Со свечой в музей.	149
Русская шинель в американской обработке.	150
Лебедев С. В. Завхоз: по волнам моей памяти.	151
Белова В. С. Единое поле духовной культуры.	156
Рудницкая С. Е. Музей Достоевского... осуществил мою мечту.	158
Коротко об авторах.	162

Дорогие друзья!

По сложившейся доброй традиции на протяжении многих лет ведущие музеи Омского региона выпускают в свет свои издания – сборники, вестники, альбомы и каталоги, рассказывающие о наиболее ярких событиях в жизни музейного сообщества, интересных проектах и находках, исследованиях и открытиях. Они знакомят вас с замечательными коллекциями из своих сокровищниц, судьбой уникальных предметов и произведений искусства, составляющих бесценные богатства музейных фондов.

Сборник, предлагаемый вашему вниманию, открывает серию выпусков нового музейного издания. «Тексты. Материалы. Исследования» – новый издательский проект Омского государственного литературного музея имени Ф. М. Достоевского, основная цель которого – публикация рукописей произведений омских авторов, находящихся на хранении в музее, исследований ученых, информация о находках и открытиях, сделанных краеведами, историками, писателями, журналистами.

Благодаря этому проекту музей реализует одну из важнейших своих функций – собирать и сохранять даже мельчайшие свидетельства и детали, которые позволят потомкам увидеть и воссоздать происходившие в социокультурном пространстве процессы во всем их многообразии.

Желаю читателям нового сборника ярких ощущений от полезного и познавательного общения с интересными собеседниками, а Омскому литературному музею имени Ф. М. Достоевского – новых открытий и обретений!

В. П. Лапухин,
министр культуры Омской области

От составителя

Омскому государственному литературному музею имени Ф. М. Достоевского 28 января 2013 г. исполнилось 30 лет.

Возраст уже приличный, коллекции – многим на зависть, пора все-рьёз заняться их изучением. Как хорошо музеям, у которых есть свои издания! Что может быть лучше, чем публиковать результаты музейных исследований в собственном сборнике? В прежние времена идея такого издания обсуждалась, но каждый раз мы сходились на том, что ещё не время: то хранение фондов нужно было наладить, коллекции упорядочить, разобрать, систематизировать; то подготовка новой экспозиции занимала всё время, и было не до истинной составляющей музейной работы. Думается, на четвёртом десятке лет музей находится в состоянии, которое позволяет начать издание собственного сборника.

Разумеется, первый выпуск должен быть посвящён истории «альма матер». Тем более, что сборник задуман и составлен в юбилейный год. Последующие будут раскрывать другие темы, и, надеюсь, им уготована счастливая судьба.

Задумывая это издание, я обратился к бывшим коллегам с просьбой написать хоть страничку о музее. Пусть работать здесь им пришлось давно и недолго – у каждого из них своё видение происходившего. Разные точки зрения на одно и то же событие создают картинку, приближенную к объективной.

Специально для этого издания написал воспоминания о том, как создавался музей, первый заведующий литературным отделом Александр Эрахмиэлович Лейфер. Вспомнил, как реставрировал уникальную мебель из салона А. И. Штакеншнейдера Владимир Шель. Написали по несколько страниц бывшие сотрудники музея Т. Ф. Бацевич, И. Н. Регеда, В. М. Савинцева, С. Е. Рудницкая. Даже завхоз музея, С. В. Лебедев, захотел написать несколько слов. Откликнулись учителя, с которыми музей сотрудничал на протяжении многих лет.

В сборнике не так много фотографий, как хотелось бы. Думаю, что их недостаток вполне восполнит постоянно действующая экспозиция и выставки из фондов музея.

Сборник «Омский литературный музей. Тексты. Материалы. Исследования» – долгосрочный издательский проект, предполагающий публикацию рукописей произведений, документов, фотографий, книжной графики, других памятников материальной и духовной культуры, находящихся на постоянном хранении в музее, и, что осо-

бенно важно, – исследований учёных и краеведов, как сибирских, так и проживающих в других регионах страны и изучающих жизнь и творчество писателей, связанных с Омском и Омской областью. Будем рады, если в сборнике примут участие авторы из республик бывшего Советского Союза, а также из стран «дальнего зарубежья» – их публикации будут обозначать, что сибирские литераторы активно участвуют в формировании и развитии литературного процесса.

Предполагаю, что сборник будет издаваться один раз в два года. Возможно, при накоплении подготовленного к печати материала, а также при благоприятных финансовых условиях со временем его издание станет ежегодным.

В добрый путь!

В. С. Вайнерман,
директор Омского государственного
литературного музея имени
Ф. М. Достоевского

В книге приняты сокращения:

- АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
- В. В. – Виктор Вайнерман
- ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области
- ГЛМ – Государственный литературный музей (Москва)
- Д. – дело
- ИПКРО – Институт повышения квалификации работников образования (сейчас Институт развития образования Омской области)
- Л. – лист
- ОГИКМ – Омский государственный историко-краеведческий музей
- ОГЛМД – Омский государственный литературный музей имени Ф. М. Достоевского
- ОГОИЛ – Омский государственный объединенный исторический и литературный музей
- ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет
- ОмГУ – Омский государственный университет
- Оп. – описание
- Р. К. и Р. Д. – (Совет) рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов
- РСУ – ремонтно-строительное управление
- ТЭП – тематико-экспозиционный план
- Ф. – фонд

Труды и дни Литературного музея

Омский государственный литературный музей открыл двери для посетителей 28 января 1983 г. Это событие было приурочено к особой дате – дню памяти Ф. М. Достоевского. Не все из тех, кто приближал этот день, смогли принять участие в торжестве, так как шли к нему омичи более пятидесяти лет...

Впервые о необходимости создания литературного музея в Сибири заговорили уже в конце 1920-х гг. К этому времени сложилось такое понятие, как «сибирская литература», действовали Союз сибирских писателей и Сибирское отделение Ассоциации пролетарских писателей, выходил литературно-художественный журнал «Сибирские огни». Сибирская земля была не только родиной П. П. Ершова, Н. И. Наумова, Н. М. Ядринцева, но благодаря своему изгнанническому предназначению давала временное пристанище известным мятежным литераторам: А. Н. Радищеву, декабристам В. К. Кюхельбекеру, В. А. Одоевскому, Н. А. Чижову, петрашевцам Ф. М. Достоевскому и С. Ф. Дурову, народникам Г. А. Мачтету, Ф. В. Волховскому.

В апреле 1928 г. в омской газете «Рабочий путь» была опубликована статья Н. В. Феоктистова «В Сибири нужно создать историко-литературный музей. (В порядке постановки вопроса)». Автор сообщал, что Сибирь, в которой сложились давние литературные традиции, богата талантливыми людьми, чьи архивы представляют несомненную ценность для сибиряков. Беспокойство о сохранности этих архивов и желание дать землякам представление о развитии сибирской литературы привели к мысли о создании литературного музея. Речь в статье не шла именно об Омске, музей предлагалось открыть в любом сибирском городе.

Месяцем позже в майском номере журнала «Сибирские огни» (Новосибирск) эта же статья была опубликована под названием «К вопросу об организации историко-литературного музея в Сибири». Подписали статью, кроме названного выше Н. В. Феоктистова, профессора П. Л. Драверт и Г. В. Круссер. Это были известные в Сибири общественные деятели. Петр Драверт – учёный, профессор Омского сельскохозяйственного института, поэт; Георгий Круссер – историк, партийный деятель, публицист, интересовавшийся литературной жизнью; Николай Феоктистов – журналист, редактор, поэт, собиратель литературных сил Сибири. Драверт и Феоктистов сами со-

бирали в течение всей жизни литературные архивы. В их коллекциях сохранились уникальные фотографии, редкие книги и автографы, словом, эти два архива сами по себе могли составить отдельный музей. Но владельцы понимали, что хранить такие раритеты в частных руках и опасно, и нецелесообразно. Поэтому инициаторы создания литературного музея Сибири мечтали хотя бы о нескольких комнатах в добротном каменном доме, где можно было бы разместить экспонаты и показывать их посетителям. Предпринимались ли какие-либо действия для реализации этих планов, нам неизвестно, но литературный музей тогда в Сибири так и не появился.

К концу 1930-х гг. в Омске сложилась сильная литературная группа, в которую входили как уже известные сибирские писатели во главе с П. Л. Дравертом, так и начинающая талантливая молодёжь. Это было время расцвета творчества Леонида Мартынова, Сергея Залыгина, Марка Юдалевича. С 1939 г. начал выходить коллективный сборник «Омский альманах», проходили писательские «четверги», устраивались областные писательские конференции. У творческой интеллигенции вновь возникло желание создать литературный музей. Вопрос этот обсуждался даже во время Великой Отечественной войны. Из письма П. Л. Драверта краеведу И. С. Коровкину мы узнаём, что 1 мая 1945 г. в Омске должен был открыться историко-литературный музей Западной Сибири. «Там будут собираться, храниться, демонстрироваться и изучаться материалы, относящиеся к писателям Западной Сибири, начиная с 18 века»¹. Но через два месяца тот же корреспондент сообщил, что открытие не состоялось по причине отсутствия помещения.

Музей планировалось разместить в доме по улице Лермонтова, 28. Этот дом, принадлежавший писателю и художнику А. С. Сорокину, был своеобразным местом культурных общений. При жизни хозяина здесь собирались литераторы, художники, музыканты, здесь же проходили заседания Омского союза писателей. Антон Сорокин собрал огромное количество рукописей и рисунков омских поэтов и художников. Его коллекция уникальна, содержит любопытнейший материал по истории культурной жизни Омска 1910–1920-х гг.² Сам Сорокин хотел, чтобы после его смерти в доме на Лермонтовской улице было бы общежитие для писателей, библиотека, галерея. В 1936 г. этот дом

¹ ГИАОО. Ф.1405. Оп. 1. Д. 92. Л.1.

² Фонд А. С. Сорокина хранится в ГИАОО и насчитывает более 600 дел.

хотели предоставить Союзу писателей, но передача не состоялась³. В 1945 г. горсовет снова не смог выселить жильцов из дома, хотя речь шла не о целом здании, а о нескольких комнатах.

В 1945 г. умер П. Л. Драверт, его архив частично был передан в краеведческий музей, где работал сам Драверт, частично в библиотеку имени А. С. Пушкина. Часть материалов осталась у вдовы. Дело Драверта по организации литературного музея продолжил директор краеведческого музея А. Ф. Палашенков. Именно он добился решения райисполкома о передаче дома Сорокина музею в феврале 1945 г. В январе 1946-го последовало очередное решение властей города об организации работы историко-литературного музея и освобождении дома Сорокина⁴. Всё это время велась целенаправленная работа по сбору экспонатов. Нашли материалы о первой сибирской типографии, открытой в 1789 г. в Тобольске, о пребывании А. Н. Радищева в Сибири, о литературной деятельности декабристов. Палашенков лично обратился к Вс. В. Иванову, Л. Н. Мартынову, С. Н. Маркову, Л. Н. Сейфуллиной с просьбой прислать портреты, автобиографии и книги с автографами. Писатели не замедлили с ответами, и вскоре будущий музей пополнился интересными экспонатами. Палашенков лично составил тематико-экспозиционный план Западно-Сибирского историко-литературного музея⁵. (План этот не найден.) Но всё было напрасно: дело с освобождением дома под музей так и не стронулось тогда с мёртвой точки. В дневниках Палашенкова за 1946 г. то и дело встречаются записи об очередном разговоре с представителями городской власти, об очередных обещаниях...

С 1953 г. Палашенков помогал в создании мемориального музея писателя-омича Ф. А. Березовского. Дочь писателя, Зинаида Феоктистовна, несмотря на свою активность и работоспособность, столкнулась с множеством препятствий. В небольшом деревянном доме её отца, где в 1909–1916 гг. собирался первый в Омске литературный кружок, теперь проживали посторонние люди. Нужно было расселить их, сделать капитальный ремонт. Сама Березовская жила в Москве, и за всеми работами следил по её просьбе Палашенков. О состоянии дел он сообщал в подробных письмах, где то и дело прорывается негодование: «Для города республиканского подчинения не

³ Фонды Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИКМ). ОМК 9941. Постановление Президиума Омского городского совета Р. К. и К. Д. № 319 «О выселении жильцов из дома писателя Сорокина, предоставленного Союзу писателей» от 20 марта 1936 г.

⁴ ГИАОО. Ф. 235. Оп. 2 Д. 259. Л. 230.

⁵ Фонды ОГИКМ. ОМК 9940/5. Л. 8.

под силу освободить небольшой домик от жильцов. Можно ли поверить этому? С момента Вашего отъезда из Омска не десятки, а многие сотни семей устроены с квартирами. Что им слава и гордость города, что им люди, память о которых должна быть на века»⁶.

И всё же музей Феоктиста Березовского открылся в апреле 1955 г. при краеведческом музее, а спустя год – в доме писателя. Это был первый опыт создания литературного музея в Омске. Материалы личного архива З. Ф. Березовской позволяют проследить его историю. За двадцать пять лет существования музей дважды прекращал работу, переживал большие трудности. Такой была ситуация со многими, если не сказать со всеми, омскими музеями. А. Ф. Палашенков писал Зинаиде Березовской в 1966 г.: «В музей Феоктиста Алексевиича не ходил. Всё то, что с любовью, с большой затратой сил и средств сделано, – с не меньшим наслаждением разрушено. В омских условиях это вполне закономерно: ликвидировали Комиссаровский музей, такая же судьба постигла и музей памяти марьяновцев»⁷.

Несмотря на трудности, З. Ф. Березовская ведёт активную работу по организации музея писателей-омичей в доме своего отца. При музее Березовского действовал Совет музея, в разные годы в него входили известные литераторы, журналисты, краеведы. На заседаниях Совета уже в конце 1950-х гг. ставился вопрос о создании литературного музея, были написаны ходатайства от имени облисполкома и обкома КПСС в Совет министров СССР. Березовская несколько раз ездила с этими ходатайствами в Москву.

Десятого августа 1960 г. исполнительный комитет Омского областного Совета депутатов трудящихся принял решение № 21/14 «Об организации литературного музея писателей-омичей», в котором говорилось об открытии музея с 1 января 1961 г. как филиала краеведческого, утверждались штаты в количестве трёх единиц⁸. Только место расположения филиала указано не было.

В июле 1961 г. в качестве старшего научного сотрудника филиала в штат краеведческого музея был принят литератор Юрий Иннокентьевич Шухов, начал работу Совет музея, который добивался решения по зданию. В обращении Совета Литературного музея к секретарю омского обкома КПСС Е. Д. Сухиной от 22 ноября 1961 г. говорится о том, что дом Березовского не годится для целей литературного музея по многим причинам, в том числе по причине удалён-

⁶ Фонды ОГЛМД. ОЛМ 56/268.

⁷ Фонды ОГЛМД. ОЛМ 56/264.

⁸ ГИАОО. Ф. 437. Оп. 14. Д. 1230. Л. 88–89.

ности от центра города и отсутствия транспортных магистралей. Совет музея настаивал на освобождении дома Сорокина, как наиболее подходящего под музей здания⁹.

Пока решался вопрос о помещении, Юрий Шухов вел изыскательскую и собирательскую работу. За довольно короткое время ему удалось собрать много интересных материалов. Среди них «Дневник А. Г. Достоевской 1867 года», книги Павла Васильева, Георгия Вяткина, вышедшие после реабилитации поэтов, фотографии, экслибрисы, воспоминания преподавателя мужской гимназии Образцова, у которого учился Леонид Мартынов, а позднее и сам Шухов. Были заказаны портреты омских писателей, велись переговоры с художниками об оформлении экспонатов и будущей экспозиции.

У Ю. И. Шухова были помощники на общественных началах. Один из них – краевед, поэт, учитель, собиратель фольклора И. С. Коровкин. Он становится членом Совета музея, и его назначают ответственным за сбор экспонатов. Это назначение не было случайным, так как Иван Семёнович уже имел большой собирательский опыт. Коровкин с юных лет стал активно формировать свою библиотеку, лично обращаясь к литераторам. Из протокола заседания Совета музея мы узнаем, что Коровкин связывался с родственниками Г. А. Мачтета, И. С. Голошубина, А. С. Сорокина. Уже были собраны материалы В. Г. Уткова, П. В. Гинцеля, П. Н. Васильева. Коровкин налаживает переписку с редакциями газет, музеями, освещает работу Совета музея в прессе, ведёт тетрадь под названием «Материалы Омского литературного музея», где перечисляет вновь собранные экспонаты, подробно их описывая.

В Совет литературного музея входили помимо И. С. Коровкина преподаватель педагогического института, литературовед Е. И. Беленький, директора краеведческого музея и музея изобразительных искусств М. И. Агеев и А. А. Герзон, художник К. П. Белов. Единственный сохранившийся протокол заседания Совета от 4 ноября 1961 г. даёт представление о работе по организации музея¹⁰. Первым на повестке дня стоял вопрос о сборе материалов и подготовке будущей экспозиции. Ефим Исаакович Беленький заявлял, что основа экспозиции уже создана, требуется лишь «оперативность при собирании экспонатов». Просил обратить внимание на привлечение материалов о Достоевском, призывал больше уделить внимание писателям-омичам – жертвам культа личности и усилить пропаганду музея. Второй

⁹ Архив ОГЛМД. «История музея».

¹⁰ Фонды ОГЛМД. ОЛМ 42/52.

вопрос был посвящён зданию. Собравшиеся были уверены в том, что на этот раз вопрос о помещении для литературного музея будет решён в ближайшее время.

Серьёзная, кропотливая работа по созданию музея закончилась весьма прозаично. Проходившая в краеведческом музее в 1962 г. ревизия выявила нарушения: при отсутствии помещения под литературный музей содержится смотритель-уборщица. Комиссия рекомендовала уволить лишнего сотрудника¹¹. После этого, устав от безнадёжного ожидания, уволился и сам Шухов, его должность сократили, и литературный отдел перестал существовать. Книга поступлений, которую вёл Шухов, оказалась утерянной, и сегодня мы не можем восстановить весь объём материалов, собранных в 1960-е гг. Спустя двадцать лет на запрос сотрудников литературного отдела при краеведческом музее Ю. И. Шухов сообщил: «Литмузей в своё время не удалось открыть не только из-за помещения, но и из-за неверия некоторых товарищей. Это теперь восстановили колокольню Казачьего собора и почистили последние ворота в крепости, в мою же бытность Тарские стёрли с лица земли за 24 часа»¹².

В 1964 г., уже не надеясь на то, что в городе когда-нибудь откроют литературный музей, И. С. Коровкин с помощью учеников организует при школе села Больше-Могильное Любинского района Омской области литературно-краеведческий музей, в котором он далеко выходит за рамки родного села. Он вёл обширную переписку с писателями, историками, литературоведами, центральными музеями. В его собрании были такие раритеты, как рукописи П. П. Ершова, А. С. Сорокина, Л. Н. Сейфуллиной, П. Л. Драверта, поэта-фронтовика Г. К. Суворова. Посмотреть этот музей приезжали не только жители Омска, но и других городов. В 1977 г. Иван Семёнович скоропостижно скончался. Музей остался без руководителя и распался. Вовремя приехавшие сотрудники Омского государственного архива спасли большую часть коллекции, но она оказалась раздробленной, так как поступила в разные учреждения.

З. Ф. Березовская после 1962 г. вновь разворачивает деятельность по организации музея «Писатели-омичи». Дважды она ездит в Москву, заручается поддержкой бывшего омича, секретаря правления Союза писателей РСФСР С. В. Сартакова. В одном из писем к Березовской Сартаков отмечал: «Рад, что дело с музеем всё же движет-

¹¹ ГИАОО. Ф. 2111. Оп. 1. Д. 145. Л. 142, 144.

¹² Архив ОГЛМД. Переписка за 1979-1980 гг.

ся... Хорошо, что творческая жизнь в Омске стала заметней. Право же горько было, что город, с которым связано столько больших литературных имён, всё время значился в числе “белопятенных”¹³. С подачи Березовской Сартаков обращается с письмом в Министерство культуры РСФСР об открытии в Омске литературного музея в доме писателя Ф. А. Березовского¹⁴. Зинаида Феоктистовна готова даже была разместить у себя в музее открывшееся в ноябре 1962 г. Омское отделение Союза писателей РСФСР.

В 1964 г. 26 мая исполнительный комитет Омского областного (промышленного) Совета депутатов трудящихся рассматривал вопрос о работе музеев Омска. Были отмечены успехи и недостатки деятельности городских музеев. В решении седьмым пунктом значилось: «Обязать управление культуры вместе с Омским отделением Союза писателей и горисполкомом решить вопрос об открытии на базе музея Ф. А. Березовского литературного музея писателей-омичей». Более чем через год, 15 июля 1965 г., исполком Омского областного Совета депутатов трудящихся принимает ещё одно решение, № 635 «О народном литературном музее писателей-омичей»¹⁵, в котором вновь предписывает организовать литературный музей как филиал краеведческого. Ни первое, ни второе решение выполнено не было...

Мемориальный музей Ф. А. Березовского просуществовал до середины 1980-х гг. Зинаида Феоктистовна, вернувшись в Москву, уже издавала следила за работой по организации литературного музея в конце 1970-х гг. Поделиться своими материалами и вступить в музейное объединение в качестве филиала она отказалась. После смерти Березовской домик писателя был снесён, материалы музея поступили в уже открывшийся Литературный музей.

Следующий этап на пути к созданию литературного музея в Омске был связан с именем Ф. М. Достоевского. Конец 1960-х гг. был отмечен возрастающим интересом к личности и творчеству Достоевского. Послереволюционные годы были неблагоприятны для памяти «трудного» писателя. Его трагический художественный мир, общественные и религиозные убеждения не совмещались с советской идеологией, хотя официально Достоевский был признан классиком. Создание московского музея Достоевского произошло в 1928 г., когда ещё не был установлен жёсткий диктат над литера-

¹³ Фонды ОГЛМД. ОЛМ 17/193.

¹⁴ Архив ОГЛМД. «История музея».

¹⁵ ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 318. Л. 5.

турой и культурой. Но после Великой Отечественной войны Достоевского исключили из школьной программы по литературе, как чуждого писателя. В период оттепели 1960-х гг. началась постепенная реабилитация великого русского писателя. Весь мир готовился отметить его 150-летний юбилей; 1971 г. по решению ЮНЕСКО был объявлен годом Достоевского. Международное значение юбилея писателя, признанного во всём мире, не могло остаться без должного внимания на его родине. Готовились достойно отметить эту дату и омичи.

Именно в этот период возрождения интереса к Ф. М. Достоевскому появилась возможность создания музеев писателя в городах, связанных с его именем: шла подготовка к открытию музеев Достоевского в Ленинграде, Семипалатинске, Новокузнецке, Омске. В нашем городе была создана инициативная группа по организации музея Ф. М. Достоевского. В эту группу входили ректор и преподаватели Омского государственного педагогического института имени А. М. Горького В. М. Самосудов, К. А. Зубарева, А. Г. Кандеева, журналистка С. А. Нагнибеда; писательница М. К. Юрасова; председатель Географического общества Н. Д. Фиалков, во главе группы стоял А. Ф. Палашенков.

О вкладе А. Ф. Палашенкова в организацию Омского литературного музея следует говорить особо. Уже в пятидесятые годы он начал собирать в краеведческом музее материалы о писателе. Палашенков переписывается с директором московского музея Ф. М. Достоевского Г. В. Коган, получает от неё первые экспонаты: путеводитель, фотокопии портретов писателя и его родственников. Андрей Фёдорович разыскал вдову омского профессора М. В. Долинино-Иванскую – внучку петербургского архитектора А. И. Штакеншнейдера, в петербургском доме которого бывал Ф. М. Достоевский. В результате переписки в краеведческий музей поступили уникальные вещи: диван и стол из литературного салона Штакеншнейдеров, настольная лампа, альбом Елены Андреевны – хозяйки салона, а также посмертная маска архитектора. В феврале 1956 г. по инициативе Палашенкова в Омской областной научной библиотеке имени А. С. Пушкина прошёл вечер, посвящённый 75-летию со дня смерти Достоевского. Палашенков выступил с докладом «Достоевский в Омске». В 1958 г. музей получил бюст Достоевского (тонируемый гипс. Работа ленинградского скульптора С. В. Вахромеевой. В эти годы жила в Омске. – *Ред.*). Палашенков призывал сибирских художников к созданию полотен, посвящённых Достоевскому и его книгам. Кемеровский художник Д. И. Ло-

гачёв писал с благодарностью Андрею Фёдоровичу: «Искренне признаюсь: Вы меня крепко озадачили, воодушевили и дали точное направление на большую и очень нужную работу – освещение пребывания Ф. М. Достоевского в Сибири. Для меня эта работа настолько актуальна, так интересна... Я сейчас усиленно, напряжённо, душевно работаю согласно Вашему совету. День и ночь, т. е. всё своё время, кроме сна, да, пожалуй, и во сне, работаю над темой “Достоевский в Сибири”»¹⁶.

Работами Д. И. Логачёва Палашенков проиллюстрировал свою небольшую книгу «По местам Достоевского в Омске» (1965 г.). Это издание сразу стало библиографической редкостью и пользуется спросом по сей день. Насколько она была нужна не только Омску, можно судить из писем к А. Ф. Палашенкову внука Ф. М. Достоевского – Андрея Фёдоровича. Заочное знакомство двух Андреев Фёдоровичей состоялось в марте 1966 г., когда Палашенков послал в Ленинград несколько экземпляров своей книги. А. Ф. Достоевский, который в это время активно занимался организацией музея своего деда в Ленинграде, писал: «Получил Вашу бандероль и уже уведомил издательство о том, что 1) нужен незамедлительно второй тираж и 2) его целиком надо направить в главные города европейской части СССР, – реализация такого пустяка, как три тысячи экземпляров, – несомненна! Теперь отчитываюсь, как я уже распорядился присланными Вами экземплярами книжечки. Ушли: в Москву (Институт мировой литературы) – 1 шт., в Ленинград (Институт русской литературы АН СССР, в отдел фондов его музея) – 1, в Симферополь, в педагогические круги – 1, в деревню Достоево, в Достоевскую среднюю школу – 1, в США (в Корнельский и Гарвардский университеты) – 2, в Канаду (в Мак-Гиллский университет) – 1, во Францию (в публици. парижские круги) – 1. В резерве оставил один экземпляр. Уже запросил издательство о высылке дополнительных экземпляров. Высылка по одному экземпляру только раздражит аппетит, и некоторые, без сомнения, напишут в издательство о присылке». В следующем письме А. Ф. Достоевский продолжает свой отчёт: «Давно получены брошюры и уже разосланы и розданы в разные концы (3 – в Ленинград, в том числе Смоктуновскому («Идиот»), которого я “готовлю” на роль Ф. М. Достоевского, когда таковая появится – есть надежда, 1 – в США, 2 – во Францию, 1 – в Англию, 1 – в Югославию)»¹⁷. Но второго издания книги Палашенкова не последовало.

Фрагменты этих писем ярко характеризуют и самого автора, серьёзно и плодотворно занимавшегося пропагандой жизни и творчества сво-

¹⁶ Лейфер А. Фонд Палашенкова // Судьбы, связанные с Омском. Омск, 1983. Кн. 3. С. 240.

¹⁷ Там же.

его деда. В Омске он встретил человека, равного по работоспособности и заинтересованности, – Палашенкова.

Несмотря на огромную занятость, Палашенков оказывал помощь коллегам из других городов. Он с радостью откликнулся на просьбу Зинаиды Георгиевны Фурцевой, в то время заведующей библиотекой в Семипалатинске, помочь в организации мемориального музея Ф. М. Достоевского. Андрей Фёдорович неоднократно бывал в Семипалатинске и, конечно, исследовал дом, в котором жил Достоевский. Переписка с Фурцевой началась в 1966 г. и продолжалась до самой смерти Палашенкова.

В 1968 г. Семипалатинск и Омск встречали А. Ф. Достоевского. Внук писателя предпринял эту поездку для того, чтобы осмотреть места пребывания Ф. М. Достоевского и помочь в деле организации музеев. Этот приезд стал настоящим праздником для омичей. К. А. Зубарева вспоминала: «Мы знали, как активен А. Ф. Достоевский, как много он делает для пропаганды творчества своего деда, для создания его мемориального музея в Ленинграде. Помогал он и организовывавшемуся тогда музею Ф. М. Достоевского в Семипалатинске. Помогал и нам – инициативной группе, добивавшейся открытия Литературного музея имени Достоевского в Омске. Но одно дело – знать понаслышке, заочно и совсем другое – видеть собственными глазами. Работоспособность и энергия этого, тогда уже неизлечимо больного, человека просто поражали. Его трёхдневное пребывание в Омске было заполнено встречами, знакомством с трудящимися города, со студентами, учениками и учителями школ, с работой библиотек. Трогательной была его встреча с известным омским краеведом и литератором А. Ф. Палашенковым, отдавшим много энергии делу создания будущего Литературного музея имени Ф. М. Достоевского в Омске... Навсегда запомнились их длительные беседы, одна из которых состоялась в библиотеке Андрея Фёдоровича Палашенкова. Сюда на чаепитие за самоваром были приглашены учителя, художники, просто любители русской словесности. Хозяйкой стола была вдова поэта Георгия Вяткина – Мария Николаевна Вяткина»¹⁸.

После отъезда из Омска А. Ф. Достоевский прислал Ксении Алексеевне Зубаревой два письма, в которых сообщал о том, что фотографии, сделанные в Омске, поступят в фонд мемориального музея в Ленинграде. К сожалению, Андрей Фёдорович не дожид до открытия ни Ленинградского, ни Семипалатинского музеев: он умер в том

¹⁸ Зубарева К. Биографии, письма, заметки... // Складчина - 2. Омск, 1996. С. 513.

же 1968 г. В Омске были опечалены этой вестью и ещё активнее взялись за своё наболевшее дело.

В 1970 – начале 1971 гг. инициативная группа по организации Литературного музея пишет ряд обращений в высокие инстанции (обком КПСС, исполкомы Омского областного и городского Советов депутатов трудящихся) с обоснованием заявки на открытие музея к 150-летию со дня рождения Достоевского. В этих обращениях указывается новое здание, в котором планируется разместить музей. Ещё в ходе работы над книгой «По местам Достоевского в Омске» Палашенков выяснил, что на территории старой крепости сохранился бывший дом комендантов крепости, в котором Достоевский бывал.

Бывший дом комендантов Омской крепости. 1960-е гг.

Инициативной группой была проделана огромная работа по созданию музея. Привлечены заинтересованные организации: Омское отделение Союза писателей, отделения Союза журналистов и Союза художников, Омский педагогический институт имени А. М. Горького, Омское отделение общества «Знание», областная библиотека имени А. С. Пушкина, Омское отделение общества охраны памятников, Омское отделение Географического общества. В официальных письмах, подписанных представителями этих организаций, излагается поэтапный план действий по созданию музея и увековечиванию памяти Ф. М. Достоевского, в одном из пунктов которого говорится о необходимости установки мемориальных досок на здании военного госпиталя, медучилища № 3, дома № 1 по улице Достоевского. Активно велась работа и по дополнительному сбору экспонатов для будущего

музея. В документе, составленном Палашенковым, изложен подробный план работы:

«Обратиться к С. Т. Конёнкову с просьбой о пожертвовании музею авторского повторения скульптуры “Достоевский на каторге”.

Обратиться к В. Я. Кирпотину и Л. П. Гроссману (достоевсковеды. – Ю. З.) о пожертвовании музею иллюстраций и рукописей о Достоевском.

К директору музея-квартиры Ф. М. Достоевского в Москве Г. В. Коган с просьбой о выделении для организации музея материалов о Ф. М. Достоевском по омскому периоду.

Обратиться к А. Н. Либерову о мобилизации студентов для зарисовок мест, связанных с Достоевским.

К К. Н. Щёкотову о пожертвовании авторского повторения картины “Достоевский на берегу Иртыша”.

С такой же просьбой к художнику Оськину.

Художнику И. С. Никитенко написать портрет Ф. М. Достоевского (копия с Перова).

Написать портреты: Ч. Валиханова, А. Е. Врангеля, князя Горчакова, Гасфорда, Сулоцкого. Художники Чириков и Поляков.

Д. И. Логачёву написать картины из “Мёртвого дома” с Кривцовым¹⁹.

Многие пункты этого плана были исполнены. Картины Логачёва, Оськина, Щёктова значатся в тематико-экспозиционном плане выставки, организованной к 150-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского.

Известно также, что инициативной группой были сделаны заявки в Пушкинский дом (Ленинград) на изготовление фотокопий материалов Ф. М. Достоевского. Обращались омичи и в Государственный литературный музей (ГЛМ) с просьбой оказать шефскую помощь. ГЛМ готов был отправить в Омск своего сотрудника для оказания практической помощи, как только возникнет в этом необходимость; из Москвы также должен был приехать представитель Союза писателей для принципиального решения вопроса о музее.

Идея создания литературного музея была в очередной раз одобрена властями города, теперь уже не формально. В сентябре 1970 г. состоялась встреча членов инициативной группы с председателем горисполкома А. И. Бухтияровым, о чём свидетельствует запись в дневнике Палашенкова²⁰. Заслушав сообщение группы о том, что

¹⁹ Фонды ОГИКМ. ВОМК 1647/237.

²⁰ ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 2. Л. 59.

уже сделано, о необходимости предоставления для музея бывшего дома комендантов Омской крепости, председатель горисполкома дал принципиальное согласие на освобождение квартир дома для организации музея, отметив, что есть возможность в будущем расселить жильцов этого дома по новым квартирам. Воодушевлённая вниманием властей общественность приступила к составлению плана юбилейных мероприятий к 150-летию со дня рождения Достоевского.

В июне 1971 г. в газете «Омская правда» была напечатана статья за многими подписями «К юбилею великого писателя». Эта статья является своеобразным отчётом о проделанной работе. Но главное её назначение – напомнить о необходимости увековечивания памяти Достоевского в Омске, о скорейшем освобождении комнат в доме, где к ноябрю этого года нужно устроить юбилейную выставку. Оговорены перспективы: «В дальнейшем, при расширении освобождённой площади (в доме 12 квартир), выставка может быть превращена в музей “Писатели-омичи” и включить в себя материалы о русских и советских писателях, бывших в нашем крае (Радищев, декабристы, Чернышевский, Чехов, Сейфуллина, Вс. Иванов, Г. Николаева и писатели-омичи – Вяткин, Сорокин, Драверт, Мартынов и другие)»²¹. Далее отмечается, что этот музей будет единственным в Сибири литературным музеем. В заключительной части статьи поднимается вопрос об установлении памятника Ф. М. Достоевскому в Омске.

В ответ на статью и просьбы общественности последовал ряд важных решений городских властей. Так, 5 августа 1971 г. исполнительный комитет Омского городского Совета депутатов трудящихся принял решение об установлении мемориальной доски на комендантском доме. (Замечу, что сделано было даже больше того, что определено в этом документе: вместо доски на доме был установлен барельеф работы скульптора Д. Ф. Манжоса, изображающий Ф. М. Достоевского, одетого в арестантскую шинель.)

1971-й год стал годом рождения музеев Достоевского в Ленинграде и Семипалатинске. А в Омске в этом году ушёл из жизни Андрей Фёдорович Палашенков...

Несмотря на потери и неудачи, инициативная группа по организации омского музея упорно продолжала свою работу. И 27 января 1972 г. исполком Омского городского Совета депутатов трудящихся принял решение № 34 о выделении областному управлению культуры двухкомнатной квартиры для организации мемориальной ком-

²¹ К юбилею великого писателя // Омская правда. 1971. 20 июня.

наты Ф. М. Достоевского как филиала областного краеведческого музея²². Под документом стоит подпись председателя горисполкома А. И. Бухтиярова, который был лично заинтересован в создании музея. Во многом благодаря его стараниям вскоре начнут переселять жильцов из дома комендантов Омской крепости.

С благодарностью вспоминает Бухтиярова одна из активных участниц инициативной группы К. А. Зубарева. В статье, посвящённой десятилетию музея, она называет имя Бухтиярова в ряду тех, кто участвовал в нелёгком процессе созидания и помог разрешить, пожалуй, самую сложную проблему того времени.

Наконец последовало окончательное решение исполкома № 161 от 14 апреля 1975 г.: «Принять предложение областного управления культуры, областного общества охраны памятников истории и культуры об открытии в 1975 году в г. Омске филиала областного краеведческого музея с экспозицией, посвящённой Достоевскому и писателям-омичам.

Разместить филиал областного краеведческого музея в доме № 1 по улице Победы (квартиры № 2, 6, 7, 8)»²³.

Так спустя почти пятьдесят лет Омский литературный музей обрёл своё помещение.

Ремонт в здании по улице Победы, 1 должен был закончиться в 1976 г. В план работы краеведческого музея на 1976 г. входила разработка тематико-экспозиционного плана (ТЭП) и создание экспозиции Литературного музея. Эта работа была поручена заведующей отделом истории досоветского общества краеведческого музея Л. С. Худяковой. В 1977 г. первый вариант ТЭПа был закончен. План и объяснительная записка к экспозиции Литературного музея были представлены на рецензию в областной комитет партии, горисполком, областное управление культуры, писателям и литературоведам. В рецензиях были указаны некоторые недоработки. В процессе обсуждения тематического плана родилось название будущего музея, которое предложила К. А. Зубарева: «Литературный музей имени Ф. М. Достоевского»²⁴.

В здании будущего музея был проведён косметический ремонт, но этого было недостаточно: для размещения постоянно действующей экспозиции требовалась детальная реконструкция. Затянувшийся ремонт давал время для совершенствования тематико-экспозици-

²² ГИАОО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 2029. Л. 218.

²³ ГИАОО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 3091. Л. 359.

²⁴ Архив ОГЛМД. «История музея».

онного плана и дополнительного сбора экспонатов. Л. С. Худякова и сотрудница краеведческого музея Л. Ф. Хапова были командированы в Москву на стажировку в Государственный литературный музей. Сотрудники ГЛМ приняли участие в обсуждении плана омского музея, внесли замечания и дополнения. Была проведена собирательская работа: состоялись встречи с поэтом Л. Н. Мартыновым, вдовой писателя Всеволода Иванова, литератором В. Г. Утковым, от которых Худякова и Хапова получили ценные экспонаты.

После возвращения из Москвы Худякова заново переработала тематико-экспозиционный план. Экспозиция Литературного музея строилась по тематико-хронологическому принципу и состояла из тринадцати разделов²⁵. Этот план даёт представление о том, какая большая изыскательская работа была проведена, ведь в те годы ещё не была написана история сибирской литературы. В работе над планом, несомненно, помогли материалы, собранные Ю. И. Шуховым и И. С. Коровкиным. Но всё-таки в тематическом плане большой процент составляли копияльные материалы, не всегда хватало информации о писателях или событиях литературной жизни Омска. Нужно было проводить исследования в архивах и библиотеках, писать многочисленные запросы в разные города страны, вести целенаправленное комплектование коллекций, отражающих историю формирования и развития литературного процесса в Омске. Для этих целей в октябре 1978 г. в краеведческом музее был создан отдел литературных экспозиций.

Первыми сотрудниками литературного отдела стали филологи В. С. Вайнерман и Н. Г. Собянина. За два года они собрали более тысячи экспонатов для Литературного музея. В 1979 г. состоялась первая выставка, созданная сотрудниками отдела, «Пусть всегда будет солнце», посвящённая 50-летию со дня рождения омского поэта Т. М. Белозёрова. Так как ремонт в комендантском доме ещё не завершился, выставка прошла в помещении краеведческого музея.

Поиски архивов литераторов, погибших во время Великой Отечественной войны, оказались настолько успешными, что в 1980 г. литературный отдел создал передвижную выставку «Вперёд, за наше Лукоморье». В. С. Вайнерман успешно работал в государственных архивах Омска и Москвы, где были найдены неизвестные ранее документы: чертёж омского крепостного острога 1847 г., формулярный список о службе и достоинстве коменданта Омской крепости полков-

²⁵ Архив ОГЛМД. «История музея».

ника А. Ф. де Граве, материалы о семье видного чиновника Я. С. Капустина. Копии этих документов вошли в экспозицию омского музея.

За четыре года подготовки к открытию нового музея накопилось шесть объёмистых папок с письмами от разных адресатов. Многие корреспонденты с радостью присылали свои воспоминания, сохранившиеся автографы, книги, фотографии. Была установлена связь с бывшей учительницей, участницей литературной жизни Омска 1920–1930-х гг. Е. Н. Жданович, которая стала постоянной помощницей в деле организации музея. Пенсионерка Н. Д. Пашкевич была близкой подругой жены Л. Н. Мартынова, у неё хранилась переписка с семьёй Мартыновых, все книги поэта с автографами и другие материалы. Всё это Нина Дмитриевна передала в музей и впоследствии участвовала во многих музейных начинаниях. Вдова репрессированного поэта Г. А. Вяткина передала в фонды музея редкие автографы стихотворений, книги, письма, фотопортрет Ромена Роллана с автографом французского писателя. Вдова композитора В. Я. Шебалина прислала редкие автографы, фотографии, книги. И это далеко не полный перечень тех, кто откликнулся на просьбы музейщиков.

Летом 1980 г. в литературный отдел музея на должность заведующего был принят А. Э. Лейфер – журналист, исследователь биографии Ф. М. Достоевского. Лейфер включился в работу по сбору экспонатов и усовершенствованию тематико-экспозиционного плана.

В июне 1980 г. был создан Омский государственный объединённый исторический и литературный (ОГОИЛ) музей путём объединения пяти государственных музеев области на базе Омского областного краеведческого музея²⁶. В это объединение вошёл и Литературный музей имени Ф. М. Достоевского.

В начале 1980-х гг. страна переживала настоящий музейный бум, приступили к разработке научной комплексной программы развития музейного дела и организации музейной сети. Подвергались критике односторонний профильный состав музейных учреждений и малое количество музеев в регионах Сибири, Дальнего Востока и др. В результате повсеместно стали создаваться музейные объединения, в которые входило большое количество музеев разного профиля²⁷. В постановлении ЦК КПСС «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев» (1982 г.) подчеркивалась значимость создания объединений. Таким образом, создание ОГОИЛ музея вполне соответствовало духу времени.

²⁶ ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 540а. Л.1.

²⁷ Бартковская А. Музейное дело на новом этапе // Культурно-просветительная работа. 1981. №2.

Музейные объединения в конце 1970-х – начале 1980-х гг. стали современной формой организации музейной сети, они были актуальны и жизнеспособны, дали новый импульс всем направлениям музейной деятельности – комплектованию, фондовой, экспозиционной, научно-исследовательской и научно-просветительской работе. Во многом благодаря созданию омского объединения был завершён ремонт в здании Литературного музея и оформлена экспозиция; но музейная сеть не получила дальнейшего развития. Система экспозиций в музейных объединениях предполагает максимально использовать сохранившиеся мемориальные памятники и памятные места, связанные с историей края. Не раз в Омске ставились вопросы о мемориализации домов А. С. Сорокина и Л. Н. Мартынова, о создании новых музеев. Но даже музейному объединению было не под силу снова вступать в тяжёлую борьбу для реализации этих планов. Инерция и равнодушие чиновников оказались в нашем городе сильнее.

Капитальный ремонт здания Литературного музея, начавшийся в 1978 г., шёл довольно медленно и трудно. В апреле 1980 г. в газете «Молодой сибиряк» появилось сообщение о том, что реконструкция дома заморожена. Однако спустя два месяца после этого строительные работы возобновились. К сожалению, реконструкция и ремонт дома были проведены без научно-методического анализа, что привело к утрате ощущения подлинности. Из-за нехватки средств и времени не было сделано попытки восстановить интерьер дома коменданта крепости середины XIX в. Художники, которые работали над экспозицией, признавались, что они были поставлены почти в экстремальные условия.

В июне 1980 г. в Омск для составления проекта оформления Литературного музея приехал московский художник Эдуард Иванович Кулешов. Это был талантливый сценограф, выставочный дизайнер, автор эскизов оформления многих экспозиций в ведущих музеях страны. Кулешов оформлял выставки Н. Г. Чернышевского в Государственном историческом музее, экспозиции в театральном музее А. А. Бахрушина, музеев А. Н. Островского в Замоскворечье и Л. Н. Толстого в бывшей монастырской гостинице Спасо-Бородинского монастыря. Художник имел своё особое представление о том, что есть музей. По его мнению, музеи – это храмы нашей общей памяти о великих событиях, гениях и героях. Работая над проектами экспозиций музеев, он использовал современные методы оформительского искусства. «Образ – самый лучший код памяти, которую человечество передает по цепочке от поколения к поколению, – признавался он в интервью омской газете»

те. – Образный, эмоциональный строй общей концепции, создание единого сценария, архитектурно-закономерная связь предметно-вещевой среды и архитектурного пространства, стилевое единство музейного оборудования – вот черты современного подхода к проблеме музейного дизайна»²⁸. В Омске Кулешов ставил перед собой задачу сделать музей, который станет своего рода культурным центром, местом встреч литераторов, проведения тематических вечеров, дискуссий. Художник считал, что музеи пока не используют полностью всех своих возможностей более активного приобщения людей к духовной жизни. Потому он и взялся с такой охотой за оформление музея Достоевского – писателя высокой духовности и напряжённой мысли. Именно в таком музее возможен поиск новых форм общения литераторов, историков со зрителями и читателями. С позиции сегодняшнего дня мы видим, насколько Кулешов опережал своё время.

В 1981 г. исполнялось 160 лет со дня рождения Ф. М. Достоевского. Понимая, что закончить работы к этой дате не удастся, сотрудники литературного отдела задумали устроить генеральную репетицию будущего музея и 24 августа 1981 г. открыли в двух залах выставку «Первые поступления в Литературный музей. Писатели – XXVI съезду КПСС». Разрезал ленточку перед входом в зал поэт Т. М. Белозёров. На фоне этой выставки 10 ноября провели первый в истории музея литературный вечер, посвящённый юбилею Ф. М. Достоевского.

Понадобилось ещё чуть больше года, чтобы завершить ремонтные работы на фасаде Комендантского дома, осуществить благоустройство прилегающей территории и главное – доработать и оформить экспозицию²⁹. Тематико-экспозиционный план, составленный Л. С. Худяковой, был значительно переработан и дополнен. Научно-методический Совет Государственного литературного музея при участии Научно-исследовательского института культуры, состоявшийся 18 февраля 1981 г., указав на отдельные недостатки плана, отметил высокий уровень профессионального мастерства авторов, их умение комплектовать и отбирать нужный материал, чётко формулировать задачи будущей экспозиции. Заведующая сектором литературных музеев Научно-исследовательского института культуры Е. Г. Ванслова сделала вывод, что «в Омске будет построен интересный, современный музей, один из первых в стране музеев региональной литературы»³⁰. В 1982 г. литературный

²⁸ Колина О. На каком языке говорит история? // Вечерний Омск. 1982. 11 марта.

²⁹ Архив ОГЛМД. «История музея».

³⁰ Рецензия на ТЭП экспозиции ОГЛМД. С. 3. Хранится в архиве ОГЛМД.

отдел представил новый тематико-экспозиционный план музея, доработанный с учётом внесённых замечаний. Приступили к его реализации.

И строительные материалы, и оборудование для экспозиции доставались с большим трудом, каждый рабочий день музейных сотрудников проходил буквально в боевых условиях. Вот одна из характерных дневниковых записей тех лет директора Ю. А. Макарова: «25 октября 1982 г. В музее чехарда и кутерьма. Пилят, строгоют, сверлят, аж в ушах звенит. Сотрудники как чернорабочие – в подмастерьях у Кулешова. Эдуард Иванович замкнут и сосредоточен, никого не слушает, ни с чем не соглашается, делает экспозицию единолично. Без монтажных листов, без всякого сценария. Что у него выйдет – никто не знает. Наблюдаю за художником: мелькает, снуёт то тут, то там. Кого-то напоминает: глазки глубокие, лоб лысоватый, бородачка включенная... Понял, самого Фёдора Михалыча! Оба – на омской каторге.

Завезли экспонаты. По ряду комплексов пошла раскладка. Это уже что-то. В типографии напечатан наш первый рекламный проспект»³¹.

Позднее художник Э. И. Кулешов особо отмечал энтузиазм маленького музейного коллектива. А оформление омского музея комиссия московского комбината художественно-оформительского искусства признала лучшим среди музеев России за 1983 г.

Кроме оформительских работ, сотрудники музея продолжали заниматься наукой, разрабатывали тексты тематических экскурсий по будущей экспозиции. В периодической печати активно выступали В. С. Вайнерман и А. Э. Лейфер. На заключительном этапе подготовки к открытию экспозиции музея помощь сотрудникам оказали литературовед, преподаватель Омского государственного университета С. Н. Поварцов, писатель-краевед И. Ф. Петров, журналист М. С. Мудрик, научный сотрудник Государственного архива Омской области Н. Г. Линчевская, служители областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина.

Литературный музей, согласно плану работы ОГОИЛ музея, должен был открыться в конце 1982 г. Но к этому времени оставались неокрашенными полы, не были решены проблемы с внутренним освещением экспозиции. Несмотря на недоделки, открытие состоялось. В декабре была проведена показательная экскурсия для партийного руководства города, после чего музей закрылся на доработку.

Наконец 27 января 1983 г. по ОГОИЛ музею был издан долгожданный приказ об открытии экспозиции Литературного музея имени Ф. М. Достоевского для массового посещения; 28 января состоялось

³¹ Макаров Ю. А. Бессонница. Избранные произведения. Омск, 2008. С. 327.

торжество. Тогда и зародилась первая музейная традиция: ежегодно 28 января отмечать день рождения Омского литературного музея имени Ф. М. Достоевского.

И с тех самых пор время от времени возникает вопрос: «Так когда же праздновать музею свой день рождения? С какого года начинать отсчёт?». Дат получается действительно много: и официальный 1975 г., и более «справедливый» 1978 г., когда появился литературный отдел. Можно считать отправной точкой 24 августа 1981 г. – время открытия первой выставки. Высказывалось даже мнение о том, что раз самостоятельным музеем стал с 1 января 1992-го (когда вышел из состава объединения в свободное плавание), то от этого дня и необходимо считать...

Развитие Омского государственного литературного музея имени Ф. М. Достоевского до 1992 г. было обусловлено деятельностью краеведческого музея. Используя опыт одного из старейших музеев Сибири, сотрудники молодого музея получали необходимые знания, приобретали навыки фондовой, экспозиционной, методической работы. В эти годы начали формироваться и интенсивно пополняться фонды Литературного музея по четырём основным направлениям: архивы писателей, связанных с Омском; материалы о жизни и творчестве Ф. М. Достоевского; книжный фонд; архив истории Омской писательской организации.

Необходимо было заполнить «белые пятна», которые выявились в процессе работы над экспозицией и во время подготовки текстов экскурсий и лекций. Зал современной литературы требовал постоянного обновления. Ряды Омского отделения Союза писателей пополнялись новыми именами, издавались книги, литераторы участвовали в работе различных съездов и семинаров, – всё это сотрудники музея старались отразить в экспозиции. До конца 1980-х гг. были сформированы архивы многих участников литературной жизни Омска, а также писателей, чьи биографии связаны с нашим городом: Вс. В. Иванова, В. Г. Уткова, П. Н. Васильева, С. В. Сартакова, С. П. Красикова и др.

В результате активных поисков в музей поступили интереснейшие архивы, в состав которых входят уникальные предметы: неизвестные фотографии сибирских писателей, редкие автографы, книги, личные вещи. Как правило, это собрания, представляющие не только их владельца, но и целый круг ярких, талантливых личностей, а то и целую эпоху в литературной жизни Сибири. Это архивы писателя

Ф. А. Березовского (сбор В. С. Вайнермана – 1985 г.), литературоведа Е. И. Беленького (сбор В. С. Вайнермана, оформление Л. С. Мартыновой – 1986 г.), поэта и журналиста Н. В. Феоктистова (сбор В. С. Вайнермана – 1987, 1989 гг.), писательницы Е. Н. Анучиной (сбор Л. С. Мартыновой – 1989 г.) и др. Быстро пополнялся книжный фонд музея за счёт дарений и поступлений личных библиотек (библиотеки Ф. А. Березовского, Т. М. Белозёрова и др.).

Успешно проводилось комплектование материалами изобразительного искусства. Для экспозиции музея были заказаны копии с нескольких картин и рисунков. Позднее музей закупил и получил в дар скульптурные, живописные и графические работы омских художников и скульпторов: А. А. Цымбала, П. П. Карякина, Т. П. Козлова, Б. Н. Николаева, К. Н. Щёктова, В. Н. Белана, И. И. Желистова, В. К. Кудряшова. Эти художники создали портреты Ф. М. Достоевского и омских писателей, а также иллюстрации к книге Ф. М. Достоевского «Записки из Мёртвого дома» (В. Н. Белан). Художникам-иллюстраторам уделялось большое внимание в комплектовании фондов Литературного музея. В. С. Вайнерман вёл научную тему «Омские художники – иллюстраторы книг», составил научную библиографию по данной теме и собрал интересный архив омского художника Е. А. Крутикова.

Но в собирательской работе музей не ограничивался творчеством омских художников. Были приобретены оригиналы рисунков к книгам Т. М. Белозёрова московских художников Н. И. Калиты и Н. А. Короткина. С последним сотрудники музея установили творческие связи, и в 1985 г. состоялась выставка иллюстраций художника. Рисунки с выставки были подарены музею.

Оригинальным иллюстратором «Записок из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского был московский художник Л. И. Ламм. Он создал цикл графических листов, иллюстрирующих каждую главу произведения. Рисунки закупались у автора в течение нескольких лет по мере их создания.

В 1985 г. после длительной переписки музей приобрёл цветные иллюстрации к «Запискам из Мёртвого дома» Достоевского киевской художницы Е. В. Овчинниковой. Эти работы экспонировались автором на республиканских, всесоюзных и зарубежных выставках. После приобретения музеем иллюстрации были помещены в постоянно действующую экспозицию.

Благодаря существованию Литературного музея в Омске сохранилась частная коллекция И. А. Синеокого «Есениниана». После вне-

запной смерти владельца долго решался вопрос о судьбе коллекции, так как для Омска она считалась непрофильной. Наконец, её решили приобрести для фондов Литературного музея. На основе этого собрания состоялись две выставки, вызвавшие большой интерес у омичей и собравшие огромное количество посетителей. В течение десяти лет «Есениниану» не ставили на учёт в головном музее. По этой причине она была законсервирована и исследователи не имели к ней доступа. В архиве музея есть несколько писем-обращений с просьбами о работе с материалами коллекции. Только с 1990 г. началось её описание, а к 2000 г., уже в самостоятельном музее, собрание Синеокого было полностью поставлено на государственный учёт.

В целом фондовая работа Литературного музея до 1992 г. заключалась в комплектовании и научном описании собранных материалов. В коллекциях музея представлены разнообразные предметы, имеющие музейное значение. Все материалы тщательно изучались и использовались в выставочной и научной работе.

Экспозиционная деятельность Литературного музея всегда осложнялась тем, что в здании не был предусмотрен выставочный зал и отсутствовало специальное оборудование. Как правило, к юбилейным датам омских писателей устраивались небольшие выставки (несколько витрин) из собственных фондов музея. Но омский музей стремился к тому, чтобы отмечать не только местные даты, необходимо было говорить с посетителем о великой русской литературе. Несмотря на существенные неудобства и физические трудности (под выставки приходилось разбирать зал современной литературы, а потом вновь его восстанавливать), ежегодно открывались большие привозные экспозиции. Так, в течение нескольких лет омичи смогли увидеть материалы из фондов Государственного литературного музея (Москва), рассказывающие о жизни и творчестве А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, писателей-фронтовиков. Побывал у нас в гостях ялтинский мемориальный музей А. П. Чехова. Эти выставки, основанные на подлинных предметах, вызывали большой интерес посетителей и собирали множество благодарных и восторженных отзывов. Запомнились они и оригинальным художественным оформлением в исполнении омского театрального художника А. В. Верёвкина.

Александр Владимирович Верёвкин создал также яркое образное оформление ряда выставок из собственных фондов Литературного музея: «Сибирский писатель – Антон Сорокин», «Свет доброты» (па-

мяти Т. М. Белозёрова), «Сергей Есенин. Жизнь, время, судьба». Последняя была создана на основе коллекции Синеокого «Есениниана». Многие жители нашего города вспоминают её до сих пор, настолько она была яркой.

Таким образом, несмотря на проблемы с помещением, выставочная деятельность Омского литературного музея имени Ф. М. Достоевского проходила на довольно высоком уровне. По две привозных выставки проводилось ежегодно, и вся тяжесть по их доставке, размещению и обслуживанию ложилась на плечи всего лишь двух научных сотрудников и заведующего филиалом. Количество проведенных экскурсий одним человеком просто впечатляет, у нынешних экскурсоводов нет таких нагрузок! Так на практике приобретался бесценный опыт экспозиционно-выставочной работы.

Научной работой в Литературном музее занимались все сотрудники. Уже на этапе подготовки экспозиции музея было выявлено несколько проблем, требующих научных изысканий. Две основных темы выделились сразу: омский период жизни Ф. М. Достоевского и развитие литературы Сибири.

В процессе создания экспозиции были разработаны тексты тематических экскурсий, охватывающие почти два века истории литературы Сибири. Научной литературы по данной тематике в те годы было крайне мало, так как литературный процесс в Сибири только начинали изучать. Тем, требующих освещения, было гораздо больше, чем сотрудников музея, порой им приходилось заниматься разработкой нескольких направлений одновременно. Так, заведующий Литмузеем В. С. Вайнерман, занимаясь изучением омского окружения Достоевского, собирал материал по теме «История омской периодической печати». Исследования по первой теме были изложены в многочисленных публикациях в местных и столичных изданиях, в докладах на Достоевских чтениях в Ленинграде, а также стали основой книги «Достоевский и Омск» (1991).

Младший научный сотрудник А. Ю. Лысова составила библиографию «Сибирская поэзия XX века» и каталог «Книги с автографами в собрании музея». Старший научный сотрудник Л. С. Мартынова занималась изучением жизни и творчества писателей Ф. А. Березовского, В. А. Итина, разрабатывала тему «Омские литераторы в журнале “Сибирские огни”, 1920–1930 гг.». Она же начала работу над тематико-экспозиционным планом реэкспозиции зала современной литературы. Научный сотрудник

О. А. Корчагина с 1989 г. формировала структуру реэкспозиции и картотеку к новому тематико-экспозиционному плану.

Все сотрудники музея принимали участие в научных конференциях в разных городах страны, публиковались в научных и периодических изданиях. Работа музея постоянно освещалась не только в газетах, но и на радио и телевидении. В трёх-пяти передачах омского радио и телевидения ежегодно принимали участие представители Литературного музея. Зачастую они сами писали сценарии этих передач и выступали в роли ведущих. В газете «Омская правда» с середины 1980-х гг. появилась постоянная рубрика «Литературный музей», которую также вели сотрудники ОГЛМД.

Просветительская деятельность Литературного музея всегда отличалась творческим и инновационным подходом. Каждая экскурсия разрабатывалась в нескольких вариантах с учётом возраста посетителей. Для учащихся начальных классов создавались беседы с элементами игры и театрализации. Для старшеклассников – лекции и литературные композиции. Действовала в музее и литературная гостиная, где выступали писатели, актёры, музыканты. Цикл мероприятий для младших школьников с использованием русского костюма, музыки, кукол был разработан научными сотрудниками Т. Ф. Бацевич и Н. В. Жильцовой еще тогда, когда в словаре музейщиков не появился термин «интерактив». В 1980-е – начале 1990-х гг. такие музейные мероприятия в омских музеях были редкостью. За несколько лет научно-просветительской деятельности сотрудниками Литературного музея была создана база по изучению истории региональной литературы. В настоящее время наш музей является научным центром, куда обращаются за материалом литературоведы, аспиранты, журналисты, студенты, учителя, школьники.

В целом история развития Омского государственного литературного музея имени Ф. М. Достоевского до 1992 г. была вполне традиционной. В 1970–1980-е гг. жизнь значительной части вновь организованных литературных музеев начиналась в «недрах» тех или иных музеев, чаще всего краеведческих. Но в то же время создание Литературного музея было делом новым: он был и остаётся единственным историко-литературным музеем в Западной Сибири. Небольшому коллективу приходилось осваивать опыт работы не только краеведческого музея, но и литературных музеев Москвы, Ленинграда, Семипалатинска. Так постепенно омский музей накапливал собственный опыт и собственные традиции.

В конце 1980-х гг. настал момент, когда Литературный музей, достигнув довольно высокого уровня развития во многих областях музейной деятельности, стал тяготиться своей подчинённостью. Это время совпало с коренной ломкой общественного уклада жизни нашей страны. Изменения в политике, идеологии, в самосознании людей не могли не коснуться и сферы культуры. Резко выявились противоречия между головным музеем и его филиалами: финансирование по остаточному принципу; идеологическое вмешательство в научную, фондовую и экспозиционно-выставочную деятельность; централизованное хранение фондовых коллекций и др.

Необходимо напомнить, что в 1980-е гг. музеи всё ещё находились под контролем директивных органов. В постановлениях ЦК КПСС, принятых в 1964 и 1982 гг., музеи относились к структуре государственных институтов, предназначенных для идеологического воздействия на массы. Под жёсткий партийно-ведомственный контроль были поставлены все сферы музейной деятельности. Как правило, это касалось не только музеев исторического профиля, но и всех других. Для Омского литературного музея директивным органом стал головной музей – историко-краеведческий.

К комплектованию фондовых коллекций также подходили с позиций партийной идеологии. Так, фондовая комиссия ОГОИЛ музея запретила принимать на хранение архив поэта Юрия Сопова в связи с тем, что во время Гражданской войны он служил на стороне белых. В результате такого подхода к комплектованию фонды многих музеев отличались отсутствием материалов по истории белого движения. Сейчас эти пробелы восполняются с большим трудом.

Каждая вновь разработанная экскурсия, лекция или беседа принималась научно-методическим советом, где давались рекомендации, в том числе и идеологические. Литературу превращали в служанку политики, идеологии и ставили в подчинённое положение по отношению к истории.

В 1991 г. в Литературном музее была разработана концепция самостоятельного развития музея и начался процесс выделения филиала из состава музейного объединения. В дальнейшем предполагалось создание на базе Литературного музея имени Ф. М. Достоевского нового культурного центра. Для этого необходимо было провести полную реэкспозицию музея и создать две новые экспозиции: «Достоевский и Сибирь» и «Писатели-омичи» – в двух отдельных зданиях. Эта концепция возникла уже в конце 1980-х гг., когда Литературному музею решением исполнительного комитета Омского городского Совета народных депутатов № 316 от 20 июля 1987 г. было передано

одноэтажное строение, располагающееся рядом с основным зданием музея. Этим же решением предписывалось к 1989 г. осуществить ремонт и приспособление помещения под музейную экспозицию.

В связи с вводом в эксплуатацию дополнительного здания и расширением сферы деятельности предполагалось укрупнение штата музейных сотрудников, введение должностей главного хранителя фондов, экскурсоводов, бухгалтера и др. Делалась ставка на привлечение дополнительной финансовой прибыли посредством создания при музее литературного кафе, магазина книжной продукции и сувениров, лекционно-концертного зала, коммерческих выставок, издательской деятельности.

Эта концепция была одобрена Управлением культуры. Литературный музей приказом № 120 от 19 декабря 1991 г. вышел из состава музейного объединения и получил статус юридически самостоятельного учреждения. В приказе было намечено расширение сферы деятельности Литературного музея: «§ 2. Создать на его (музея. – Ю. З.) основе Культурный центр Омский государственный литературный музей имени Ф. М. Достоевского с приданием ему статуса юридического лица, открытием своего расчётного счета. Работу культурного центра ОГЛМ строить на основе Договора с учредителем в лице Областного управления культуры и Устава.

§ 3. Передать здания по ул. Достоевского, 1 и П. Некрасова, 1А с баланса ГОИЛ музея на баланс Областного управления культуры для создания в них экспозиций: “Достоевский и Сибирь”, “Писатели-омичи”, выставочного, театрального зала, литературного кафе и музейных помещений для фондохранилища и библиотеки»³².

27 августа 1992 г. был зарегистрирован Устав Омского государственного литературного музея имени Ф. М. Достоевского, согласно которому данный музей «создан в целях углубления и расширения культурно-просветительной работы среди населения, совершенствования и разнообразия форм научной и выставочной деятельности, осуществления собственной хозяйственной и коммерческой деятельности. Музей комплекзует фонды материалами, раскрывающими историю формирования литературных традиций края. Образует мемориальные, типологические и исторические коллекции. Особое внимание музей уделяет изучению жизни и творчества Ф. М. Достоевского, комплектованию и хранению прижизненных изданий его произведений, иллюстраций к ним как отечественных, так

³² Архив ОГЛМД. Д. 01-04. Л. 2.

и зарубежных художников, материалов по биографии писателя»³³. Таким образом, Литературный музей теоретически и практически был готов к самостоятельной деятельности.

Выход Литературного музея из состава объединения не был одиночным явлением. Подобная тенденция наблюдалась в начале 1990-х гг. повсеместно. В это время российские музеи переживали кризис. Экспозиции, построенные в духе старой идеологии, представляли самое слабое звено музейной деятельности. Особенно это касалось музеев исторического профиля, так как их идеология напрямую зависела от политического курса страны. Но именно эти музеи в большинстве случаев являлись центрами музейных объединений. Перестройка общества и его институтов, кризис исторической науки, определение места музея и критериев воплощения исторического знания, отрицание прежних методов построения экспозиции заставили историко-краеведческие музеи обратить внимание на свои проблемы. Тут уж было не до филиалов. К тому же на смену ограничениям в научно-творческом поиске пришли экономические трудности. Известно, что и раньше музеи финансировались недостаточно, а в перестроечные годы они были поставлены в жёсткие рамки выживаемости.

С другой стороны, музеи-филиалы в новых общественных условиях почувствовали дух свободы и возможность самостоятельного существования. Многие из них не располагали приспособленными под музейные нужды помещениями, достаточным для полноценной работы штатом сотрудников, но желание самостоятельно распорядиться собственными фондами, осуществлять научную, экспозиционную, выставочную и просветительскую деятельность было сильнее. Тем более что улучшение условий было обещано отделявшимся музеям их новыми учредителями. Из состава Омского государственного объединённого исторического и литературного музея почти в одно время вышли музеи: литературный, воинской славы омичей, В. В. Куйбышева, Большереченский историко-краеведческий. Музейное объединение распалось, что было закреплено Постановлением главы администрации Омской области «О структурной реорганизации сети музеев Омской области» № 407-П от 8 декабря 1992 г.

Никто не мог предположить, что после 1991 г. наступит крайне неблагоприятное время для развития культуры. Наряду с финансовыми трудностями наблюдалось сужение сферы туризма, ослабление интереса к музеям, резкое снижение посещаемости. Появление в обществе

³³ Архив ОГЛМД. Д. 01-04.

новых ценностных ориентиров и идеалов повлекло за собой изменение мотивации посещения музея, нарушился прежний баланс спроса и предложений. Дефицит финансирования учреждений культуры, трудности обеспечения приемлемых материальных условий для сотрудников музеев и другие подобные явления вызвали шок. Остро был поставлен вопрос о самом существовании музеев – уникальных хранилищ человеческой памяти и культуры. Конечно, большим музеям пережить кризис было всё же значительно легче, но не было гарантии, что в этих условиях хватало бы средств на полноценное содержание филиалов. Вряд ли положение малых музеев было бы легче, останься они в музейных объединениях. Тому есть немало негативных примеров.

Положение Омского литературного музея было также нелёгким: обещанный ремонт остановился на начальной стадии, увольнялись из-за низких зарплат сотрудники, передача фондов из краеведческого музея затягивалась, не было средств на проведение привозных выставок и оплату работы художника. Зал современной литературы пришлось разобрать окончательно, так как начались негативные процессы внутри самой писательской организации. В среде Союза советских писателей произошёл раскол по идеологическим причинам. Не обошёл этот раскол и Омск. С 1993 г. в нашем городе сосуществуют уже две писательские организации со схожими названиями: Союз писателей России и Союз российских писателей. Литераторы, занятые «партийными» проблемами, стали меньше писать художественных произведений, меньше выступать перед читателями. Перед Литературным музеем встала серьёзная задача: в положении «между двух огней» наладить контакт с обеими организациями так, чтобы не задеть ту или иную сторону. Нужно было создавать новую концепцию комплектования фондов материалами по современности.

Когда сотрудники Литературного музея поняли, что денег от государства на ремонт и реэкспозицию не получают, начали искать методы выживания в новых рыночных условиях. Сделали ставку на иностранных посетителей, которых привлекает загадка гения Достоевского. Открыли при музее небольшую лавку сувениров, а один из залов отдали в аренду под художественный салон. Совместно с салоном устраивали выставки. Пытались найти спонсоров, правда, безуспешно.

К 1995 г. состояние шока в сфере культуры стало проходить. Музеи вынуждены были прибегнуть к пересмотру своих концепций. Главной стратегией музеев в новых условиях стала стратегия выживания.

Музеи, являясь по своей сути частью социальной структуры общества, вынуждены реагировать на все изменения, происходящие в нём. В середине 1990-х гг. появились новые функции музея как социально-го института, изменились приоритеты в отношении «старых» функций. Под воздействием общественных перемен на первое место вышла культурно-образовательная функция музея. Появилось почти всеобщее убеждение, что музеи существуют для публики, а музей, в свою очередь, даже имея множество проблем, обладает возможностью не только обеспечить изучение и адекватное удовлетворение социальных, групповых и личностных интересов, но и активно участвовать в формировании новых ценностей.

В 1994 г. Омский литературный музей остался без научных сотрудников, в течение нескольких месяцев директор не только занимался административной и хозяйственной работой, но и проводил все экскурсии и лекции. В то же время В. С. Вайнерман приступил к разработке тематико-экспозиционного плана будущей экспозиции «Ф. М. Достоевский и Сибирь»; 19 декабря 1995 г. состоялся Учёный совет, на котором концепция и план были одобрены. На основании решения Совета 13 марта 1996 г. главой администрации Омской области Л. К. Полежаевым было издано Постановление о реконструкции Омского государственного литературного музея имени Ф. М. Достоевского и открытии экспозиции «Достоевский и Сибирь» к 175-летию со дня рождения писателя (11 ноября 1996 г.).

К концу 1995 г. в Омский литературный музей пришли новые сотрудники, и было положено начало организации работы по учёту фондов и обновлению тематических предложений музея. С 1 сентября этого же года была создана самостоятельная бухгалтерия, первым бухгалтером стала Валентина Фёдоровна Петровская*.

175-летие Ф. М. Достоевского Литературный музей отметил организацией и проведением Международных чтений «Достоевский и Сибирь», на которых все сотрудники выступили с докладами.

Омский литературный музей не только выжил в трудных условиях, но и сохранил своё лицо. Даже в крайне неблагоприятных условиях он осуществлял деятельность во всех направлениях музейной работы. Да, экспозиция осталась прежней, но в ней всё-таки можно было работать. В худшем положении оказались те музеи, которые закрылись на реэкспозицию и находились в состоянии ремонта много лет.

1998 г. стал переломным в деятельности Омского литературного музея: 28 января состоялся торжественный вечер, посвящённый пят-

*О В. Ф. Петровской см. на с. 119–126.

надцатилетие со дня открытия экспозиции, где прозвучали не только воспоминания и поздравления, но и были определены пути дальнейшего развития. С этого года в штатном расписании музея впервые появилась должность главного хранителя фондов и второго младшего научного сотрудника, возобновилась постоянная выставочная деятельность, налажился контакт с обеими писательскими организациями Омска и стабилизировалось комплектование фондов.

Главной проблемой оставалась устаревшая экспозиция. Даже в относительно стабильные периоды общественно-экономического развития в музеях должны происходить постепенные перемены. Если вовремя не осуществляется модернизация, экспозиция перестаёт удовлетворять требованиям времени и ситуации и становится нефункциональной. Что уж говорить о периодах коренной ломки всего общественного уклада страны. Наша первая экспозиция была построена по традиционному тематико-хронологическому принципу, исторические события отражались в ней односторонне, в духе идеологии коммунистической партии. На стендах в некоторых залах были размещены тексты-цитаты из произведений В. И. Ленина, из постановлений и резолюций партийных органов. Особо внимательные посетители бывали этим очень удивлены.

В начале 2000-х музейщики предприняли попытки осуществить давно задуманную концепцию создания новой экспозиции в двух зданиях, для этого не хватало проработанной концепции зала, посвящённого омским писателям. Этой темой занялась научный сотрудник Т. Ю. Николаева. Новая экспозиция «Писатели-омичи» должна была строиться с использованием принципов образно-художественного метода. Концепция и ТЭП были представлены в виде дипломной работы автора как итог обучения на курсах профессиональной переподготовки «Музейное дело. Охрана памятников истории и культуры» в Академии переподготовки работников культуры, искусства и туризма и получила отличную оценку. К большому сожалению, этот тематико-экспозиционный план не был осуществлён. В 2003 г. Омский агрегатный завод оспорил право музея на владение зданием по улице П. Некрасова, 1А. Вскоре здание было снесено, образовавшийся на его месте пустырь обнесён забором, который по сей день «украшает» внутренний дворик Литературного музея.

Сотрудникам музея не оставалось ничего другого, как научиться работать по-новому в старой экспозиции. Никто из посетителей не мог упрекнуть нас в отсутствии новой информации, так как традиционная экскурсия по отдельным залам музея дополнялась элемента-

ми лекции и выставки. Дополнительный материал, который позволял увидеть события с разных точек зрения, раскладывался перед началом экскурсии на специальном столике и показывался «с рук». Постепенно музей отказался от тематического ограничения своих лекций и бесед региональным компонентом. Для привлечения большего потока посетителей сотрудники стали создавать лекции по индивидуальным заказам. Так были разработаны лекции по античной культуре, поэзии Серебряного века, творчеству Антония Погорельского, А. де Сент-Экзюпери, К. И. Чуковского, С. Я. Маршака и др. Впервые в истории музея начали проводиться развлекательные мероприятия для младших школьников – игры и литературные праздники. Практика показывает наличие спроса на данные разработки.

Время поставило Литмузей перед необходимостью изучения менеджмента и маркетинга, психологии и социологии, политологии и культурологии. Музееведам уже мало одной профильной науки. Появление новых дисциплин и их интеграция ставят задачу комплексного подхода к исследованию и передаче информативного потенциала культурного наследия, сконцентрированного в музеях. В 1999 г. в музее был создан отдел организационной, методической и маркетинговой работы. Первой заведующей отделом стала В. М. Савинцева. Сотрудники отдела посещали лекции и семинары по вопросам менеджмента и пиару, изучали специальную литературу, проводили маркетинговые и социологические исследования. Сегодня без подобных исследований невозможно прогнозировать, сколько и каких посетителей, а также с какой целью придёт в музей.

Результатом деятельности отдела стал ежемесячный клуб для учителей-словесников «Музей и школа». На заседаниях клуба учителя могли делиться друг с другом опытом, стать участниками музейной программы, побывать на мастер-классе от преподавателей вузов. В то же время сотрудники музея беседовали с учителями, проводили анкетирование и тем самым выявляли потребности потенциальных посетителей. В результате работы клуба созрела необходимость создания специальных программ, по которым одни и те же дети, в соответствии со школьными планами, приходят в музей в течение одного учебного года от трёх до десяти и более раз. В программу входили не только классические экскурсии, но и литературно-музыкальные вечера, деятельное участие в выставках, а также самостоятельный сбор информации в музее. В 2002/2003 учебном году главной темой обсуждения в клубе стало внедрение в обучение регионального компонента. Музей принял участие в обсуждении предложенной программы

по литературе и существенно повлиял на её содержание; на основе этой программы сотрудники музея разработали новые лекции, например, «Омск литературный в начале XX в.: проявления символизма, акмеизма, футуризма».

Клуб «Музей и школа» являлся классическим примером удачного использования в работе маркетинговых подходов. Кроме осуществления образовательной и коммуникативной функции, музей старался играть роль гостеприимного хозяина, создавая для учителей домашнюю доброжелательную атмосферу, применял приёмы поощрения: в конце каждого учебного года учителям вручались благодарственные письма, устраивались лотереи, чаепития. В результате мы получали заинтересованных посетителей, которые не просто приводили детей на экскурсии, а участвовали во всех сферах музейной жизни. Музейщики всегда знали, кого приглашать на открытие той или иной выставки, мероприятия; присутствие случайной аудитории исключалось. Клуб успешно работал до 2006 г. и прекратил существование с наступлением эпохи новых информационных технологий. Таким образом, в тяжёлое время музей не утратил своей позиции центра по изучению литературы омского региона. На базе музея ежегодно проходили литературно-краеведческие чтения для средне-специальных учебных заведений, оказывалась методическая и консультационная помощь исследователям, предоставлялись фондовые материалы.

В 2000-е гг. на первый план в Литмузее вышла культурно-образовательная функция как основной фактор выживания современного музея. Статистика тех лет показывала повышение интереса к музею, прибавление числа посетителей. Немаловажную роль в этом сыграла новая политика самого музея.

Появление системы благотворительных фондов позволило решать проблемы дополнительного финансирования. В 1999 г. наш музей выиграл грант Института Открытое общество «Фонд Сороса», благодаря чему приобрёл компьютер со всеми составляющими и выставил свой сайт в Интернете. Безусловно, электронная революция повлияла на содержание, характер и формы музейной работы, вызвала необходимость существенной перестройки всей информационной деятельности музея. С другой стороны, появление компьютера повлекло модернизацию фондовой и научной работы, а именно эти сферы музейной деятельности изменяются весьма медленно.

Фондовая работа на протяжении 1990-х гг. была одним из самых сложных участков в музее. Процесс постановки на учёт музейных предметов начался только с 1997 г. Это было связано с двумя при-

чинами: во-первых, с отсутствием в штатном расписании должности главного хранителя фондов, во-вторых – с затянувшимся процессом передачи фондовых коллекций из ОГОИЛ музея. После длительных споров было принято решение о передаче Литературному музею только тех материалов, которые были собраны сотрудниками отдела литературных экспозиций. Несколько лет понадобилось, чтобы составить списки и акты передачи, оформить списание в Министерстве культуры РФ, собрать предметы одной коллекции, расформированные по разным хранилищам. В этой работе активно помогали сотрудники Литмузея, месяцами «пропадавшие» в кабинетах и хранилищах историко-краеведческого музея. Отношение к ним, требовавшим передачи полных коллекций без изъятия отдельных предметов, со стороны бывшего головного музея было порой недоброжелательным. Несколько ценных предметов, имеющих отношение к литературному процессу Сибири, мы так и не получили под предлогом права первой публикации. По сей день краеведческий музей этим правом не воспользовался, и предметы, необходимые Литературному музею, лежат в их фондах невостребованными.

Фондовую работу нужно было начинать с нуля: создавать концепцию комплектования, формировать учётную документацию, описывать и маркировать музейные предметы, вводить картотеки. Кроме нескольких тысяч предметов, поступавших из краеведческого музея, нужно было ставить на учёт и новые поступления, так как процесс комплектования фондов не прерывался. Учётом занимался главный хранитель в единственном лице; кроме фондовой работы, ему часто приходилось выступать в роли экспозиционера и экскурсовода. Такая практика типична для всех малых музеев, где каждый сотрудник становится специалистом весьма широкого профиля. С 2000 г. был создан отдел фондов, который состоял уже из двух человек. Первым сотрудником этого отдела стала О. А. Шарапова (Литвинова). Только к концу 2002 г. отставание в учёте было преодолено. Речь здесь идёт, конечно, только о первой ступени учёта музейных предметов, заниматься второй ступенью не было никакой возможности: не хватало ни временных, ни человеческих ресурсов.

Под хранилище фондов изначально было выделено небольшое помещение без окон, оборудованное железными стеллажами; коллекции располагались в картонных папках и коробках. Позже, в результате перепланировки одного крыла здания под кабинеты сотрудников, появилось второе фондохранилище, общая площадь помещений под хранение составила девятнадцать квадратных метров.

В конце 1990-х – первой половине 2000-х гг. сотрудниками музея были скомплектованы крупные архивы писателей Т. М. Белозёрова, Е. Н. Злотиной (Мироновой), В. В. Полторакина, М. К. Юрасовой; собраны автографы «короля сибирских писателей» А. С. Сорокина, фотографии омского периода В. Г. Уткова и С. П. Залыгина, редкие издания о творчестве Ф. М. Достоевского. В это же время развивались партнёрские отношения музея с двумя писательскими организациями Омска. Литераторы охотно дарили музею свои сочинения, проводили творческие вечера, презентации новых книг и журналов, участвовали в музейной жизни. Всё это является залогом успешного комплектования фондов музея.

Выставочная деятельность в тот период ограничивалась в основном собственными фондами или коллекциями омских книжников, художников, коллекционеров (Е. М. Смирнов, А. И. Коненко, В. И. Селюк). Музей не располагал полноценным выставочным залом, поэтому выставки разворачивались в «пенале», занимающем одну стену в проходном зале. В 1999 г. на материалах архива Т. М. Белозёрова была создана передвижная выставка «Страна Белозёрия», которая успешно работала на протяжении многих лет в школах города.

Несмотря на трудности с выставочным оборудованием и транспортировкой, Литературный музей предоставлял выставки из своих фондов городским библиотекам, Дому актёра, областным и иногородним музеям. С городской библиотекой имени В. И. Ленина был заключён договор о долгосрочном сотрудничестве, состоялся цикл совместных мероприятий. Выездные выставки прошли в Таврической картинной галерее («Записки из Мёртвого дома в иллюстрациях Леонида Ламма»), Таврическом и Горьковском краеведческих музеях («Страна Белозёрия»). В Новокузнецком мемориальном музее Ф. М. Достоевского работали две выставки: «Омский период жизни Ф. М. Достоевского в иллюстрациях сибирских художников» и «Есениниана И. А. Синеокого».

Для полноценной выставочной деятельности музею требовался хотя бы один изолированный зал. В то же время расширение штатного расписания, появление новых должностей, введение бухгалтерии и ставки главного бухгалтера требовало дополнительных помещений для организации рабочих мест. Работать приходилось в экстремальных условиях. Здание музея и снаружи, и внутри сильно обветшало, давно требовался капитальный ремонт, но средств на его проведение не было. Пришла в негодность система отопления и канализация, зимой

температура внутри помещения едва достигала пятнадцати градусов. В конце 1999 г. строительная бригада исследовала фундамент здания, вскоре начались работы по его укреплению. Рядом с туалетной комнатой вскрыли полы, вынули грунт, укрепили стены, однако закапывать образовавшийся провал не стали: работу строителей не оплатили. Через яму глубиной в добрых два метра были перекинута две широкие доски, по которым только и можно было попасть к теплоузелу и туалету – сколоченной из досок кабинке. Доски под тяжестью людей угрожающе шатались и скрипели... В какие только инстанции ни обращался директор музея – никто не помог, яма внутри музея просуществовала больше года. Посетителям-иностранцам приходилось говорить, что в музее туалета нет...

Отделу фондов предоставили единственный кабинет, где раньше размещались два научных сотрудника музея, а методический отдел и бухгалтерия расположились в бывшем зале современной литературы за импровизированными перегородками из шкафов и штор.

Летом 2001 г., в преддверии юбилея Ф. М. Достоевского, начались долгожданные работы на фасаде и внутри здания. Но шли они очень медленно, с длительными перерывами, и к юбилейной ноябрьской дате музей подошёл с оббитым до кирпича фасадом, разрушенным крыльцом, строительным мусором во дворе, с полностью разобранным туалетом, отключённым отоплением и водой. Но при этом учреждение культуры не было закрыто, а продолжало функционировать в полном режиме. Проходили экскурсии, вечера, презентации книг, открывались новые выставки. Невозможно забыть яркий праздник «Страна Белозёрия», устроенный к 70-летию юбилею поэта Тимофея Белозёрова, цикл вечеров «Омский каторжанин», приуроченный к 150-летию прибытия Ф. М. Достоевского в омский острог, многочисленные литературные гостиные, выставки писателей Р. М. Удалова, Э. Г. Шика, Е. Н. Злотиной, встречи с писателями Т. Г. Четвериковой, М. П. Малиновским, В. Н. Мурзаковым и молодыми поэтами, с московскими гостями Евгением Рейном, Татьяной Бек, Алексеем Алёхиным, презентации журналов «Омская муза» и возрождённого «Литературного Омска». Организацией всех этих дел занималась талантливая команда организационно-методического отдела: заведующая отделом В. М. Савинцева, научные сотрудники Т. Ю. Николаева, О. А. Шарапова (Литвинова), О. В. Сергеева.

В том же 2001 г. предпринимались поиски подземного хода под домом коменданта Омской крепости, в результате которых была очищена от строительного мусора подземная комната в здании музея.

На раскопе работали коллеги из Омского музея просвещения (тогда – Музея истории народного образования) во главе с его директором – археологом И. Е. Скандаковым. Это событие привлекло внимание и прессы, и посетителей, наслышанных о существовании подземных ходов на территории Омской крепости. И хотя сам ход обнаружить не удалось, музейщики решили использовать комнату как дополнительное выставочное пространство. В середине лета там была размещена выставка микроминиатюр А. И. Коненко под названием «Таинственное подземелье». Специально для неё Анатолий Иванович изготовил клеймёного жука-носорога, закованного в серебряные кандалы; миниатюрные портреты Ф. М. Достоевского и А. Ф. де Граве, страницы «Сибирской тетради» из бересты. Тогда же родилась идея устроить под кирпичными сводами XVIII в. интерактивную выставку «Казарма омского острога». Оформили эту идею в проект и подали на грант фонда Г. Н. Потанина. Но осуществить эту идею удалось лишь несколько лет спустя и без грантовой поддержки.

Не отменили из-за ремонта и празднование 180-летия со дня рождения Ф. М. Достоевского. Торжества проходили в музее в течение пяти дней с 10 по 15 ноября. Состоялись встречи с омскими писателями, презентации новых изданий книг о Достоевском А. Э. Лейфера и В. С. Вайнермана, прошла премьера литературно-музыкальной композиции «Живые записки из Мёртвого дома» (автор сценария В. С. Вайнерман, композитор А. А. Болдырев, исполнители В. С. Вайнерман, Е. В. Тебенко, А. А. Болдырев). Сотрудники музея приняли участие в церемонии открытия памятника Ф. М. Достоевскому 12 ноября 2001 г. По окончании церемонии губернатор Омской области Л. К. Полежаев и мэр города Е. И. Белов выразили желание осмотреть Литературный музей. К этому времени исполнилось пять лет со дня постановления Л. К. Полежаева о реконструкции музея, но нам пришлось встречать губернатора в состоянии хозяйственной разрухи. Впрочем, на это высокие гости внимания не обратили. С интересом выслушав экскурсию, губернатор дал обещание профинансировать музей этой зимой... Но ждать нам оставалось ещё пять лет.

Принятым на работу на новые должности экскурсовода и организатора экскурсий С. Е. Рудницкой и Ю. Н. Кузнецовой (Белоглазовой) пришлось устраивать рабочие места прямо в экспозиционных залах. Только к началу 2002 г. решился вопрос с ремонтом отопления и канализации. Бывший экспозиционный зал, где размещались сотрудники, был разделён на два кабинета гипсокартонными перего-

родками. Когда дело оставалось за малым – подвести электричество в новые помещения, строители вновь покинули свой объект, оставив и массу других недоделок. Тогда мы решили заселить кабинеты, не дожидаясь проводки освещения: сами протянули переноски, поставили настольные лампы. В таком режиме проработали ещё год. Только 30 января 2004 г. впервые зажгётся свет в отремонтированном крыле здания, причём электропроводка была проведена за счёт средств, заработанных музеем.

В том же году снова на внебюджетные средства модернизировали проходной зал для организации небольших выставок: вместо износившейся ткани оклеили стены обоями, заказали новые витрины. 2004–2005 гг. были отмечены интенсивной выставочной деятельностью, получившей высокую оценку посетителей и прессы. «Экслибрисы “Есенинианы” И. А. Синеокого», «Король писателей Антон Сорокин» (к 120-летию со дня рождения писателя с привлечением фондов ОГИК музея, Государственного архива Омской области (ГАОО), коллекции В. И. Селюка), «Встречи на омской стрелке» (к юбилею С. Н. Поварцова в помещении музея К. Ф. Белова), «Рыцарь музейного образа» (к юбилею В. С. Вайнермана), «Я всё-таки счастливый человек...» (к юбилею Т. Г. Четвериковой), «Образы романа Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание” в рисунках учащихся гимназии № 85», «В гостях у поэта» (к 75-летию со дня рождения Т. М. Белозёрова), «Не терял я в край родной дороги...» (к юбилею поэта В. П. Новикова), «Правда во что бы то ни стало» (к 90-летию очеркиста П. Н. Ребрина), «Дом, наполненный любовью» (к юбилею писателя Г. Б. Кудрявской), «Войну узнали мы не по рассказам» (о писателях-омичах – участниках Великой Отечественной войны).

В 2005 г. исполнялось сто лет со дня рождения поэта Леонида Николаевича Мартынова, омские учёные и Литературный музей готовились к проведению Мартыновских чтений. К этой дате значительно пополнился личный фонд Л. Н. Мартынова в музее, были проведены исследования в Историческом архиве Омской области (бывший ГАОО). У сотрудников возникла идея внести перемены в постоянную экспозицию, в которой монографический рассказ о поэте был невозможен, так как материалы, представляющие творчество Мартынова, были разбросаны по трём залам. Содержание идеи было довольно смелым: разобрать часть экспозиции, посвященной литературной жизни Омска 1930-х гг., и создать «мартыновский» зал. После достаточно бурных обсуждений Совет музея пришёл к выводу, что такое решение не будет на-

рушать хронологическое течение экспозиции, так как Л. Н. Мартынов находился в самом центре литературной жизни Сибири 1920–1940-х гг., а разговор о поэте был бы невозможен без ссылок на эпоху, на литературное окружение.

Ни копейки бюджетных денег на проведение мартыновских мероприятий музеем выделено не было. На собственные средства приобрели обои и заказали витрины, ремонтные работы выполняла бригада... сотрудников музея в составе завхоза С. В. Лебедева, смотрителя И. С. Лебедевой, заведующего методическим отделом В. В. Герман, младшего научного сотрудника Ю. Н. Кузнецовой, главного хранителя Ю. П. Зародовой.

На контрасте с чёрно-белым оформлением экспозиции было решено новый зал оформить в светлых тонах. Комнату побелили, наклеили обои, отремонтировали подоконник и оконную раму. Затем началась подготовка экспонатов, пакетирование, оформление. Впервые при изготовлении защитной шторы на окно была применена баннерная ткань с изображением основного символа мартыновской поэзии – воздушных фрегатов. Так оконный проём стал частью художественного оформления выставки. Почти двое суток шёл монтаж экспозиции, который тоже пришлось выполнять собственными силами, без помощи художника. Экспозиционную группу составили директор

Мартыновский зал. Фрагмент

музея В. С. Вайнерман, главный хранитель Ю. П. Зародова и научный сотрудник С. Е. Рудницкая.

Торжественное открытие зала «Капитан воздушных фрегатов» состоялось 19 мая с участием гостей, приехавших на Мартыновские чтения из разных городов страны. Позже было принято решение оставить эту выставку как постоянную. Через два дня, 21 мая, в музее прошёл вечер «Клуб друзей Л. Н. Мартынова», а 22 мая сотрудники музея успешно выступили с докладами на чтениях.

Удивительно, что в таких условиях мы успевали заниматься и научной работой. Ежегодно участвовали в различных музееведческих и филологических конференциях как в Омске, так и в других городах (Москва, Новокузнецк, Новосибирск, Санкт-Петербург, Семипалатинск), отправлялись для работы в музеи и архивы Алматы, Санкт-Петербурга, Томска, изучали собственные фонды, публиковали статьи, выступали на радио и телевидении, принимали участие в двух крупных проектах Министерства культуры Омской области – издании полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского и пятитомного собрания сочинений сибирского литератора Г. А. Вяткина. С 1983 по 2005 гг. было опубликовано 182 статьи сотрудников Литературного музея, изданы книги:

– В. С. Вайнерман «Поручаю себя Вашей доброй памяти...» (Ф. М. Достоевский и Сибирь), два издания: 1996 и 2001 гг.;

– «Достоевский на каждый день», три издания: 1996, 1998, 2001 гг., составитель В. С. Вайнерман;

– «Сердца на взлёте» (стихи омских поэтов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, воспоминания о них, письма), 2001, составитель В. С. Вайнерман.

Силами музея было организовано и проведено несколько конференций: чтения «Достоевский и Сибирь» (1996), краеведческие чтения среди учащихся средне-специальных учебных заведений (2001, 2002), конкурс «Я пишу Пушкину», краеведческие чтения для учителей и преподавателей (2005), также Литмузей становился площадкой для размещения секций во время работы конференций, устраиваемых коллегами.

В 2001 г. научный сотрудник Т. Ю. Николаева закончила большую работу по созданию концепции и тематико-экспозиционного плана «Писатели-омичи», который дважды обсуждался на расширенных учёных советах с участием омских отделений Союза писателей России и Союза российских писателей. К сожалению, этот план так и не был реализован по указанным выше причинам, но он остаётся ак-

туальным и, возможно, будет частично использован в дальнейшей работе музея.

В целом за десятилетие (1995–2005) Литературный музей развивался интенсивно, использовал в своей работе, особенно просветительской, инновационные методики. Это было время становления системы учёта и хранения фондовых коллекций музея, новой концепции комплектования фондов материалами по современности. Большое внимание уделялось научно-просветительной, образовательной работе музея и повышению квалификации сотрудников. Практика последних лет показала, что, как это ни парадоксально, старая экспозиция тоже может быть функциональной. Новым поколением, которое не испытало на себе партийного диктата «с пелёнок», увиденное в музее воспринималось как экзотика; старым – как напоминание об уже далёком прошлом. Первая экспозиция литературного музея хорошо иллюстрировала семидесятилетнюю историю России. До сих пор находятся люди, которые помнят первую экспозицию Литмузея и считают её более выразительной, чем нынешняя, построенная по принципам современного музейного проектирования.

С 2006 г. начался сложный и неоднозначный этап в истории Омского литературного музея имени Ф. М. Достоевского. Музей готовился отметить в этот год 185-летие со дня рождения великого писателя. Несмотря на постоянные заявки администрации музея, при планировании бюджета Министерства культуры Омской области на 2006 г. финансирование ремонта и реэкспозиции не было предусмотрено. Очередной отказ не стал неожиданностью, и тогда было принято решение на собственные средства провести к ноябрю 2006 г. частичную реэкспозицию зала Достоевского с заменой системы освещения. Однако вдруг в феврале текущего года музей посетили представители местного Министерства культуры с известием о том, что губернатор области распорядился «навести порядок» в музее Достоевского. В оперативном режиме началась работа по разработке концепции новой экспозиции и усовершенствованию тематико-экспозиционного плана, созданного в 1995 г. Так как второго здания у музея не было, а рассказ об омской литературе нужно было в экспозиции сохранить, пришлось в сжатые сроки создавать ТЭП раздела «Писатели-омичи», для которого удалось выделить всего три зала. Одновременно на администрацию и сотрудников музея со стороны чиновников посыпались безосновательные обвинения в бездействии. Только в августе

Здание Омского государственного литературного музея имени
Ф. М. Достоевского, 2006

начались ремонтные работы в здании. В это же время оказался в опале у чиновников и вынужден был уволиться бессменный директор музея, заслуженный работник культуры В. С. Вайнерман. В течение четырёх месяцев маленький коллектив музея при поддержке Министерства культуры области проделал огромную работу по обеспечению капитального ремонта и созданию экспозиции.

Назову всех, кто был причастен к этому событию: научные сотрудники О. А. Литвинова, С. Е. Рудницкая, Ю. Н. Белоглазова, завотделом В. В. Герман, завхоз С. В. Лебедев, смотритель И. С. Лебедева, главный бухгалтер Л. К. Соловьёва, юрист О. В. Духонина и главный хранитель фондов, исполнявший всё это время обязанности директора, – автор этих строк. В то время, когда музей был закрыт на ремонт, сотрудники не только трудились над созданием экспозиции, но и выезжали с лекциями в учебные заведения города.

Новая экспозиция Омского государственного литературного музея имени Ф. М. Достоевского открылась 24 ноября 2006 г. Концепция реэкспозиции заключалась в изменении структуры музея – разделении на два больших тематических раздела: «Достоевский и Сибирь» и «Писатели-омичи». Основная задача экспозиции «Достоевский и Сибирь» – раскрытие музейными средствами духовных исканий

автора «Записок из Мёртвого дома» от начала его сознательной жизни. Новая экспозиция является историко-литературной, в её основе лежит системный подход к подбору и изложению материалов. Используются хронологический и проблемный принципы построения в соответствии с основными вехами биографии писателя. Системообразующим принципом организации содержания экспозиции стал сибирский период биографии Ф. М. Достоевского. Именно через призму мировоззренческих исканий писателя в Сибири рассматривается его биография.

Как показали годы работы музея, интерес посетителей не ограничивается омской каторгой. Люди интересуются происхождением и семьёй писателя, хотят знать, как складывалась его литературная судьба, каким он уехал из Омска, что он любил, что ненавидел; какого был роста, какова его личная жизнь и т. д. Экспозиционеры стремились к тому, чтобы новая экспозиция давала возможность даже одиночному посетителю при помощи информативной структуры, созданной текстами, подбором документов, а также благодаря художественному решению найти ответы на многие вопросы. По такой экспозиции можно проводить самые разные экскурсии для любой категории посетителей. При дефиците подлинных экспонатов, касающихся жизни Ф. М. Достоевского, большая роль отводилась художественному решению. Художником проекта стала Ольга Петровна Верёвкина – главный художник Омского театра куклы, актёра и маски «Арлекин».

Жизненный и творческий путь Достоевского представлен в четырёх залах. Через первый зал проходит изображение дороги, зеркально отражающееся на полу и потолке. Это образ земного и духовного пути, по которому предлагается пройти посетителю музея вместе с гениальным писателем. Стены украшают изображения старого Омска, Москвы, Петербурга, сделанные масляными красками. Живая роспись, выполненная в тонах старинной фотографии, позволила расширить пространство небольших по площади залов музея и создать объёмность, многоплановость композиции. Современное экспозиционное оборудование создаёт эффект лёгкости, прозрачности. Окна закрыты светлыми баннерами, на которые нанесены автографы и рисунки Достоевского. Благодаря этому у посетителя должно возникнуть ощущение присутствия писателя, очеловеченного пространства. Современная система освещения и подсветок с использованием разных типов светильников акцентирует главную идею новой экспозиции – показать путь духовных исканий Ф. М. Достоевского из мрака к свету через испытания омской каторги.

Так же образно представлены и омские писатели. Здесь появился и уголок литературного салона начала XX в., и фрагмент заборной выставки короля сибирских писателей Антона Сорокина. Эта часть экспозиции насыщена подлинными предметами и личными вещами омских литераторов.

В результате масштабной реконструкции в музее впервые появился лекционно-концертный зал с небольшой сценой, мягкими театральными креслами, оборудованный современной звуковой и видеопроекционной аппаратурой. Полностью была обновлена материально-техническая база музея – сотрудники получили новую мебель, компьютеры, сканеры и принтеры. Здание было оборудовано современной пожарной и охранной сигнализацией. Но главное – в двух хранилищах были установлены передвижные стеллажи, созданные по новым технологиям для хранения музейных предметов.

Конечно, то обстоятельство, что все работы были проведены почти в экстремальных условиях, повлияло как на качество ремонта, так и на художественное воплощение. Очень мешала музейщикам тендерная система закупок, из-за которой затягивались сроки и страдало качество изготавливаемой продукции, например, выставочные витрины не отвечают требованиям, предъявляемым к выставочному музейному оборудованию. Из-за отделки стен гипсокартоном, принятой для экономии времени, и без того маленькие залы потеряли экспозиционное пространство, а тросовая система развески в таких помещениях стала неприятной помехой для посетителей музея. В ходе реэкспозиции осталась неразрешённой одна из основных проблем музея – отсутствие выставочных площадей. Для устройства небольших выставок, как и прежде, приходится разбирать первый зал и частично использовать лекционно-концертное помещение.

Накануне открытия экспозиции, 14–15 ноября, Литературный музей провёл конференцию «Ф. М. Достоевский и мировой литературный процесс». Времени на подготовку было мало, но отказываться от задуманного и облегчать себе жизнь сотрудники не стали. Кроме омичей, в работе конференции приняли участие гости из Новокузнецка, Павлодара, Семипалатинска.

Создание новой экспозиции – это всегда событие в среде музейного сообщества. По мнению учёных, именно на экспозициях литературных музеев происходило и происходит становление новейших методов экспозиционного проектирования. Как отмечает известный музеевед М. Е. Каулен, экспозиция в современных условиях становится

стимулом для посещения музея, так как «на экспозиции известных экспозиционеров сегодня ходят, как на спектакли знаменитых режиссеров».

Несмотря на отдельные недостатки, наша экспозиция выполнена на высоком художественном уровне с учётом современных требований к проектированию музейных экспозиций. По завершении столь трудоёмкого процесса и Министерству культуры Омской области, и сотрудникам Литературного музея захотелось узнать мнение коллег о вновь созданной экспозиции, представить её не только омичам. Так родилась идея проведения Всероссийской презентации, которая состоялась 1–2 марта 2007 г. В числе приглашённых были люди самые заинтересованные: представители музеев Достоевского из Санкт-Петербурга, Старой Руссы, Новокузнецка, Семипалатинска, Зарайска. И коллеги-достоевскоеды, и омская интеллигенция высоко оценили новую экспозицию музея.

Казалось, наступали благоприятные условия для мощного развития музея, превращения его в бренд Омска. Это было время, когда государство начало финансировать не только зарплату работников культуры, но и отдельные проекты. В бюджет Литературного музея на 2007 г. были заложены средства на реализацию знаковых проектов, задуманных уже давно: проведение Белозёровского фестиваля, конференции по литературному краеведению, создание выставки в подземной комнате «Казарма Омского острога». Но дальнейшие события развивались не так, как предполагалось. В конце марта 2007 г. в Омский литературный музей имени Ф. М. Достоевского был назначен новый директор, им стал кандидат исторических наук, бывший преподаватель и чиновник Министерства образования. Под нового директора штатное расписание музея было усилено, появились давно обещанные ставки заместителя директора по научной работе и двух научных сотрудников.

В музей пришли новые люди, не имевшие стажа музейной работы и не всегда с профильным образованием, а старая команда в силу личных обстоятельств лишилась нескольких сотрудников. Должность заместителя директора по научной работе заняла, по договорённости с Министерством культуры, автор этих строк, главным хранителем стала научный сотрудник отдела фондов С. Е. Рудницкая. После ремонта, когда дважды пришлось перемещать фондовые коллекции, нам было необходимо провести полную сверку, это удачно совпало

с передачей предметов на ответственное хранение. На долю С. Е. Рудницкой выпала и сверка, и создание новой топографической системы в связи с переоборудованием хранилищ, и проверка Росохранкультуры, и связанная с ней работа по исполнению предписания, в том числе введение второй ступени учёта музейных предметов. Замечаний по фондовой работе было немало, это было ожидаемо и понятно. Но понятно лишь музейным старожилам, а вот новый директор был очень недоволен этим обстоятельством.

Постепенно вызревал конфликт между новым руководством и старым коллективом. В условиях недоверия и подозрительности работать было некомфортно, но все запланированные проекты были реализованы: в октябре успешно прошла первая литературно-краеведческая конференция, был издан сборник материалов, в ноябре начала работу выставка «Казарма Омского острога», которая пользуется особой популярностью по сей день, в декабре мощно стартовал Первый Белозёровский фестиваль, ставший визитной карточкой Омского литературного музея и получивший на конкурсе в Екатеринбурге золотую медаль как лучший музейный проект года.

В начале 2008 г. Литмузей отмечал своё 25-летие. В рамках юбилейных мероприятий открылась выставка «Так начинался музей», где впервые была представлена история его создания, прошла студенческая конференция «Ф. М. Достоевский и мировая культура», состоялся круглый стол «Литературный музей – лаборатория творчества». А с августа этого же года в музее началась кадровая чехарда. Почти все сотрудники из прежней команды были уволены: кто по «своему желанию», кто по статье, кое-кто вовремя ушёл в декретный отпуск.

За последующие четыре года сменилось четыре директора музея и более пятидесяти сотрудников (при штате в двадцать человек). Каждый новый директор, как правило, заявлял, что он всё начинает с нуля, что ничего до него здесь не делалось. Не осознавая ценности художественного слова, литературного труда, эти люди презрительно относились к музейным фондам, считая, что в этом музее нет и не может быть ничего ценного. При одном из таких директоров была проведена «оптимизация», в результате которой из штатного расписания музея исчезли ставки заведующего организационно-методическим отделом, нескольких научных сотрудников, дворника и всех смотрителей (!), зато появилась должность смотритель-экскурсовод. Новые сотрудники, не зная истории музея, подавали свои меропри-

ятия под лозунгом «впервые», допуская массу ошибок и не придавая значения качеству оформления выставок.

Но музей, конечно, продолжал работать: проводились экскурсии, лекции, мероприятия, устраивались выставки, продолжались Бело-зёровские фестивали и чтения. Новая экспозиция привлекла большой поток посетителей, лекционно-концертный зал дал возможность проведения полноценных мероприятий, научных семинаров и конференций. В 2011 г. Литературный музей стал одним из участников крупного проекта «Достоевский. Сибирь. XXI в.», посвящённого 190-летию со дня рождения писателя.

Сцена из спектакля «Воля-волюшка». Арестантская притча по «Запискам из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского в исполнении артистов Омского городского драматического театра «Студия» Любови Ермолаевой (сценарий и режиссура Игоря Малахова). На XVIII Омском областном фестивале-конкурсе «Лучшая театральная работа» «Воля-волюшка» была признана лучшим спектаклем 2011 г.

В течение года публике было представлено несколько мероприятий преимущественно театрального направления. Передвижная выставка Омского литературного музея «Мир "Записок из Мёртвого дома" в работах Леонида Ламма и сибирских художников» в течение одного дня работала в мемориальном музее-квартире Ф. М. Достоевского в Москве.

Весной 2012 г. в Омской области произошла смена губернатора, а затем и министра культуры. Решением нового министра В. П. Лапухина директором Литературного музея имени Ф. М. Достоевского был вновь назначен В. С. Вайнерман. Вернувшись в августе в музей, директор застал картину разорения: были вакантны должности заместителя директора, главного хранителя фондов, главного бухгалтера, второго бухгалтера, двух научных сотрудников, юриста, инспектора по кадрам... Фондовая работа не велась с начала года, административные документы не были переданы по акту, удалена вся информация из компьютеров. По результатам проверки финансово-хозяйственной деятельности музея Министерством культуры был составлен акт, который можно было передать в прокуратуру... Вернувшейся части прежней команды музея пришлось первые полгода восстанавливать утраченное. Директор добился изменения штатного расписания, вернув должности заведующего организационно-методическим отделом, младшего научного сотрудника, смотрителей.

Через пять месяцев мы справляли тридцатилетие Омского литературного музея имени Ф. М. Достоевского. На вечере было много знакомых дружеских лиц, приехали коллеги из других городов, собрались сотрудники разных лет. Прозвучало много тёплых слов, приятных воспоминаний...

В юбилейный год было немало сделано, нам снова пришлось работать напряжённо, но и увлечённо. Удалось внести изменения в экспозицию, выделить небольшое выставочное пространство, пополнить фонды уникальными акварелями художницы Риммы Камкиной, провести крупную конференцию по авторскому книготворчеству, вдохнуть новую жизнь в Белозёровский фестиваль. И вновь у музея появилась перспектива: к 2016 г. обещано возвести пристройку к Комендантскому дому, в которой разместятся и выставочный зал, и фондохранилище, и кабинеты сотрудников.

Новые надежды, новые планы, новые свершения...

Список литературы

Актуальные проблемы музейного дела в РСФСР. М., 1987. Вып. 66.

Арзамасцев В. П. К истории создания первых литературно-мемориальных музеев в Пензенской области // Из истории охраны и использования культурного наследия в РСФСР. Сборник научных трудов. М., 1987. С. 124–137.

Ашимбаева Н. Т. Музей в контексте времени // Статьи о Достоевском: 1971–2001. СПб., 2001.

Бартковская А. Музейное дело на новом этапе // Культурно-просветительная работа. 1981. № 2.

Боград Г. Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Ленинграде // Достоевский : Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 5.

Вайнерман В. С. «Как живой с живыми говоря...» // Вечерний Омск. 1979. 11 дек.

Вайнерман В. С. Продолжая традиции города // Вечерний Омск. 1980. 18 нояб.

Вайнерман В. С. В омском литературном // Вечерний Омск. 1981. 18 сент.

Вайнерман В. С. Постучитесь в дверь музея // Вечерний Омск. 1984. 9 июля.

Вайнерман В. С. Дом на берегу Иппокрены // Вечерний Омск. 1984. 4 февр.

Вайнерман В. С. В музее, на ромашковой поляне // Омская правда. 1990. 11 апр.

Ванслова Е. Г. Научные основы перспектив развития музейного дела в регионе / Е. Г. Ванслова [и др.] // Вопросы совершенствования деятельности музейных объединений. М., 1985. С. 25–41.

Гуральник Ю. У. Каким быть музею будущего? (опыт социологического анализа) // На пути к музею XXI века. М., 1989. С. 135–144.

Драверт П. Л. К вопросу об организации историко-литературного музея в Сибири / П. Л. Драверт, Н. В. Феоктистов, Г. В. Круссер // Сибирские огни. 1928. № 3.

Зубарева К. Нас было много, любивших Достоевского // Вечерний Омск. 1992. 23 июня.

Зубарева К. Биографии, письма, заметки... К 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского // Складчина-2. Омск. 1996.

Информационный бюллетень ИКОМ. 2001. №1.

Историко-литературная экспозиция. Принципы научного построения. Сборник научных трудов. М., 1984.

Колина О. На каком языке говорит история? // Вечерний Омск. 1982. 11 марта.

Коровкин И. Собрание автографов // Омская правда. 1961. 27 мая.

Коровкин И. В дар Литературному музею // Омская правда. 1962. 25 февр.

Коровкин И. Для Литературного музея // Омская правда. 1961. 23 дек.

Культурное строительство в Сибири, 1941–1977. Новосибирск, 1987.

Лейфер А. Свершится возможное // Молодой сибиряк. 1980. 26 авг.
Лейфер А. Фонд Палашенкова // Судьбы, связанные с Омском. Омск, 1983.

Литературные музеи РСФСР в XI пятилетке. М., 1987.

Литературный музей на пороге XXI в. Проблемы выживания и развития. Конференция литературных музеев России 10–13 сент. 2002 г. Пятигорск. 2003. М., 2003.

Макаров Ю. А. Как мы открывали музеи (1979–1989) // Известия ОГИК музея. 2002. № 9; 2003. № 10.

Музееведение Западной Сибири. Омск, 1988.

Музееведение: региональные проблемы развития музейного дела. М., 1990.

Музеи и зоопарки Российской Федерации в цифрах. М., 2000.

Музеи России : справочник. М., 1991. Ч. 1.

Музей в современном мире: традиции и новаторство. М., 1999.

Назарцева Т. М. Хранилище памяти человеческой // Омский вестник. 1994. 21 июня.

Нович В. Семейный альбом в музейном интерьере // Омская правда. 1986. 18 дек.

Новые музеи СССР. М., 1983.

Образование и культура в Российской Федерации. М., 1992.

Памятники истории и культуры Сибири. Омск, 1995.

Поварцов С. Человек-музей // Вечерний Омск. 1988. 21 июня.

Сараскина Л. И. В музеях Ф. М. Достоевского // Русская речь. 1984. № 4.

Современные литературные музеи: некоторые вопросы теории и практики. Сборник научных трудов. № 111. М., 1982.

Феоктистов Н. В Сибири нужно создать историко-литературный музей // Рабочий путь. 1928. 6 апр.

Физиков В. Каким быть музею? // Омская правда. 1981. 27 сент.

Что такое литературно-мемориальный музей. Сборник научных трудов. М., 1981.

Источники

Государственный исторический архив Омской области. Фонды 1405, 235, 437, 2111, 1076, 2200.

Фонды Омского государственного историко-краеведческого музея.

Фонды и архив Омского государственного литературного музея имени Ф. М. Достоевского.

Личный архив А. Э. Лейфера.

Аудиозапись воспоминаний А. И. Бухтиярова.

**Почти три года,
или
Ключевое слово – «ТЭП»**

Чем старше становлюсь, тем чётче понимаю: те три года, которые довелось когда-то проработать в Омском литературном музее имени Ф. М. Достоевского, занимают в моей биографии место совершенно особое. Делать, в общем-то, я умею только одно – писать. Чем собственно занимался и занимаюсь всю жизнь, помещая написанное в разных СМИ, а также выпуская иногда книжки. А тогда вдруг неожиданно пришлось стать музейщиком. И до сих пор, три десятка лет спустя, благодарен судьбе за то, что она свела и подружила с такими профессионалами музейного дела, как главный хранитель Татьяна Назарцева, фотограф Клара Савина, библиотекари Нина Митрофановна Столповская и Нина Климова, научные сотрудники Сергей Первых, Татьяна Раскевич, Раиса Шанёва, Таня Абросименко, художник Олег Белан... Особые, одержимые, ни на кого не похожие люди. У них я учился понимать, что такое экспонат, чувствовать его поэзию, вникать в его, если хотите, философию, ощущая при этом неповторимый аромат истории. И то, чему я у них научился, думается, до сих пор помогает мне, автору документальных сочинений, то и дело обращённых в прошлое... А если уж совсем по большому счёту, то в общении с этими бескорыстными людьми я по-настоящему утвердился в простой истине: зарплата – вещь, разумеется, необходимая, но как здорово, если она в твоей жизни стоит не на первом месте, если ты по-настоящему, не для красного словца любишь свою работу, пытаешься что-то сделать в вечно нищей культуре.

Если подойти к этой истории с точки зрения формальной, то всё началось 1 июля 1980 г. – именно эта дата проставлена в моей трудовой книжке, что означает: в этот день я начал работать в Омском ГОИЛ музее в качестве заведующего отделом литературных экспозиций. Это была третья запись в трудовой книжке, до музея я работал лишь в редакции «Омской правды» и в областном Комитете по телевидению и радиовещанию.

Давно это было, поэтому думаю: большинство читателей данных заметок нуждаются в том, чтобы аббревиатура ГОИЛ была расшифрована. Означает она «Государственный объединенный исторический

и литературный музей». До лета 1980 г. он именовался просто и привычно – Омский областной краеведческий музей. Но, придя в конце 1970-х гг. работать в него на должность директора, мой давний товарищ по литературным делам Юрий Макаров поехал по другим музеям и решил перенять передовой опыт – создать в нашей области единую музейную сеть. Он смог увлечь своими планами и профессионалов, и чиновников из Министерстве культуры РСФСР, и местные власти – в начале лета 1980 г. Омский ГОИЛ музей был создан. Из просто директора Ю. А. Макаров стал директором генеральным. Плюс к тому у музея появилось восемнадцать новых (дополнительных) штатных единиц, среди них была и «единица» завотделом литэкспозиций.

Никаких «литературных экспозиций» тогда ещё не существовало, здание будущего Литмузея находилось в стадии реконструкции и напоминало своим видом жертву бомбардировки, но научные сотрудники Виктор Вайнерман и Надежда Собянина, руководителем которых я вдруг стал, уже более года собирали экспонаты.

Литмузей был не единственным объектом, требовавшим в те годы пристального внимания. Одновременно с ним организовывались и другие филиалы ОГОИЛ музея – существующий до сих пор Музей воинской славы омичей, музей Валериана Куйбышева (ставший после 1991 г., то есть после ухода из нашей жизни КПСС, «неактуальным» и вскоре закрытый), достраивалось главное здание головного музея. Имелись небольшие музеи-филиалы и в четырёх райцентрах области. Но не будет никаким преувеличением сказать, что именно наш Литмузей пользовался тогда особым вниманием и особой любовью Ю. А. Макарова. Понял это я много позже, а поначалу думал, что генеральный директор заходит к нам на улицу Победы* столь часто, так как рядом живёт. Но дело, разумеется, было не только в этом. Юрий Макаров – сам человек пишущий, выпускник Литературного института, в молодые годы работал и в редакциях газет, и в книжном издательстве, хорошо знал литературную жизнь Омска, был знаком со всеми местными писателями, с некоторыми из них, например с моим другом Михаилом Малиновским, находился в товарищеских отношениях. Но о Ю. Макарове и его записках позже и подробнее.

* Бывший дом комендантов всегда имел два адреса: улица Победы и улица Достоевского; по обоим адресам у дома был номер один. Когда в здании открылся Литературный музей имени Ф. М. Достоевского, разумеется, указан был второй адрес. Хотя до сих пор ДубльГИС, а также навигаторы, установленные в машинах, «видят» только улицу Победы. Это и немудрено: улица Достоевского насчитывает в настоящее время всего два дома. – *Примеч. В. В.*

...А теперь, уважаемый читатель, давайте всё написанное выше будем считать чем-то вроде вступления и сейчас начнём раздел, который можно было бы назвать «Предыстория». Если же разбить эту предысторию на «подразделы», их будет аж целых пять...

Письмо в редакцию

Итак – коллективное письмо в редакцию. Речь идёт о помещённом в «Омской правде» 20 июня 1971 г. коллективном письме «К юбилею великого писателя». Писал его я, тогда – сотрудник отдела культуры этой газеты, а подписали текст уважаемые в Омске люди. Сообщаю данный факт совсем не для того, чтобы подчеркнуть роль своей скромной личности в данной истории – это обычная редакционная практика, такой была задумка редакции – сделать письмо как можно более авторитетным и весомым.

Итак, подписали письмо действительный член Академии медицинских наук СССР, профессор В. П. Бисярина, заслуженный деятель искусств РСФСР К. П. Белов, заслуженный работник культуры РСФСР, директор библиотеки имени А. С. Пушкина Е. Г. Хребтова, председатель Омского отдела Географического общества, профессор Д. Н. Фиалков, председатель правления Омского отделения общества «Знание» И. Н. Новиков, директор областного краеведческого музея Л. В. Иржичко, заведующая кафедрой литературы педагогического института, доцент Л. Е. Боброва, преподаватель пединститута, доцент К. А. Зубарева.

Шёл 1971 г., близилось 150-летие со дня рождения Ф. М. Достоевского. Это был первый юбилей великого писателя, отмечающийся в нашей стране более или менее достойно. До этого официальная советская пропаганда, следуя примеру В. И. Ленина, называвшего автора «Бесов» «архискверным», относилась к нему, мягко говоря, недоброжелательно. А в канун столетия юбилея готовились к выходу тома полного тридцатитомного собрания сочинений*, было снято несколько художественных кинофильмов, открыты мемориальные музеи в Ленинграде и Семипалатинске, в школьную программу включили изучение «Преступления и наказания». Задача коллективного письма была простая – убедить омское начальство тоже что-то сделать в данном направлении. И главным в этом «что-то» был Литературный музей.

* Первый том Полного академического собрания сочинений Ф. М. Достоевского вышел в Ленинградском отделении издательства «Наука» в 1972 г. – *Примеч. В. В.*

Предлагалось освободить от жильцов несколько квартир Комендантского дома и для начала устроить там постоянно действующую выставку, посвящённую Ф. М. Достоевскому. «В дальнейшем, – говорилось в письме, – при расширении освобождённой площади (в доме 12 квартир) выставка может быть превращена в музей “Писатели-омичи”...».

Оказало ли данное коллективное письмо какое-нибудь влияние на официальные решения, касающиеся Литмузея, или нет, сказать сегодня трудно. В наиболее авторитетном исследовании темы – статье Ю. П. Зародовой «Первый в Сибири, единственный в мире (Омский государственный литературный музей имени Ф. М. Достоевского. История создания)» все эти решения перечисляются (первая публикация: «Голоса Сибири». Кемерово, 2005. Вып. 1). И некоторые из них последовали после публикации письма. Конечно, «после» не означает «вследствие», но предположить, что коллективное мнение общественности, высказанное в главной омской газете, как-то эти решения подтолкнуло, думается, можно.

Барельеф

Пятого августа того же 1971 г. исполнительный комитет Омского городского совета депутатов трудящихся принял к юбилею писателя решение об установке на Комендантском доме мемориальной доски. Это решение было выполнено, что называется, с лихвой: вместо обычной доски молодой омский скульптор Дмитрий Манжос изготовил мемориальный барельеф, который и был установлен к юбилею. А в тот период, когда барельеф был ещё в работе, неожиданно в мастерскую скульптора был приглашён я. Приглашение это поступило через моего товарища – омского поэта Владимира Макарова, с которым мы жили в одном доме – буквально через стенку. В. Макаров объяснил, что со мной хотят посоветоваться относительно текста,

Д. Ф. Манжос в мастерской
у барельефа Ф. М. Достоевскому. 1971

который нужно разместить на барельефе. Когда мы с Владимиром пришли в расположенную напротив института «Омскгражданпроект» мастерскую Манжоса, там, кроме самого хозяина, был ещё и архитектор барельефа – Ю. А. Захаров (через двадцать лет он вместе со своей супругой Г. И. Наричиной станет автором проекта нового здания областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина).

Позже, в середине семидесятых годов, я написал посвящённое Ф. М. Достоевскому эссе «Всегда со мной», где есть главка об этом визите в мастерскую, называется она «К вопросу о педагогике»*. Начинается главка с диалога:

«– Он был моложе. Почему он у тебя такой старый?»

– Не в этом дело. Я не фотографию леплю, – отвечает мне мой хороший приятель Дима.

– Он был моложе, – упрямо повторяю я. – Он был такой же, как мы сейчас. И ему было страшно.

– А мне наплевать! Я образ делаю, а не портрет.

– Зачем же ты меня позвал?

– Скажи – нравится или не нравится?

Фёдор Михайлович стоит во весь рост. В кандалах, с бородой. В какой-то длинной рубаше. Книжка в руке. А на заднем плане барельефа – зарешеченное окно. Маленькое такое окно.

– Нравится.

– Ну и всё. Давай теперь сочини, что писать. А то вот тут принесли текст, да какой-то не такой.

Мне тоже кажется, что текст плохой. Суетливый какой-то, длинный, с ненужными подробностями. Будто человек, его составлявший, боялся, что кто-нибудь когда-нибудь взыщет с него, персонально с него, за неточность, за завышение оценок, за отсебятину, и вообще... Вообще чувствуется, что не нравится, ох, не нравится вся эта затея автору текста. Знаменитый, конечно, писатель. Мировая, конечно, величина. Но уж очень он какой-то неудобный. Толковать его надо, разъяснять...

– Так сочинишь? – спрашивает Дима.

В отчётных и других докладах Дмитрия Манжоса называют молодым и талантливым, растущим и ищущим. Выставлялся, награждался, был принят в Союз художников.

Хороший парень Дима. Хорошо, что именно ему дали этот заказ. Вот ходит он, бородатый и красивый, по своей грязноватой мастерской, вот лезет он на приставленные к барельефу леса и увлажняет глиняного Фёдора Михайловича мокрой тряпкой.

*Молодой сибиряк. 1975. 5–8 июля.

Сейчас лето 1971 г. Мы ещё не знаем, что будет дальше. Мы не знаем, что глиняный Фёдор Михайлович пролежит на заводе чуть ли не год и к юбилею не успеет. И что Дима переедет в другой город. И что меня будут просить выступить на открытии мемориального барельефа, а потом в самый последний момент акт официального открытия отменят. И что зимой у Димы умрёт отец, и он приедет его хоронить, а через несколько дней после похорон мы пойдём к этому дому и немного постоим возле чёрного чугунного барельефа, официально не открытого, но – слава Богу! – накрепко прибитого к стене здоровенными штырями, которые Дима выполнил в виде декоративных шурупов. И холодно будет смотреть на снег, который нанесло на ноги Фёдора Михайловича, на книжку его, на непокрытую, наполовину обритую его голову...

Всё это будет потом. А пока Дима расчищает на столе место – раздвигает инструменты, куски засохшего хлеба, захваченные стаканы, телефон, позапрошлогодние журналы.

– Садись! Вот тебе бумага, а я сейчас приду.

Что же написать мне на этой бумаге?»

Дальше идёт краткое изложение омской эпопеи автора «Записок из Мёртвого дома», говорится о его взаимоотношениях с хозяином комендантского дома – А. Ф. де Граве.

«– Ну что, сочинил? – Это Дима вернулся. Со свёртком под мышкой. И, кажется, я догадываюсь, что в этом свёртке.

– Так, давай почитаем. “В этом доме бывал великий русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский”. В этом доме... великий русский. А что, старик, хорошо!

Приятель мой Дима выдвигает на видное место свои немые грешные стаканы.

– И знаешь, почему хорошо? Потому, что просто. Бывал – и всё. И точка. А то развели ангимонии – зачем бывал да какого числа бывал. Главное, что бывал! Великий! Давай за великого! Я ведь сегодня, можно сказать, закончил, вот только надпись твою выдавлю – и всё... А Фёдору Михайловичу мы тоже немножко плеснём. Капельку, вот сюда... Чтобы на заводе отлился хорошо».

Дальше в эссе разъяснялось, почему не состоялось официальное открытие барельефа. Дело в том, что рядом с Комендантским домом находился тогда ... медицинский вытрезвитель. И проведение торжества по соседству с таким «специфическим» учреждением было признано тогдашним целомудренным омским начальством непедagogичным или, как оно (начальство) любит выражаться в подобных случаях, нецелесообразным.

Кстати, о вытрезвителе. Читаю недавнее интернетовское сообщение: «Вынесен приговор экс-начальнику отдела полиции Кормиловки, использовавшему арестантов на строительстве дома». Если бы в те застойные времена законность соблюдалась так же неукоснительно, как соблюдается в наш «демократическо-капиталистический» период, то не миновать бы нам с Ю. А. Макаровым тюрьги. Ведь на реконструкции Комендантского дома иногда, в совсем уж критические моменты, когда остро не хватало рабочих рук, трудились и «клиенты» медвытрезвителя, за полдня работы, допустим, на рытье какой-нибудь траншеи им обещали не сообщать на службу про то, «где дочка ночью провела». Так это малоуважаемое заведение тоже помогало становлению Литмузея.

27 января 1972 г. исполком Омского городского Совета (председателем его был тогда А. И. Бухтияров – ныне почему-то полузабытый) принял решение № 34 о выделении областному управлению культуры двухкомнатной квартиры для организации мемориальной комнаты Ф. М. Достоевского. Лёд тронулся – началось переселение жильцов из Комендантского дома.

Самый первый ТЭП

Для тех, кто не знает, поясню: самый главный, ключевой документ любого музея – это его ТЭП (тематико-экспозиционный план). Самый первый ТЭП в своей жизни я увидел, видимо, где-то в 1977 г., это был ТЭП будущего Литературного музея. Его принесли в Омскую писательскую организацию на улицу Ленина, 21, где я часто бывал. Как сейчас помню, отпечатан план был на голубоватой бумаге и составлял десятка два страниц. Мне (как и другим литераторам) предложили внимательней прочитать его и изложить свои замечания и предложения письменно. Я это сделал (хотя, что именно тогда написал в своих комментариях, конечно же, не помню даже приблизительно). И, разумеется, мне и в голову не приходило, что через три года я стану штатным работником Литмузея, и именно от этих листочков мы с коллегами будем отталкиваться, готовя новый гораздо более обширный ТЭП.

И каким бы схематичным и неполным был тот, самый первый абрис будущего музея, людям, его готовившим, было особенно трудно: им-то тогда, в середине 1970-х гг., отталкиваться было совсем уж не от чего... Именно они – пусть и весьма примерно – наметили структуру будущего музея. А работала над тем первым планом Лилия Сергеевна Худякова, позже к ней присоединилась Людмила Филипповна Хапова

(впрочем, возможно, в их распоряжении были какие-либо намётки плана Литмузея, сделанные их предшественниками, но об этом я ничего не знаю).

Кирпич

Сейчас, пожалуй, уже не определишь, кто настоял на том, чтоб снести западное крыло Комендантского дома. Сам автор этой, прямо скажем, дурацкой идеи вряд ли в своём авторстве сознается, а зафиксирована ли данная история документально, не знаю. В музее я тогда ещё не работал. Краем уха потом слышал, будто аргументы инициаторов сноса заключались в том, что, мол, крыло это пристроено к дому позднее, никакого отношения к Ф. М. Достоевскому не имеет, и поэтому для того, чтобы мемориальность здания носила стопроцентный, так сказать, характер, необходимо его снести.

И снесли. Произошло это где-то в самом конце 1970-х гг. Я тогда дружил с Ленинградским музеем Ф. М. Достоевского и послал им один кирпич с развалин западного крыла.

Дело в том, что, когда крыло развалили, выяснилось: кирпичи, из которых оно было сложено, маркированные – датированные. А дата на них значилась очень даже связанная с пребыванием в нашем городе Ф. М. Достоевского – 1859 г. Как известно из его письма к своему непосредственному семипалатинскому начальнику – ротному командиру 7-го Сибирского линейного батальона А. И. Гейбовичу, именно в 1859 г. он последний раз побывал в доме коменданта. Когда, оставив опостылевшую солдатскую службу, Фёдор Михайлович ехал из Семипалатинска в Тверь, он заезжал в Омск. «В Омске я пробыл трое или четверо суток, – сказано в этом письме, – ...был у старых знакомых и начальников, как-то: де Граве и проч.»*.

До чего досадно писать об этом сегодня, когда Литературный музей испытывает крайнюю стеснённость в помещениях. Что особенно сказывается при осуществлении выставочной деятельности.

Журналист Чернышков, или Тень Манякина

Начало 1980 г. Я – на вольных хлебах: пишу передачи для радио и телевидения, статьи для «Омской правды», являюсь литконсультантом новой газеты «Вечерний Омск», подрабатываю и в «Молодом сибиряке». Иногда захожу в краеведческий музей – в микроскопический кабинет его директора Юрия Макарова. Конечно же, распра-

*Достоевский Ф. М. Письма // Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1985. Т. 28, кн. 1. С. 361.

шиваю его о делах Литмузея. А дела эти идут неважно: строители развалили Комендантский дом, а на дальнейшее у них не хватает ни времени, ни возможностей (всегда найдётся объект более важный, чем какой-то малопонятный музейчик). Не хватает, судя по всему, и умения вести подобные (почти реставрационные) работы. «Давайте мы всё это – бульдозером, а потом на этом же месте новый дом построим – точно такой же, но ещё лучше!». Всё чаще как бы в шутку заводят они такие разговоры...

Так выглядело здание будущего Литературного музея со двора летом 1980 г.

А в это время в редакции «Молодого сибиряка» начала работать примечательная семейная пара – только что направленные сюда по распределению выпускники журфака МГУ Игорь Чернышков и его красавица жена. Она писала всё больше про культуру, а Игорь любил поковыряться в какой-либо запутанной производственной ситуации, вывести на чистую воду неумех, лентяев, «обещалкиных». Его статьи вызвали общественный резонанс, часто по ним принимались решения в соответствующих серьёзных инстанциях. И мне пришла в голову неожиданная мысль – «натравить» на вышеуказанную литмузейную безнадёгу Игоря с его хваткой и молодым запалом, с его острым, а главное – незамыленным взглядом. Обрисовал ему ситуацию, дал телефон Ю. А. Макарова.

И вскоре статья Игоря Чернышкова «Заметки из мёртвого дома» появилась в газете (Молодой сибиряк. 1980. 26 апреля). В ней автор

сумел столкнуть, что называется, лбами самые различные организации – ремстройтрест горисполкома, ведомство главного архитектора Омска, областную и городскую плановые комиссии, плюс к тому на правах корреспондента комсомольской газеты по-свойски «пнул» шефов стройки – комсомольскую организацию пединститута. Критическую направленность статьи усиливал сопровождавший её издевательский рисунок художника Паши Радзиевского: из дыры в полуразвалившемся заборе, огораживающем такой же полуразвалившийся дом, вылезает драная чёрная кошка...

И вскоре стройка ожила! На ней появились и люди, и техника. К тому моменту, как я пришёл работать в Литмузей, на объекте регулярно проводились еженедельные планёрки, вела которые зампредгорисполкома Ляля Михайловна Шугурова. Ходил даже такой слух: причиной данного «оживления» является то, что статья эта попала на глаза самому хозяину Омской области – всесильному первому секретарю обкома КПСС С. И. Манякину. И тот будто бы выразил неудовольствие тем, что вокруг такого пустякового объекта развели столько шума. Проверить этот слух, конечно же, невозможно, но невозможно и опровергнуть – теоретически в общую атмосферу тех лет, когда КПСС была в нашей стране главной хозяйкой всего, такая ситуация вполне вписывается.

На этом предыстория заканчивается, и теперь несколько эпизодов моей непосредственной работы в Литмузее.

История одной публикации

В 2012 г. в Омске отмечали столетие со дня рождения учёного, литературного критика и педагога Ефима Исааковича Беленького. Готовясь поучаствовать в юбилейном вечере, я перелистывал библиографию его работ и наткнулся на одну публикацию, которая напомнила именно о делах музейных. Речь идёт о статье «Самокладки киргизские» в «Вечернем Омске» за 3 июля 1981 г.

Дело в том, что уже собранные для Литературного музея экспонаты были, к сожалению, не сосредоточены в одной «кучке», а лежали в разных местах. Помню, поняв это, я, новоиспечённый музейщик, полусерьёзно всё повторял, что поисковые экспедиции нам следует направлять не в какие-то далёкие края, а в собственные музейные шкафы, коробки и папки.

Недаром говорят, что в шутке часто присутствует истина. Так, в богатейшей научной библиотеке краеведческого музея мы нашли тогда

Е. И. Беленький – известный омский литературовед и критик, член Союза писателей СССР, автор более чем 80 научных работ и книг, посвящённых литературному наследию Г. Вяткина, М. Горького, П. Драверта, Л. Мартынова, А. Сорокина

«толстые» литературные журналы XIX в., где впервые были опубликованы некоторые произведения Ф. М. Достоевского (а ведь для Литмузея это были экспонаты первого, подлинного ряда!).

Однажды, весной 1981 г., мы с Виктором Вайнерманом перебирали коллекцию автографов, которая входит в состав обширного личного фонда учёного и поэта П. Л. Драверта, хранящегося в Омском краеведческом музее ещё со второй половины 1940-х гг. Вдруг мелькнуло знакомое название – «Самокладки киргизские». Именно так назвал когда-то, в самом начале 1920-х гг., свою публикацию в омском журнале «Искусство» молодой Всеволод Иванов – будущий классик советской литературы. Сравнили почерк автографа с имевшейся у нас копией какой-то рукописи – без всякого сомнения

это была рука Вс. Иванова, печатавшегося тогда под псевдонимом Всеволод Тараканов!

Когда ажиотаж от этой маленькой сенсации спал (а поздравляли в тот день нас многие), возник вопрос: кто напишет о находке? Конечно же, хотелось сделать это самим (ведь нашли-то автограф мы!). Но, как говорится, доводы разума оказались сильнее эмоций. Было ясно, что квалифицированной Е. И. Беленького никто в Омске сделать это не сможет, ведь он, что называется, «в теме» – именно его перу принадлежала хорошо известная нам, сотрудникам будущего Литмузея, статья о журнале «Искусство». Писал он – и не раз – о Всеволоде Иванове, о его литературной молодости, связанной с Омском. А кроме того, Ефим Исаакович ещё в 1961 г. был включён в общественный Совет Литмузея. (Ю. П. Зародова нашла потом один из протоколов заседания Совета. По вопросу о сборе материалов и подготовке экс-

позиции на этом заседании выступал как раз Е. И. Беленький. Тогда, в 1961 г., он говорил, что основа экспозиции уже просматривается, что следует обратить особое внимание на привлечение материалов, связанных с Ф. М. Достоевским, а также с местными писателями, ставшими жертвами культа личности, подчёркивал необходимость пропаганды будущего музея.)

...Хорошо помню, как я позвонил тогда Ефиму Исааковичу. Он не сразу понял, в чём дело, что именно мы нашли. Но когда до него дошло, о каком автографе идёт речь, я почувствовал: привычного академизма в его голосе осталось минимум, но зато появилось обыкновенное человеческое волнение.

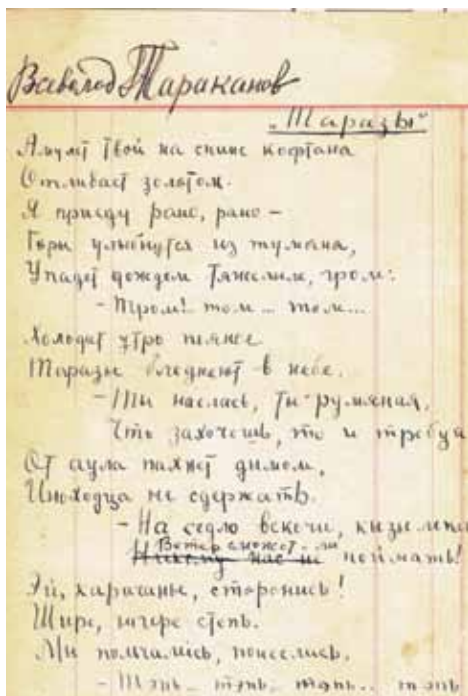
– И вы хотите, чтоб я написал об этой находке?..

Через час с небольшим он уже сидел в душноватом музейном хранилище и бережно перебирал исписанные характерным почерком Всеволода Иванова листочки.

Статья «Самокладки киргизские» в «Вечернем Омске» получилась замечательная. Недаром редакция не пожалела под неё места – развёрстан был материал на оба «подвала» газетного разворота. «Обнаружение автографа нескольких стихотворений одного из основоположников советской литературы уже само по себе – удача. Но ценность находки не только в этом. Найденная тетрадь содержит новые, неизвестные до сих пор тексты и существенные разночтения уже известных стихотворений Всеволода Иванова», – говорилось в газетной статье.

И дальше шёл тонкий литературоведческий анализ найденного автографа, а в конце приводились два неизвестных доселе текста – «Жаурын-кора» и «Юрта» – стилизация под казахский фольклор.

Статья о «Самокладках» появилась в «Вечернем Омске», повто-

Вс. Иванов. «Самокладки киргизские». Страница автографа

рюсь, 3 июля 1981 г. Именно в эти дни в разгаре была наша работа по подготовке первой в только что принятом от строителей здании Литмузея выставки, она была развёрнута пока всего в двух залах и называлась «Первые поступления в Литературный музей». Открылась выставка 24 августа, привлекла немалое внимание, а главное – наглядно показала: долгожданный Омский литературный музей – это уже не разговоры, а нечто вполне реальное и приближающееся. Автограф Всеволода Иванова и лежавшая рядом с ним статья Ефима Беленького, напечатанная не где-то в узкоспециальном научном издании, а в массовой популярной газете, не просто украсили экспозицию, а наглядно показали, чем занимается Литмузей и его сотрудники.

Желаемое

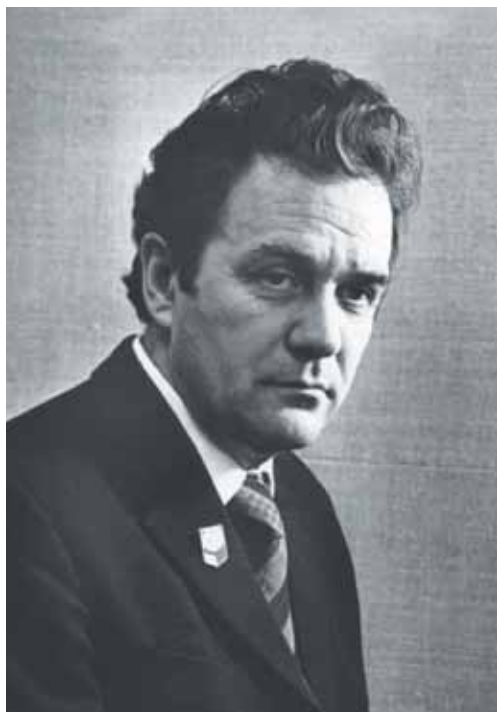
Помню, где-то я вычитал тогда, что есть такое учёное слово – дешидерата (от латинского desiderata – желаемое), что для работы любого музея (особенно для организуемого) нужна такая дешидерата. Проще говоря – нужно было составить список книг, которые не помешали бы Литературному музею. Постепенно такой список был составлен, и во время одной из командировок в Москву мне удалось поработать с ним в обменном фонде Государственной публичной библиотеки имени В. И. Ленина – главной библиотеки страны. Располагался обменный фонд в какой-то огромной закрытой церкви, имел каталог, в котором я несколько дней и рылся. Всё, что «нарыл», прислали потом в Омск – несколько коробок. Причём заплатить требовалось только за пересылку. Что конкретно пришло в этих коробках, сейчас, разумеется, не помню.

Попутно – просто для информации (не все, пожалуй, знают, вот и хочу напомнить): тогда же я ещё додумался заказать в Новосибирске ксерокопию 4-го, имеющегося всего в нескольких (чуть ли не в пяти) экземплярах тома довоенной Сибирской Советской Энциклопедии (ССЭ). Как известно, эти экземпляры, существующие на правах рукописи, были в конце 1930-х гг. изготовлены для членов редколлегии ССЭ, но вскоре наступил Большой террор, почти всех их арестовали (некоторых – с концом), и 4-й том так и не вышел. Копию сделали, прислали наложенным платежом (тоже за какие-то копейки), сейчас она находится в научной библиотеке Омского историко-краеведческого музея, и не нужно ехать в Новосибирск для того, чтобы её прочитать.

Музейные мемуары

Неслучайно на выставке, посвящённой тридцатилетию Литмузея, которая была оформлена в начале 2013 г. к юбилейному вечеру, на видном месте была размещена фотография Ю. А. Макарова работы К. А. Савиной. Как я уже говорил выше, его роль в организации музея велика. В связи с этим думаю, что вполне уместной здесь будет выборка документальных свидетельств из его обширных мемуаров «Как мы открывали музей».

...Шесть лет назад вдова Юрия Анатольевича – Антонина Ивановна Макарова – попросила меня помочь ей составить сборник избранных произведений её покойного мужа. И в 2008 г. такая книга – при поддержке Министерства культуры Омской области – вышла: Юрий Макаров. «Бессонница» (Проза. Стихотворения. Воспоминания. Из записей разных лет). Предисловие к ней написал известный омский литературный критик В. М. Физиков, а оформление сделал замечательный книжный дизайнер А. С. Леякин.

Ю. А. Макаров

Музейные мемуары, о которых я сказал, занимают более половины объёма этого солидного сборника. Они, к сожалению, не закончены: 9 сентября 2005 г. их автор внезапно, во время сердечного приступа, ушёл из жизни. Текст этот – текст остроумный, полный метких наблюдений и подробностей, местами ироничный (и что особенно примечательно – по-мужски самоироничный), характерный искренним уважением к коллегам по музею. Литмузей в нём упоминается в нём часто, есть, например, целая главка «Эпопея на углу улиц Достоевского и Победы». Однако хочу процитировать не её, а те страницы, которые носят наиболее документальный характер. Как утверждает

сам автор, «эти записи всё в книге отзывов, иначе говоря, в книге жалоб и предложений. Получилось как нарочно – эпистолярно отзывался о том, чем был озабочен, жаловался на то, чего нельзя было высказать вслух, предлагал что-то своё или чужое, что решалось плохо или не решалось никак...».

Итак – отрывки из главок «Строили, строили...» и «И наконец построили»...

«Мы строили музей Достоевского в его достопамятный год.

8 июня 1981 г. Сегодня дом комендантов заселили сотрудники литературного отдела¹. Перевезли четыре новых стола и восемь стульев. Прихожу, мужики моют полы, задрал брюки (Собянина на сессии). Жить можно, только прохладно и влажновато. Был на планёрке в горремстройтресте. Обещали завезти кирпич. Нам надо достать цемент, чтобы класть разделительную стену между музеем и вытрезвителем.

10 июня 1981 г. Утром пришёл экскаватор. Прорыл траншею. А к вечеру пошёл дождь. Залило и размыло траншею. Подарочек мне в день рождения. Набурчал на Капустина², а он-то при чём? Он же архитектор, а не архангел небесной канцелярии.

Привезли ещё тележку кирпича. Пережжённого, будто с пожара.

А цемента в РСУ нет ни килограмма. И. М. (Иван Максимович. «Расшифровал» инициалы С. Ю. Первых. Фамилию снабженца в музее не вспомнили. Личного дела И. М. в архиве ОГИКМ за 1981–1982 гг. не нашли. – *Ред.*) выписал две тонны цемента, но где ещё он?

Вёл переговоры со скульптором Шевченко об установке барельефа Манжоса³. Не сходимся в цене!

16 июня 1981 г. Звонил в Москву Э. Кулешову (Э. И. Кулешов – московский художник. О нём см. с. 23–24, 88–89. – *Ред.*). Жена его сказала, что приедут на этой неделе. Надо гостиницу заказать. Жена Наташа тоже едет.

Наняли с Лейфером (дядя Лёня⁴ зовет его Эльфером) техничку – молодая, работает рядом в детском саду. Зовут Маша. Названная дочка коменданта крепости.

17 июня 1981 г. Прилетел художник Кулешов с женой. В гостиницу кое-как устроил. Машину для встречи нашёл с трудом. Наш автобус уехал с передвижкой в пионерлагерь. Выпросил в управлении «Волгу». Привезли гостей в будущий музей. Встретили как положено: выпили из гранёных стаканов, закусили салом...

8 июля 1981 г. Наконец-то повесили барельеф. Наняли кран, пришлось отдать двадцать пять рубликов “в руки”. Теперь надо тонировать...

Готовимся к выставке “Первых поступлений”, расставили старые ви-

* Примечания (1–10) см. в особых главах (с. 75. 78–79).

трины. Запустили документы на сигнализацию.

10 июля 1981 г. Был с визитом у Бревновой*. Доложила, что обком (?) возмущается, почему нет выставки. Объяснил, что не готово помещение. Предложила написать ей письмо. Будет сделано! Но каков обком? Идея выставки моя, и меня же подстёгивают!..

24 июля 1981 г. Совещание в горисполкоме. Вёл первый заместитель Н. Г. Грицевич. Деловой мужик! Выдал всем сёстрам по серьгам. Лицкевичу** – до 5–10 августа устранить недоделки. Мне – дать заказ на благоустройство за подписью Бревновой... архитектуре – согласовать решения по забору и ставням на музее Куйбышева и по крыльцу на музее Достоевского...

На коллегии управы опять мой вопрос о срыве выставки в Литмузее. Хотят мне указать за это. Моим же салом да по мусалам...

12 августа 1981 г. Была планёрка на музее. <...> До 20-го решено недоделки ликвидировать!

Художники приступили к оформлению выставки (Саша Горохов и его друг Анатолий). Привезли для выставки витрины, необходимые материалы, экспонаты и рекламный столб.

Достали кран, привезли еще 6 блоков. Теперь надо их укладывать. Парой блоков закрыли путь вытрезвительским машинам. Написал письмо о переносе вытрезвителя.

13 августа 1981 г. Выставка, тьфу-тьфу, делается. Лейфер просит дать ещё одну комнату, а то не входят материалы и по теме Достоевского – разрыв. Возражал, было негде хранить материалы, да и лишняя работа! Но делать нечего, согласился. Главное, чтобы сделали в срок.

Начался ремонт фасада. Ура!..

16 августа 1981 г. Идут работы на фасаде. Сбивали с цоколя штукатурку, обнаружили замазанные продушины. Из-за этого в доме сыро и душно. Лейфер принёс старую фотографию, посмотрели: на ней все шесть дырок видны по фасаду. Предложил своему заведующему: давай пробьём ломиком? Помялся: не царское, мол, дело... Решил «тряхнуть стариной», попросил принести ломик.

Взял железяку, давай бабахать по цоколю, тревожить тени Комендантского дома... Остановился передохнуть, Лейфер тянет ломик из рук: давай попробую. Ничего, все дырки одна за другой пробил, только крошки фонтаном... «Игры» с ломиком стоили мне радикулитного обострения, а коллеге – пузырей на ладонях и порванных брюк. Искусство требует жертв!

19 августа 1981 г. Делается зал выставки «Омские писатели – съезду».

* Н. Н. Бревнова в 1964–1982 гг. возглавляла Управление культуры Омоблисполкома. – *Ред.*

** Н. И. Лицкевич в 1980–1986 гг. управляющий ремонтно-строительным трестом. – *Ред.*

Установили рекламный столб.

Кулешов не приехал, как обещал. У него свой худсовет. Пришлось отменить заказы на билеты и гостиницу. Помогал грузить витрины на выставку. Привёз и поставил скульптуру “Рабочий поэт”...

24 августа 1981 г. (понедельник). День погожий. Открыли выставку, как бы прообраз будущей экспозиции. На открытии присутствовали: Бревнова, Шугурова, Хахаев, Березовская, Орлянская, Власова, Фиалков, Токарев* и другие, писатели Белозёров, В. Макаров, Л. Трутнев, В. Мурзаков, музейщики. Ленточку разрезал Тимофей Белозёров.

Всё прошло вроде нормально. Правда, до открытия на витрину свалился планшет и разбил стекло, а художники, сукины дети, уехали в деревню на пьянку. Пришлось нам самим заниматься уборкой и прибивкой. Генеральный директор с «детьми коменданта» таскали ведро со стеклом и мусором. Первую запись в книге отзывов сделал архитектор М. Хахаев. Экскурсию вёл А. Лейфер (см. фотографии на с. 73).

25 августа 1981 г. Стена всё выше и выше. Фасад преобразился. Теперь дело за благоустройством.

Сегодня на выставке первые тринадцать посетителей. Дневная выручка 2 руб. 60 коп.

В газете заметка начинается так: “Вчера Омский литературный музей имени Достоевского распахнул двери для первых посетителей”. Что и требовалось доказать!..

5 октября 1981 г. Вышел из отпуска. От чего уехал, к тому приехал. В музее холод собачий, стенка не сделана, отмостки нет, сигнализации нет, благоустройство и озеленение – тью-тью!

Запустил письмо в теплосеть с гарантией, что сделаем тепловую камеру, лишь бы тепло подключить поскорее.

Лицкевичу снова петиция, чтобы недоделки, как обещано, ликвидировал. Надо получать материалы, а склады как на грех закрылись на инвентаризацию. Лейфера направил в Красноярку, в санаторий “Колос”, к дочке Н. Чернокова⁵ Надежде. Договорился с ней, чтобы отдала архив...

13 октября 1981 г. Нажаловался на Лицкевича кому только мог. Даже Жучкову**. А тот Юсуповой*** говорит про меня: “Он никуда не ходит, а требует...”. Куда же мне ещё ходить прикажете? М-да...

Ищем циркулярку. Наклёвывается в трёх местах.

На планёрке определились – 11 ноября в Литмузее вечер Достоевского.

15 октября 1981 г. Привезли пять кубометров сосновых досок. Разгру-

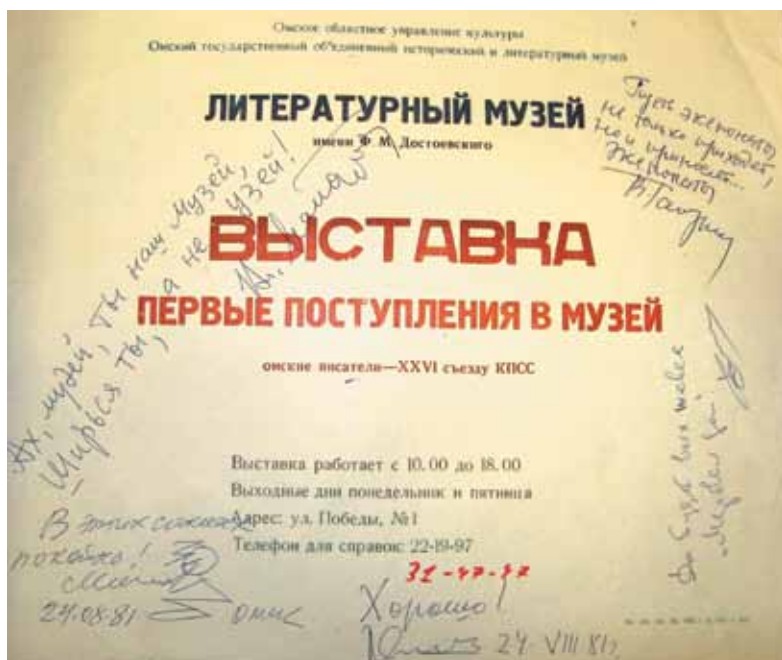
* Л. Г. Орлянская – инструктор отдела культуры Омского обкома КПСС; А. П. Токарев – инструктор сектора печати отдела пропаганды Омского обкома партии; Д. Н. Фиалков – доктор географических наук, заведующий кафедрой геодезии в Сибирской автомобильно-дорожной академии; М. М. Хахаев в 1977–2002 гг. руководил областным отделом архитектуры. – *Ред.*

** П. А. Жучков – заместитель председателя Омского облисполкома. – *Ред.*

*** Л. Г. Юсупова – заместитель начальника Управления культуры Омского облисполкома. – *Ред.*

Идёт экскурсия по выставке «Первые поступления в Литературный музей». На переднем плане: поэт Владимир Макаров, Александр Лейфер, писатель Валерий Мурзаков, друг семьи Мартыновых – Нина Дмитриевна Пашкевич, дочь писателя Феоктиста Березовского – Зинаида Феоктистова Березовская, архитектор Михаил Хахаев, журналист Виктор Гагарин. Август 1981 г.

Афиша выставки «Первые поступления в Литературный музей» с автографами омских литераторов. 1981

жал их и заносил сам Лейфер. Больше никому.

Достали два движка. Надо до понедельника наладить. А в понедельник вызывать художника со столярами.

22 октября 1981 г. Завтра горком помогает нам встретиться с Лицкевичем. Дожили!

Завезли пилу! Пришла фифа из теплосети. Попросилась на работу техничкой. Сказали, что техничка есть. “Ну, тогда я вас заморожу!” Вроде пошутила, а всё-таки поморозила. Пришлось по договору со слесарем устранять течь.

26 октября 1981 г. Сбор с Лицкевичем ничего не дал. Снова “катил бочку” на музей, что к нему не обращаются, не звонят (?). Нас дураками выставляет, а сам чист, аки агнец! Снова – одни обещания.

Надо опять письмо Геновой* в горком писать.

Пять кубов леса, что Лейфер самолично разгружал, оказалось, И. М. (Иван Максимович. – *Ред.*) завёз ошибочно, надо было в музей Куйбышева, на сарай....

20 января 1982 г. Хотя что-то стронулось! Сделаны козырьки над крыльцами. Правда, после того как из “Омской правды” позвонили Лицкевичу⁶. Начали класть стену. Взялись за проводку сигнализации...

9 февраля 1982 г. Планёрка: о ходе работ в Литературном музее.

Лейфер: В музее жарко.

Назарцева: Не выдам экспонаты, если будет больше 25 градусов.

Макаров: Буду говорить в спецуправлении, что можно сделать. Подготовим письмо по охране здания. Что с этикетажем?

Лейфер: Этикетаж и ведущие выносные тексты готовы, есть ещё один вариант ТЭПа, в нём “птичками” отмечены ценные экспонаты.

Макаров: Что с мебелью Штакеншнейдеров?

Назарцева: Обивка задерживается.

Макаров: Надо срочно разобраться с экспонатурой. Художник требует. Какие предложения?

*Ракова**:* Можно использовать пианино, канделябры...

Назарцева: Можно обратиться в госпиталь...

Макаров: По темам “острог” и “госпиталь” поработать Вайнерману. Готов ли текст экскурсии?

Лейфер: Текст ещё не готов, будем писать частями, в первом квартале сделаем.

Макаров: Пора заказывать буклет и афишу.

Лейфер: Буклет будем писать после открытия. Сейчас это невозможно.

Макаров: Ещё как возможно! Только заранее изготовить фото, слайды... И издать к открытию.

Лейфер: Как с пожарниками быть?

* Н. М. Генова – секретарь Омского горкома КПСС. – *Ред.*

** А. П. Ракова – заведующая отделом истории советского общества ОГИК музея. – *Ред.*

Макаров: Решайте сами, учитесь...».

Сделаю к тексту Ю. А. Макарова несколько *пояснений*.

¹ До переезда в Комендантский дом рабочие места сотрудников литературного отдела находились в подвале под Домом Союзов.

² Георгий Александрович Капустин (1910–1995) – в прошлом главный архитектор Омска; в описываемое время работал в музее инженером.

³ Барельеф Д. Ф. Манжоса на время реконструкции с Комендантского дома демонтировался.

⁴ Дядя Лёня (фамилию, к стыду своему, не помню), который звал меня Эльфером, музейный столяр – колоритнейшая фигура.

⁵ Николай Фёдорович Черноков (1891–1968) – собиратель сибирского фольклора, консультант Омского русского народного хора.

⁶ Признаюсь: это я, как и в случае с И. Чернышковым, «настучал» тогда на строителей – на этот раз в «Омскую правду», отделом культуры в ней заведовала на тот момент Галина Усенко – моя бывшая жена и мать моего старшего сына.

На финишной прямой

В июле 1982 г. Виктор Вайнерман заменил меня на посту заведующего отделом литературных экспозиций, а я стал старшим научным сотрудником этого же отдела.

Работа в Литмузее выходила на финишную прямую. От этого говорят и воспоминания Юрия Макарова:

«Июнь – июль 1982 г. С Кулешовым работают столяры и оформители. Столяры почти всё завершили. ДСП, как всегда, не хватило. Договорился взять займы у старого товарища в управлении хлебозаготовок.

Снова на учёном совете обсуждали вариант ТЭПа⁷. Спорили, даже громко. Эдуард Иваныч или Эдик, как звали его сотрудники, скрепя сердце согласился открыть четыре окна (не хватает плоскостей)⁸. Несговорчивый, упрямый оказался наш художник, несмотря на внешнюю мягкость. Приходится идти у него на поводу.

Многое не сделано и с нашей стороны. Не изучены как следует фонды. Недостаёт творческих находок. А времени всё меньше...

Начали делать ограждение сами, машину нанимали, сами решётки завозили, сделали освещение. Отремонтировали заново фасад. Всё ветшает! После строителей затеяли внутри косметический ремонт. Остались две серьёзные проблемы – ткань и светильники. По ткани буду обращаться к Хваткину*. По светильникам надо писать в Москву (Эстопласт) или

* Ю. Я. Хваткин – генеральный директор производственного мебельного объединения «Омскмебель» (с 1972 г.). – *Ред.*

идти в Омскснаб.

17 августа 1982 г. Ограда с грехом пополам строится. В доме идут малярные работы. Молодая малярша чуть не схватилась за оголённый провод. Слава богу, обошлось без жертв.

Провёл сепаратные переговоры с художником Васей Беланом, техредом Бисеровым насчёт издания первого рекламного проспекта будущей экспозиции⁹. Фото заказал К. А. Савиной, текст пишет Лейфер. Издавать будет Тягун...

20 октября 1982 г. Цветные слайды для второго буклета делает директор типографии Тягун. Текст поручил Вайнерману. Фотоработы заказали “Торгркламе”.

Балки-пилоны изготовили в Омсклесе. Пора вывозить!

28 сентября 1982 г. Партсобрание по Литмузею. Спорили по поводу готовности плана и экспозиционеров. ТЭП без конца дорабатывается. Решили: определить реальные сроки открытия. Собянина вела себя, как всегда, непредсказуемо: планы готовы, мы готовы, виноват Макаров (?)...

Из обкома грозятся, если в этом году музей не сдадим, отобрать у нас основное здание! Какова логика?

Балки – вывозить!

4 октября 1982 г. Были с В. Малаш (горисполком) у З. Ф. Березовской. Почти три битых часа упрашивали её отдать в Литмузей книги по списку, а она опять мурыжила нас... Оставили ей список, обещала подобрать нужное в понедельник-вторник. После дождичка в четверг.

А к вечеру, как чёрт из табакерки, возникла проверяющая из обкома. Явно подослал её мой личный “майор Кривцов”: а вдруг в музее пьянка с участием Макарова?

11 октября 1982 г. Привезли ткань от Хваткина. Надо срочно отдавать красить её в определённый художником цвет: какой-то золотисто-оранжевый. Пора завозить экспонаты. Готовить этикетаж. Надо раздобывать витринное стекло и какую-то морилку...

25 октября 1982 г. В музее чехарда и кутерьма. Пилят, строгают, сверлят, аж в ушах звенит. Сотрудники как чернорабочие – в подмастерьях у Кулешова. Эдуард Иванович замкнут и сосредоточен, никого не слушает, ни с чем не соглашается, делает экспозицию единолично. Без монтажных листов, без всякого сценария. Что у него выйдет – никто не знает.

Наблюдаю за художником: мелькает, снуёт то тут, то там. Кого-то напоминает: глазки глубокие, лоб лысоватый, борода включенная... Понял, самого Фёдора Михалыча! Оба – на омской каторге.

Завезли экспонаты. По ряду комплексов пошла раскладка. Это уже что-то. В типографии напечатан наш первый рекламный проспект.

Октябрь 1982 г. Эдуард Иванович выдал чертёжик и попросил срочно изготовить кронштейны для крепления экспонатов. Новая заместитель-

ница по хозяйству Валентина Фроловна¹⁰ заказала их по знакомству... в колонии. Поехала за “железяками” возвращается расстроенная, с пустыми руками. Рассказывает: получила заказ, набила им полную сетку, пришла на остановку, сетку повесила на берёзовый сучок, а сама в ожидании присела отдохнуть. Когда подошёл автобус, заторопилась занять свободное место и только через какое-то время вспомнила, что забыла крепёж. Возвратилась, видит: сучок на месте, а сетки нет. Кому она могла понадобиться?

Пришлось моей Валентине Фроловне исправлять свою оплошность. Запаслась самогонкой, и два зека – один убийца, другой грабитель – за ночь по новой сварганили всю партию кронштейнов. Подарочек царскому политкаторжанину Достоевскому от советских уголовничков...

1 ноября 1982 г. Ткань покрасили. Светильники привезены. Этикетаж печатается. Надо доставать латекс, фотобумагу большого формата...

Первый зал Достоевского, как ни странно, уже вырисовывается. Неуклюжие с виду балки превратились в довольно изящную конструкцию, детали которой напоминают то ли крепостные ворота, то ли острожные срубы, то ли могильные кресты...

И первые фактурные копии и книги, вмонтированные в конструкцию, выглядят естественно и привлекательно. Фирма “Кулешов и др.”! А вот и знакомые вещи: ножницы для снятия свечного нагара, которые, могло стать, брал в руки сам комендант крепости, наши кандалы на подиуме, будто только что сброшенные второпях (“Кандалы упали. Я поднял их”...), траурный билет на отпевание Достоевского – жена, или вдова, писателя забыла дома, и её долго не пускали в лавру...

Ноябрь 1982 г. Идёт нормальный рабочий процесс. И внезапно – тишина и пустота в залах: вся бригада питерских во главе с художником берёт длинный перерыв с могучим перекурком, не выходят из гостиницы целый день. Будто забастовали. Сотрудники сидят без дела, директор рвёт и мечет, а что толку?

На следующий день вся бригада, как ни в чем не бывало, появляется в музее, только дух работяг перебивает запах краски. Рабочий процесс возобновляется. Омская каторга продолжается.

20 декабря 1982 г. Оформление экспозиции идёт к концу. Современный период литературы исполнен за одну ночь! Невиданные темпы! Являюсь и вижу: экспонаты намертво прищпандорены, а все экспоненты перемешаны друг с другом – члены Союза и не члены, писатели и начинающие, заслуженные и не очень, партийные и беспартийные... Ужас! В нашей темструктуре всё не так. Спросил художника об этом, он пробурчал, что подбирал субъектов по цветовой гамме (?).

Бросилось в глаза, что витрины с комплексным показом писателей Леонида Иванова и Михаила Малиновского и их портретами, будто нарочно,

расположены друг против друга. Причём уж если говорить о цветовой гамме, то у Малиновского она ярче и объёмнее, чем у Иванова. Получается так, что по воле художника молодой ещё автор и литконсультант как бы противостоит маститому беллетристу, орденоносцу и руководителю писательской организации. Кулешов словно угадал, что оба они и по жизни – в оппозиции и в “контрах”...

Неужели финал? Неужели мы, наконец, откроемся? Не верится.

Начало января 1983 г. Привезли витринное стекло. Только когда установили стеклянные плоскости на свои места, включили освещение, проявились музейные витрины, “заиграли” в них экспонаты. Только теперь всё стало походить на музей.

Осталось покрасить полы, но не достали пока ни олифы, ни краски; не до того было. Приняли “на ура!” в день памяти Ф. М. Достоевского. Но на следующий же день закрылись. Только через несколько дней окрашенные полы помыли, и двери музея раскрылись окончательно для посетителей. Таким образом, музей фактически открывался трижды... Бог троицу любит! И многая лета!»

Прежде, чем сделать к тексту Ю. А. Макарова ещё несколько *примечаний*, хочу подчеркнуть, что текст этот уникален. Наряду с уже упоминавшейся статьёй Юлии Зародовой, а также небольшой книгой Виктора Вайнермана «Записки экс-директора» (Омск, 2007), на сегодняшний день он является одним из немногих источников по истории создания Литмузея. Истории, в которой, как в капле воды, отразилось многое, и в частности – отношение к Достоевскому и к культуре вообще со стороны местных властей периода «позднего застоя». Ценность текста Юрия Макарова в том, что это не воспоминания (в которых что-то можно сгладить, о чём-то просто промолчать), это почти дневник.

⁷ Ключевое слово – ТЭП – употребляется у Макарова часто. Однажды мы с ним специально летали в Москву, где состоялся научно-методический совет Гослитмузея, посвящённый нашему ТЭПу. Говорили на совете в основном две дамы – сотрудница этого главного литературного музея страны милейшая Елена Дмитриевна Михайлова и привлечённая к рецензированию строгая и суховатая Е. Г. Ванслова из Научно-исследовательского института культуры. Говорили они подолгу, в выступлениях содержалось немало критики (особенно у Вансловой). Но, как было специально подчёркнуто, критика носила конкретный характер: авторы рецензий надеялись,

что при практическом воплощении ТЭПа мы реализуем все их замечания. В целом же план был одобрен, в его адрес были произнесены и всякие хорошие слова (об этом пишет и Ю. П. Зародова, цитируя соответствующий протокол). И когда мы вышли из Гослитмузея на Петровку, Макаров на полном серьёзе пожал мне руку и почти торжественно произнёс: «Спасибо за работу!» или что-то в этом роде. А потом мы с ним пошли... в находящиеся рядом знаменитые Сандуны. Которые, кстати сказать, мне весьма тогда не понравились своей ненавязчивой антисанитарией. Но официальное одобрение рождённого в муках основного музейного документа мы, находясь в этой «знаковой» бане, всё же отметили – чешским пивком, обмотанные после парной, как римские патриции, белыми простынями. Пива досталось всего по баночке, и я, разумеется, настаивал на «продолжении банкета», но Ю. Макаров эту идею не одобрил. Он всегда пытался утихомирить меня в стремлении перенести литературно-богемные привычки на строгую музейную почву.

⁸ Никаких окон московский музейный дизайнер Эдуард Кулешов так и не открыл (на учёном совете, видимо, пообещал, чтоб «отвяли»). Естественного света в первой музейной экспозиции не было. Что, впрочем, придавало ей особый «достоевский» мрачноватый шарм.

⁹ Рекламный проспект «Достоевский и Омск (Главный зал Омского литературного музея имени Ф. М. Достоевского)» издан в 1984 г.

¹⁰ Валентина Фроловна Кузина (1937–2006), профессиональный снабженец, писательница, мой многолетний товарищ. Именно в тот «музейный» период и у неё, и у Юрия Макарова в Омском издательстве вышли их прозаические книги – «Проталина» и «Царский подарок». Где-то у меня хранится фотография 1982 г. с их общей презентации: лица на нём и у Вали, и у Юрия вполне счастливые. Никто тогда не мог предположить, что эти первые книги станут в их жизни и последними.

Когда отгремели фанфары

В честь открытия музея В. С. Вайнермана и меня (Надя Собянина к тому времени уволилась) наградили месячными окладами* – как

* Это была так называемая «министерская премия». Только её давали в размере оклада. На остальные премии существовали ограничения: не более 50 %. «Банкетный фонд», о котором пишет А. Э. Лейфер, состоял из ящика хорошего коньяка, который был лично мной приобретён и взят под личный контроль. Чтобы хоть что-то осталось на банкет, приходилось выдавать москвичам по одной бутылке в руки. Объяснение всегда находилось: это наши личные с Александром деньги... – *Примеч. В. В.*

сказано в соответствующей записи моей трудовой книжки, «за активное участие в оформлении музея в связи с 60-летием образования СССР». Причём тут 60-летие образования СССР – сказать не берусь, что же касается самой премии, то, в соответствии с предварительной договорённостью, половину её нам пришлось отдать в неофициальный «банкетный фонд»: нужно же было и бокалами позвенеть по поводу открытия...

Помню, после открытия музея я потребовал у генерального директора ОГОИЛ музея Ю. А. Макарова отгулы за неиспользованные выходные. Количество отгулов составило чуть ли не месяц, и генеральный сказал, что бухгалтерия такого не пропустит. Тогда, немного отдохнув, я вместо отгулов поехал в командировку в Тобольск – покопаться в тамошнем знаменитом архиве и в не менее знаменитом музее. И там, и там я немного работал ещё в 1971 г., архивисты и музейщики меня вспомнили и, что называется, создали все условия. В результате повезло – я обнаружил две неизвестных акварельных иллюстрации к «Запискам из Мёртвого дома» работы современника Ф. М. Достоевского – тобольского художника Михаила Знаменского (1833–1892), позже напечатал об этом соответствующий очерк в сборнике «Книга» (М., 1986) и в своей книжке «Прошлое в настоящем» (Омск, 1984).

Вместо заключения

Через несколько месяцев после открытия Литмузея (а именно – 11 апреля 1983 г.), поучаствовав в ликвидации недоделок, я уволился. Жене сказал, что надоело по нескольку раз в неделю водить по экспозиции экскурсии и произносить один и тот же заученный текст («Не мужское это занятие – с указкой ходить», – помню, не без некоторой рисовки заявил я тогда своей Вере).

Сейчас понимаю, что это была лишь внешняя причина ухода.

Мне было хорошо в музее, когда там всё гудело и трещало (помните у Макарова: «аж в ушах звенит?»), когда работали, позабыв про выходные, когда одновременно нужно было заниматься десятком разных «горящих» дел – как творческих, так и не очень. Выдавила меня из музея... музейная тишина, наступившая после открытия, – текущая ежедневная работа, режим, то есть непривычная и нелюбимая мною жизнь по расписанию. А если уж совсем серьёзно, то, видимо, пришло некое внутреннее понимание: всё, что мог, я тут сделал, «пора сваливать» и опять приступать к своему основному занятию – писать... Понимал это, видимо, и Юрий Анатольевич: уговаривал остаться, но не очень-

то настойчиво. Не буду скрывать и того обстоятельства, что мои тогдашние понятия о трудовой дисциплине имели немалый «люфт», и в этом смысле я иной раз представлял для руководства некоторое, так скажем, неудобство.

Следующая, четвёртая, запись в моей трудовой книжке была сделана уже в более привычном, более соответствующем моему журналистскому образованию месте – в редакции омской молодёжной газеты «Молодой сибиряк».

...Но с каким удовольствием я сегодня о тех трёх музейных годах

Записки директора музея

С момента изобретения книгопечатания печатное слово всегда выражало чьи-то интересы. Всегда неприемлемым для власть имущих оказывалось слово, вскрывающее пороки, бичующее, пробуждающее протестные настроения, жажду справедливости, лучшей жизни. При Николае I было создано аж двенадцать цензурных комитетов для недопущения в печать прогрессивных идей.

Рассматривая череду событий литературной жизни в значительной ретроспекции, невозможно не понять большую, часто определяющую роль печатного слова в формировании и общественного мнения, и ментальности. Столь же очевидным всегда выглядело естественное нежелание властей признавать существование какого-либо иного воздействия на умы и сердца людей, кроме собственного.

В этих условиях создание литературного музея оказывалось столь же важным для литературной и околосредовой общественности, сколь нежелательным для официальных кругов. Музей такого профиля закреплял существование традиции, говорил о взаимодействии общества и литературы, фиксировал существование некоей силы, способной формироваться под воздействием обстоятельств и, в свою очередь, способной формировать их.

В то же время, если литературный музей не рассматривал историю литературы как процесс, непосредственно вплетённый в общественную жизнь, а носил мемориальный, монографический и, по сути, иллюстративный характер, то его созданию не только не чинились препятствия, напротив, такие музеи создавались крупно, с размахом. С момента своего создания они становились центрами по изучению творчества писателя, сохранению и пропаганде его литературного наследия.

Начиная с 1879 г., когда в Петербурге был открыт первый музей А. С. Пушкина, литературно-мемориальные музеи открывались один за другим: музей М. Ю. Лермонтова в Петербурге в 1883 г., музей Л. Н. Толстого в Москве в 1911 г., там же – музей А. П. Чехова в 1912 г.

Советская власть провела чёткую границу между всеми общественными процессами: до 1917 г. было одно, после стало совсем другое. Внешне всё логично: при царизме литература боролась против угнетения и произвола, тем самым приближала события октября 1917 г. Следовательно, тогдашнее противостояние литературы и власти было «правильным». Стало быть, о нём можно и нужно рассказать, приветствуя и всячески поддерживая.

Уже в 1921 г. в Москве при Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина

был открыт Литературный музей. Следом, в 1930 г., открыт Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики. В 1934 г. оба эти музея объединены в Государственный литературный музей.

А вот музеи региональной литературы стали открываться лишь спустя многие годы, уже после разоблачения культа личности Сталина на XX съезде КПСС. Видимо, всё же обобщение традиций, оставленных прошлым, и объективный рассказ о них неизбежно подводил к выводам о неподвластности слова в его лучших проявлениях никому, кроме законов высшей справедливости и высших представлений о долге, чести и общественном служении.

...Далее просится долгий рассказ о том, как на протяжении 55 лет с момента впервые прозвучавшего в одной из журнальных публикаций предложения о создании не в Омске даже, а в Западной Сибири литературного музея общественность приближала его открытие.

О создании литературного музея в Сибири заговорили в начале 20-х гг. прошлого века. Личные архивы участников литературной жизни последней трети XIX в. оказались наполненными уникальными документами, фотографиями, рукописями. Все они были связаны с созданием той или иной газеты, сборника или книги, с созданием литературного общества или кружка.

Развивать эту тему в моих «записках» нет смысла: у музея уже есть написанная история. Её документально точно и выверенно изложила Юлия Прокопиевна Зародова, в настоящее время – заместитель директора.

Её труд публикуется и в этом сборнике. Благодаря этой скрупулёзной и обстоятельной работе жизнь музея навсегда запечатлелась в документах, фотографиях, цифрах, датах. Это хорошо: когда не будет очевидцев, очень кстати будет «сухой остаток». Но пока они есть, необходимо документировать их воспоминания, превращать в тексты и видеозаписи. Иначе картину действительно происходивших событий никогда не восстановить во всей полноте. Об этом я, как музейный работник с большим стажем, могу говорить с полным основанием. Мне довелось на протяжении пяти лет участвовать в создании музея и стать его руководителем за полгода до открытия, ещё в июле 1982 г., а спустя десять лет стать его первым директором.

Здесь ставлю точку под необходимым вступлением.

Ретроспективный калейдоскоп

...Когда Омский литературный музей имени Ф. М. Достоевского отмечал своё первое десятилетие, многие из приглашённых недоумевали: «Ну кто же отмечает 10 лет? Разве это дата?». Такие же вопросы звучали, когда музей приглашал на 15- и 20-летие. А вот «правильный» 25-летний юбилей оказался смазанным. Тогдашнее руковод-

ство, не имевшее к созданию музея никакого отношения, о его работе лишь смутно догадывалось, его истории не знало, полагая, что музей был создан в 2006 г., когда открылась новая экспозиция. Да и нынешние 30 лет для кого-то, быть может, не дата. Но из песни слов, как известно, не выкинешь. Повторяя Ф. М. Достоевского, скажу, что «не бесплодно прошли эти годы». Многие сделано, многое навсегда останется запоминающимися фактами истории.

Конечно, хорошо бы дожить до пятидесятилетия музея... а пока что нам тридцать!!!

Бывают ли случайности? Или все случайности закономерны? Случайно ли так сложились обстоятельства в 1976 г., когда, едва демобилизовавшись из рядов Советской армии, я «вдруг» оказался младшим научным сотрудником Омского областного краеведческого музея?

В армию мне захотелось уйти добровольно. До сих пор никто не верит: возможно ли, отучившись три года в Уральском государственном университете имени А. М. Горького, куда и поступить-то было непросто – конкурс на филологический факультет в 1971 г. был четыре человека на место – вдруг взять и уйти на срочную службу, от которой большинство стремилось «отмазаться», пересидев в тёплом месте, притворившись больным или став многодетным папашей? Может быть, попросту завалил летнюю сессию? Нет, сдал, причём успешнее, чем предыдущие. Так в чём же дело? Дело, увы, в мальчишеской глупости. В одной комнате общежития со мной жили вчерашние «дембеля». От них по любому поводу и без повода на протяжении трёх лет постоянно приходилось слышать: «Салага! Жизни не видел!». Где же они увидели жизнь? В армии, разумеется... Вот и отправился я познавать жизнь.

Через два года, демобилизовавшись, приехал в Омск. Здесь – ни прописки, ни работы. А на работу не брали без прописки и не прописывали без справки с места работы... На свой страх и риск тогдашний директор краеведческого музея Владимир Ильич Щетков принял меня на должность младшего научного сотрудника. Я смог временно прописаться на съёмной квартире, восстановиться в университете.

И тут – новая незадача! Моё образование не годится для музея исторического профиля! Я – филолог!

Два года пришлось проходить суровую школу музейной работы под руководством Альбины Павловны Раковой – заведующей отделом истории советского общества. Два года я постоянно слышал упреки в «непрофильности» моего образования для работы в историко-ори-

ентированном краеведческом музее.

Но тут – о чудо! Краеведческому музею дали ставки для создания отдела литературных экспозиций. Кого же переводить в литературный отдел? Разумеется, филологов! А где их взять? Да вот они! Таких у краеведов оказалось двое – только что получивший диплом о высшем университетском образовании я и Надежда Геннадьевна Швайко (впоследствии она взяла фамилию мужа и стала Собяниной). Разумеется, также совершенно случайно, но очень кстати! оказалось, что мои курсовые и дипломный проект были посвящены творчеству Ф. М. Достоевского.

Нашему отделу из двух человек поручили продолжить работу над тематико-экспозиционным планом будущего литературного музея, которую начали заведующая отделом истории досоветского общества Лилия Сергеевна Худякова и сотрудник отдела Людмила Филипповна Хапова, а ранее, ещё в начале 1960-х гг., – Юрий Иннокентьевич Шухов. Экспонатов по истории литературы Сибири в фондах музея мало, и мы активно собирали их, встречаясь с омскими писателями, поэтами, краеведами, в особенности с теми, кто приближал создание

В. С. Вайнерман ведет экскурсию для школьников по первой выставке отдела литературных экспозиций «Пусть всегда будет солнце», посвящённой 50-летию со дня рождения Т. М. Белозерова, 1979

литературного музея в Омске задолго да нас.

В 1980 г. на основе Омского областного краеведческого музея было

создано музейное объединение: Омский областной государственный исторический и литературный музей. В него вошли музеи Омска и области. Среди многих других объединению дали ставку заведующего литературным отделом. На протяжении двух лет, будучи старшим научным сотрудником и ведя всю работу, я был вправе рассчитывать, что меня назначат на эту должность. Но – уввы! ошибся. Генеральный директор музейного объединения Юрий Анатольевич Макаров принял на работу А. Э. Лейфера, известного омского журналиста, который много лет писал на литературно-краеведческие темы, в том числе и о пребывании в Омске Ф. М. Достоевского.

Главной задачей полностью укомплектованного отдела стало создание литературного музея. В это же время начались строительные работы на бывшем доме комендантов Омской крепости. Николай Иванович Лицкевич, возглавлявший ремонтно-строительный трест № 1 Омского горисполкома, настаивал на том, чтобы снести дом. Говорил, что быстрее и дешевле будет построить новый. К счастью, начальник Главного управления культуры Омского облисполкома Нина Никандровна Бревнова и заместитель председателя горисполкома Ляля Михайловна Шугурова были на стороне музейщиков. Дом отстояли. Предстояла полная реконструкция здания.

Для начала нужно было оценить его состояние: определить износ перекрытий, всех технических коммуникаций, потолков, стен и т. д. Вместе с пожарниками мы поднялись на чердак. Увидели огромные лаги, больше чем в обхват толщиной. Да, они потрескались во многих местах, разошлись. Но звенели, как железо. Видно было, что эти огромные бревна, стянутые коваными гвоздями, могут простоять ещё сто лет. Но пожарники были непреклонны: убрать и заменить на бетонные стяжки.

И вот крыша разобрана, перекрытия демонтированы. Голые стены выглядят как после бомбёжки. Жуткое зрелище! Огромные лаги по пять метров длиной – настоящий корабельный лес! – сложены в глубине двора, чтобы не видно было с дороги. Однако лежать им в этом внушительном штабеле пришлось недолго. Они не дождались ни снегопада, ни дождя – исчезли с территории музея той же ночью...

Видимо, исчезновение леса с территории положило начало дурной традиции – спустя много лет, в 2003 г., точно так же ночью исчезнет с территории музея металлическое ограждение, казалось бы прочно вмонтированное в кирпичные столбики. Будет даже уголовное дело заведено. Спустя ещё три года следователи напишут официальную бумагу, что дело прекращено, что им ничего не удалось найти. Одна-

ко тогдашний министр культуры В. В. Радул всё равно обвинит меня. «Если бы я был директором музея, – заявит он, – забор бы с территории не украли!..». Разумеется, если бы он, сидя в министерском кресле, был бы ещё и директором, он бы, разумеется, добился от самого себя некоторых действий, в результате которых установили бы неподалёку от музея пункт милицейского наблюдения, попросту поставили «стакан». Потому как ничьих других голосов, взывающих об этом, министр слышать не желал...

...Каждый вторник утром на территории музея проводились строительные планерки. В них принимали участие первые лица, в том числе генеральный директор, завотделом. Однажды я вышел на крыльцо, заслышав громкий разговор, до крика. Ляля Михайловна напустилась на Макарова: почему нет подъёмного крана! Сейчас привезут перекрытия, а музей не готов. Макаров – на Лейфера. Тот пожимает плечами – а я, мол, где возьму, если даже вы достать кран не можете.

По дороге на работу я заметил во дворе жилого дома по улице Спартаконской кран на автомобильной платформе. Что уж он там делал, не знаю. Не дожидаясь, пока закончится планёрка, и не спрашивая ничего разрешения, бегу в тот двор, на ходу проверяя, шуршит ли в кармане хоть какая-то наличность, и беспокоясь, чтобы кран не дай Бог не уехал.

Водитель оказался сговорчивым и за пять рублей согласился помочь музею.

Приятно было въехать на территорию стройки на кране! Как говорится: немая сцена! Соскочив с подножки, услышал, как Макаров сказал Лейферу: «Ну вот, а говоришь, что ничего не можешь сделать...».

Тот случай один из немногих, когда я открыто позволил себе вмешаться в обеспечение ремонтных работ. Есть начальство – ему виднее. Ко мне никто не обращался, они думали, что опытнее и сами знают все ходы и выходы. Между тем в строительстве музейных экспозиций никто из них не был компетентен. Не могу сказать, что и я тогда пуд соли на этом деле съел – был очень молод, но успел выпросить у генерального две командировки и тщательно изучить опыт создания экспозиций и в Семипалатинском музее Ф. М. Достоевского, и в Ленинградском, открывшихся ещё в 1971 г. Разумеется, это не добавило мне опыта создания материально-технической базы нового учреждения культуры. Зато амбиций стало много больше. А амбиции часто заставляют вгрызаться в неведомое, добывать знания, придумывать способы их применения и набирать бесценный

опыт, которому нигде и никто не учит...

Оказалось, в Омске да и во всей Сибири не нашлось человека, который бы мог на высоком художественном уровне выполнить проект оформления нового музея. Его созданию придавалось, и совершенно справедливо, большое значение: это был первый музей подобного профиля во всей Западной Сибири.

Александр Эрахмиэлович вместе с Ю. А. Макаровым вели переговоры с Московским комбинатом декоративно-оформительского искусства, Московским Союзом художников, а потом и лично с Эдуардом Ивановичем Кулешовым. Он и стал автором проекта экспозиции будущего музея. Кулешов был известный московский художник, а потому для Омска – чуть ли не звезда. Однако сказать об этом недостаточно. Кулешов и среди «звёзд» в то время был одним из самых ярких и самобытных. Думаю, достаточно назвать среди его творений крупные выставки в музее Н. Г. Чернышевского, Государственном историческом музее, театральном музее А. А. Бахрушина, музеях А. Н. Островского в Замоскворечье и Л. Н. Толстого в бывшей монастырской гостинице Спасо-Бородинского монастыря, музей-панораму «Бородинское поле», чтобы убедиться в масштабе личности этого незаурядного человека.

Когда я впервые увидел Эдуарда Ивановича, был поражён его необыкновенной статью. Высокий – более метра восьмидесяти – он казался ещё выше, потому что был очень плотным, крепким человеком. Огромный лоб и русая борода, закрывавшая почти всё лицо, – сразу обращали на себя внимание. Говорил он негромко, вкрадчиво, «в усы», и это казалось странным диссонансом по отношению к исходившему от него ощущению колоссальной физической и душевной силы. Вскоре выяснилось, что за вкрадчивостью разговора таится желание эту силу ненароком не показать, чтобы не испугать людей, не обидеть.

И костюм, и статью подходила супругу его жена Наталья. Я впервые увидел её зимой. Художники уже давно приехали, работа кипела. Эдуард Иванович нервничал и часто звонил в Москву. Наконец его жена прилетела. Он объявил об этом утром. Я спросил, надо ли встретить и привести в музей. Мне ответили, что она хочет пройтись по Омску и к обеду будет. А надо сказать, что мороз в тот день стоял страшный. Было под –40. И вот смотрю я в окно, и вижу, как по улице Достоевского шествует невероятно красивая женщина. Не идёт, а именно шествует: величаво, не спеша,

поглядывая по сторонам и явно испытывая удовольствие от поскрипывающего под ногами снега. Несмотря на мороз, идёт в распахнутой короткой шубке. Пар валит от неё, а красавица совершенно никуда не торопится... Когда она вошла в музей, я, разумеется, заинтересовался, не замёрзла ли. На что мне ответили, улыбнувшись чувственными губами, что стоит погодка, о которой они в Москве только мечтать могут! На лбу и над верхней губой Натальи блестели капельки пота...

Эдуард Иванович был по-настоящему интеллигентен. Разумеется, его внутренняя мощь иногда прорывалась наружу, и тогда под руку ему лучше было не попадаться. За время знакомства с ним мы не раз испытывали и его гнев и делили с ним радость. Смирjali взаимное раздражение и недовольство друг другом сознанием необходимости общего дела.

К моменту завершения работы особенно досадные шероховатости в общении были устранены. Два года сотрудники музея и художники шли к общей цели, преодолевая всевозможные препятствия. То не вовремя выделялись деньги, а сроки поджимали, то мы не предоставили к приезду художников материалы для работы или предоставили, но не те, что заказаны. То художники приехали на художественный совет с недостаточно проработанными монтажными листами – всего хватало.

Но первым категорическим условием, которое поставил омскому начальству Э. И. Кулешов, было, что вся его бригада, от плотников до картонажников, будет набрана в Московском комбинате декоративно-оформительского искусства. У омичей, причастных к созданию нового музея, это требование вызвало шок. Оно означало, что более десятку человек надо оплатить дорогу, разместить в гостинице, выплатить суточные... И это не один раз, а до самого окончания работы над созданием экспозиции музея.

Утверждённые под размеренную работу сметы лопнули, как мыльные пузыри... Бригада художников-оформителей совершала периодические «наезды» из столицы в Омск, – и тогда музейная жизнь несколько раз в году на два-три месяца теряла свой размеренный ритм. День отличался от ночи в то время только тем, что ночью не работала ни одна контора, в которой можно было купить или заказать необходимые материалы.

И всё же Эдуарду Ивановичу удалось настоять на своём. Именно москвичи выполнили всю работу – до последнего гвоздя, до последней этикетки.

В июле 1982 г. генеральный директор музейного объединения

Ю. А. Макаров совершил рокировку, поменяв местами заведующего литературным отделом А. Э. Лейфера и автора этих строк. Я стал исполнять обязанности заведующего литературным отделом, а накануне открытия музея был утверждён в этой должности. Хозяйство мне досталось непростое. Кулешов, создавая музей, думал о чём угодно, только не о том, как новую экспозицию эксплуатировать. Не был предусмотрен выставочный зал, вентиляция, не продуманы системы освещения, отопления и даже пожаротушения... Сейчас, глядя в прошлое спустя 30 лет, я понимаю, что система авралов, видимо, перманентно присуща рождению музеев, по крайней мере, в провинции. Стиль руководства остаётся один и тот же: командно-административный. Средства на развитие не выделяются долго, порой очень долго, но, когда они выделены, достичь цели в предельно сжатые сроки необходимо любой ценой. А за ценой, как известно, «мы не постоим»... Та же история повторилась в Омском литературном и в 2006 г. Правда, первую экспозицию создавали полтора года, а вторую – всего четыре месяца...

Окна от пола до потолка почти вдоль всех стен Кулешов закрыл конструкциями из ДСП. Между ними и батареями парового отопления ещё можно было протиснуться*. Но в случае аварии, когда текли радиаторы – а в них в первую же зиму образовывались свищи, горячая вода била струёй и губила «бумажную» экспозицию. Аварийные бригады сантехников исключительно тёплыми, душевными словами поминали тех, кто конструировал музей. Чтобы снять вышедшую из строя батарею, нужно применить газовые ключи. А они имеют определённую длину, никак не совместимую с пространством между батареями и стендами музея. Да и человек с газовым ключом в тех закутках мог поместиться вытянувшись в струнку и никак иначе. Слесарям приходилось забираться на широкие подоконники и, свешиваясь вниз, чертыхаясь почём зря, делать свою работу.

Здание XVIII в., приспособляемое под музей, необходимо было проветривать. Теперь здесь был не дом для семьи, а место, которое будут посещать тысячи людей. Крохотные форточки, спрятанные за перегородками, проблему не решали. Окна распахивать было невозможно: между рамами стояли решётки, необходимые в музее. В центральном зале, посвящённом жизни и творчеству Ф. М. Достоевского, дети во время экскурсий от духоты падали в обмороки. Поэтому у зрителей на протяжении всех лет работы музея всегда

* По маловразумительным соображениям – не то потому, что дешевле, не то потому, что кто-то поверил утверждениям о повышенной теплоотдаче этих приборов, – в музее установили не обычные чугунные батареи, а плоские алюминиевые радиаторы.

был наготове нашатырь...

Не был решён вопрос с освещением музея. Изначально в залах, кроме громко гудевших и постоянно перегоравших люминесцентных ламп, установили старые театральные софиты. Лампы в них очень мощные – на киловатт. Устанавливать такие лампы следовало строго вертикально. А как их установишь вертикально, когда софиты – под потолком и освещать они должны или сам потолок, давая отражённый свет, или экспозицию, которая находится под софитами как минимум метра на полтора.

Неправильно установленные киловаттки взрывались, осыпая стеклом всё, что находилось внизу. Предусматривались предохранительные фильтры из толстого стекла, но они гасили яркость. Короче говоря, помимо сумасшедшего расхода электроэнергии и жёстких нареканий со стороны пожарников софиты ничего не давали. Ко всему прочему, эти светильники сильно нагревались, и дышать в залах становилось совершенно невыносимо.

Шло время тотального дефицита. Чтобы заменить источники света на более приспособленные к музейным условиям, пришлось аж через Министерство культуры СССР (ещё СССР!) обращаться в Таллин. Оттуда, с завода «Эстопласт», после месяцев переписки, наконец, поступили осветительные приборы, с которыми музей работал вплоть до 2006 г., когда «Кулешовская» экспозиция была разобрана.

Однако при всех технических огрехах, вызванных спешкой, отсутствием необходимых материалов, ограниченностью финансовых средств да и, что греха таить, слабой технической грамотностью руководителей, та экспозиция в художественном смысле была всё-таки хороша, особенно в досоветской части.

Э. И. Кулешова до глубины души трогала история всех, кто поднимал свой голос против произвола. Александр Николаевич Радищев, декабристы, петрашевцы... Обдумывая художественный проект, он создавал впечатляющие поэтические образы. Так, узнав о существовании Московско-Сибирского тракта – единственной дороги из европейской части страны в Сибирь, попросил найти его изображение. В результате два зала музея оказались связаны образом Пути: входя в музей, посетитель видел как бы висящую в воздухе арестантскую карету, которая готовится отправиться из Москвы или Петербурга в один из острогов Сибири. На изображение тракта были нанесены гербы городов, через которые пролегал арестантский путь. На этом пути находились и Тобольск, и Омск. А над всей экспозицией висе-

Начало осмотра экспозиции музея

ла конструкция, очень похожая на крест.

В то время представить себе что-либо подобное в идеологическом музее невозможно (а литература с точки зрения правившей тогда коммунистической партии всегда была выразителем и носителем идеологии). Кулешова прямо спросили: «Что это?»; на остро заданный вопрос Эдуард Иванович невозмутимо ответил, что это «всего лишь» крепление под светильники. Зачем делать крепление такой нелепой формы? Странно задавать подобные вопросы художнику. Он так видит. И все дела...

После ухода строгих вопрошающих Кулешов быстро дал необходимые указания, и вскоре электрики действительно взгромоздили на «крест» пресловутые софиты. Вскоре, к счастью, их сменили серебристые эстопластовские плафоны. Крест был прикрыт, но он осенял путь на каторгу и в ссылку

Фрагмент изображения Московско-Сибирского тракта

на протяжении всех 23 лет работы экспозиции.

...А «прелесть» кулешовской экспозиции осознаёшь, пожалуй, лишь теперь, когда её нет. Она была строгой, лаконичной и точной. Ругали автора за то, что в музее темно, что закрыты окна, что экспозиция слишком просто решена в плане использования технических средств. Но в залах Гражданской войны и тридцатых годов окна были открыты – удалось добиться от Кулешова хотя бы таких уступок.

Об этих залах до сих пор вспоминаем и мы, тогдашние сотрудники музея, и посетители. Ведь там был «кабинет» П. Л. Драверта, там можно было подолгу с удовольствием рассказывать, несмотря на скудость экспозиционного материала,

и о Всеволоде Иванове, и о Павле Васильеве, о рождении в Омске «Сибирских огней», Леониде Мартынове, Сергее Залыгине. Художник бескомпромиссно подчёркивал тематический контраст, который

В старой экспозиции.

Кабинет Драверта

Вещи писателя Н. В. Феоктистова: пенсне, личная печать и тетрадь со стихами

тоже легко обыгрывался экскурсоводами: в «гражданской войне» фон, на котором размещались экспонаты, был преимущественно чёрным, а в «мартыновском» зале – ослепительно белым...

В «юбилейной» статье следовало бы перечислить нашумевшие выставки – от «Есенинианы», «Графики Нади Рушевой», «Чудес под микроскопом» Анатолия Коненко до выставок литературных музеев Ялты, Москвы и Ленинграда с уникальными экспонатами из коллекций Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского и Чехова; цитировать записи в книге отзывов знаменитостей, посетивших музей, – от А. И. Солженицына до звёзд эстрады и кино. Приводить отрывки из статей о музее в центральной прессе, рецензии на тематико-экспозиционный план и экспозицию. Но меньше всего хочется утомлять читателей трескучей похвальбой. Скажу лишь о главном.

За тридцать лет работы уникальное направление деятельности музея – комплектование документов по истории литературы Прииртышья и популяризация лучших традиций, сложившихся за более чем два столетия, в сочетании с изучением сибирского периода биографии и творчества великого писателя Ф. М. Достоевского сделали Омский литературный музей брендом региона, его своеобразной визитной карточкой.

Хочется ещё и ещё раз добрым словом вспомнить тех, кого уже нет в живых, – упомянутых выше «нашего» художника Эдуарда Ивановича Кулешова и его жену Наталью, генерального директора музейного объединения Юрия Анатольевича Макарова, сотрудников Литературного музея Надежду Геннадьевну Собянину, Людмилу Степановну Мартынову, а также милейшую Ниночку Митрофановну Столповскую – старейшего библиотекаря краеведческого музея, Клару Алексеевну Савину – фотографа музея, отзывчивого и душевного человека, и многих, многих, у кого на глазах мы радовались и огорчались, страдали и ликовали – когда каждый в своём углу, а когда и все вместе... Вечная им память!

Слова благодарности и пожелания многих лет жизни адресую всем здравствующим коллегам по профессии, а также писателям, журналистам, телевизионщикам, краеведам, преподавателям школ, техникумов и высших учебных заведений, всем, кто участвовал и продол-

жает участвовать в жизни музея.

А сколько запоминающихся и позитивных историй связано с музеем! Говорю: позитивных, потому что есть истории разные – например, истории, как... мамка сына раздевала. О чём это я? Увы! Из песни опять-таки слов не выкинешь, и до сих пор эта «песня» болью отзывается в наших сердцах.

Когда Литературного музея не было, многие коллекционеры, а также наследники знаменитых писателей оставляли разного рода ценности на хранение в фондах краеведческого музея – для будущей литературной экспозиции.

Но вот Литературный открылся, стал частью музейного объединения, а потом «вдруг» захотел самостоятельности и с января 1992 г. превратился, благодаря поддержке начальника Главного управления культуры Омской области Нины Михайловны Геновой, в полноправное учреждение культуры.

«Краеведы» оказались той самой мамкой, которая, не желая отпустить повзрослевшего сына из дома, снимает с него последние портики. «Краеведы» нашей жажды свободы не поняли и потребовали вернуть в их фонды всё, что ушло в экспозицию Литмузея. Например, подлинный ларец сказочника П. П. Ершова. Этот ларец правнук писателя В. В. Берников передал с пометкой «для литературного музея». Печальная история о том, как всё-таки отобрали этот дорогой нам экспонат, равно как и многие другие, выношу за скобки.

Так же как за рамками этой статьи оставляю все истории, связанные с кадровыми перемещениями в музее. Оставляю скрепя сердце, потому что действительность была другой, не такой, как её, к сожалению, представляют многие. Хочется рассказать, как было на самом деле. Но тогда неизбежно придётся обелять себя, опуская других. А этого я не могу себе позволить...

Сотни туристов «оттуда» побывали в стенах нашего музея. Японцы и немцы, итальянцы, французы и шведы...

Как-то летом приехала одна дама из Италии. Скромно одетая женщина, она находилась в тех летах, когда возраст определить уже проблематично. Вошла в музей как самая обыкновенная и скромная посетительница. Купила билет, осведомилась, «где здесь Достоевский». Её провели в зал. И тут она разулась и только тогда, осторожно ступая белыми носочками, вошла внутрь, как будто совершала таинство.

Человек совершил паломничество к боготворимому писателю...

Одна музейная экскурсия даже дала повод для создания легенды. Автор «Архипелага ГУЛАГ», «Ракового корпуса», «В круге первом» в июле 1994 г. посетил Омск. Александр Исаевич Солженицын на пути великого возвращения в Россию должен был проехать мимо, через Тюмень, но омские мемориальцы позвонили ему в Новосибирск, рассказали о музее Достоевского, и Солженицын сказал: «Еду!». Первый визит, который он сделал в Омске, был визит в наш Литературный музей.

Я подобно рассказывал Александру Исаевичу об истории местной литературы, о судьбах писателей, он задавал вопросы и всё время

Транзит державных охранников палачи Федора Михайловича, документов и личных вещей несли до его тюрьмы. Как, что на территории бывшей Омской крепости прежнее здание (и в недавнее время) бесчинные разрушения.

5.7.94.

Автограф А. И. Солженицына

в книге почётных посетителей музея

записывал что-то в некую тетрадку. Фотографы щёлкали камерами.

Прошло несколько лет, и на одном из музейных капустников возникла необходимость показать рядом фотографию Солженицына, сделанную в музее, и мою старую фотографию в армейской форме.

А ещё через некоторое время меня встретила одна известная радиожурналистка и, буквально прижав к стене, потребовала, чтобы я ответил ей на вопрос, без моего ответа она не может ни спать, ни есть.

«Скажите, – спросила она, – это правда, что вы были охранником в лагере, где отбывал наказание Солженицын и под дулом винтовки заставляли его писать?».

Чтобы не обидеть уважаемого человека, я попросил её сопоставить дату моего рождения, годы моей службы в армии и годы пребывания

Валентина Михайловна Савинцева, первая заведующая отделом организационной, методической и маркетинговой работы, проводит экскурсию по залу Ф. М. Достоевского для туристов из Японии

А. И. Солженицын (в центре) на экскурсии в музее. 5 июля 1994 г.

«Что имеем – не храним, потерявши – плачем»... Первая половина известной фразы, к счастью, относится не к музеям. Музеи как раз и призваны собирать, чтобы хранить, изучать и популяризировать памятники материальной и духовной культуры. Говоря проще, музеи призваны в своих фондах и экспозициях оставить для последующих поколений слепок времени в виде предметов быта, документов, фотографий, книг, инструментов, которыми пользовались люди, образцов продукции промышленного и сельскохозяйственного производства. Одной из составляющих миссии музеев является необходимость документировать духовную жизнь общества в определённую эпоху. В исполнении комплекс этих задач вызывает порой наибольшие и часто непреодолимые сложности.

Как на вещественных примерах показать, чем одухотворялись люди? Чем дорожили и чем пренебрегали? Какие действия государственной машины оказывались для них наиболее болезненными, а какие, напротив, благотворными? Ведь можно сохранить тысячу программ театральных спектаклей и афиш, сотни тысяч фотографий. Можно хоть сто лет следить, чтобы пыль не села на балетные тапочки Улановой или веер, с которым выходила на сцену великая Плисецкая в роли Кармен. Но как передать будущему посетителю музея или, например, исследователю, перебирающему документы в фондах, живые человеческие чувства? Волнение помощника режиссёра, стоявшего в кулисе во время премьеры? Или гордость визажиста, создавшего уникальный грим, вдохновение костюмеров, тщательность рабочих сцены... А как в экспозиции литературного музея отразить, что испытывает писатель, создавая в воображении замысел будущего текста? Что происходит в его душе, когда он подыскивает нужные слова, выстраивает их в порядке, необходимом для создания настроения, передачи чувств и ощущений персонажей, которые имеют индивидуальные вкусовые ощущения, каждый по-своему воспринимает цвета, запахи, температуру и влажность среды, которая их окружает?..

Задаваясь этими и подобными вопросами при разработке плана научного комплектования фондов, музейный работник должен быть хоть чуточку режиссёром спектакля, который в будущем назовут постоянно действующей экспозицией или временной выставкой. Он должен знать, как сохранить то, что собрано в фонды музея. Как показать рукопись или уникальную фотографию, книгу или старинную

вещь, чтобы не повредить их. Не посадить на клей, не пришпандорить гвоздями или кнопками, не обрезать, если не подходит в рамку, и не отбить кусок, если не становится в витрину... Музейщик лучше других знает, о чём говорится во второй части известной фразы: «Потерявши – плачем...».

Музейщик должен быть разнопрофильным специалистом. Он должен в совершенстве знать историю как базовую дисциплину и при этом быть профессионалом в узкой профессии. Например, в литературном музее сотрудник должен знать, что и когда происходило в стране и регионе, какие события влияли на жизнь людей вообще и на писателей, в частности. Но, кроме того, он должен знать историю и теорию литературы и, что ещё более важно, уметь отличить плохой художественный текст от хорошего – хотя бы для того, чтобы не оставить потомкам как нечто выдающееся следы творчества записного графомана – в рукописях и разнообразных изданиях...

Кроме того, сотрудник любого музея должен обладать дотошностью исследователя, в душе быть учёным (некоторые музейщики действительно раньше или позже становятся учёными). Ему должен быть интересен каждый документ, каждый факт. Ведь мостовая истории лишь внешне выглядит как нечто монолитное. На самом деле она имеет основание, в котором, конечно, есть и глыбы, но ещё больше разноцветных камней, камешков и даже песчинок...

Большинство музейщиков и по своему образованию, и по мироощущению – педагоги. Они обязаны уметь отобрать и систематизировать факты. Адаптировать их к восприятию разновозрастных групп. Уметь выделить главное. Сделать правильные акценты. Всегда иметь сверхзадачу (зачем он рассказывает именно об этом, какую цель преследует, чего хочет добиться от посетителей, кроме усвоения поданного материала?).

Музейный работник должен быть отчасти и артистом. Выходя на экскурсию, он, как и актёр, должен забыть о своём самочувствии, о своих радостях или огорчениях. Не хочешь сегодня показать свою любовь к музею и теме экскурсии, не в настроении – изволь и любовь, и интерес сыграть... Да так, чтобы никто не догадался, что у тебя на душе кошки скребут или просто голова раскалывается... Единственное, что можешь себе позволить, – это дать пережитому переплавиться в неизгладимое впечатление, в знания, которые унесёт с собой экскурсант.

Сколько раз на моём музейном веку я всерьёз задумывался об этом!

Преподавательница пригоняет (выглядит это именно так, поэтому не стесняюсь этого слова) в музей группу из какого-нибудь профтехучилища. Возраст у детей всё ещё гормонально-брутальный. Энергия переполняет, хочется бегать, прыгать, орать, где-нибудь что-нибудь ковырять, что-то проказливое затевать, толкаться, шумно выяснять отношения, примериваться к лучшему месту в шеренге, толпе или строю. Отмахиваться от мыслей о будущем, которое всё равно будет, хочешь ты этого или нет, и в котором всё успеется, потом, когда-нибудь, но не сейчас, а потом, потом, в другом месте, когда уже никуда от этого будущего не деться.

И вот такая группа, напирая друг на друга, втискивается в двери музея. От коллективного ора дребезжат витринные стёкла. В нём с трудом, но можно разобрать возмущённые вопросы о том, зачем их сюда пригнали? лучше бы на дискотеку пошли! у них нет денег на билет! (а сами одеты в кожу, и через одного в руках у каждого мороженое, которое стоит в два раза дороже, чем вход в музей). А вот выделяется ор особенно интересный: «Дайте мне этого экскурсовода, я ему сам экскурсию проведу!!!».

Этого уже стерпеть никак нельзя. Являюсь. Приветственные крики: «О! Классно!». Шепоток: «Достоевский-достоевский-достоевский»... Протягиваю крикуну указку: «Пожалуйста. Проведите нам экскурсию. Мы все с удовольствием послушаем». Крикун, разумеется, тут же тушует и сникает. Группа, которая в любой момент готова дружить против кого угодно, последний раз взгогатывает и уже с интересом смотрит на меня. Что ж. Приходится соответствовать.

Через пятнадцать минут после начала экскурсии спина мокрая. Работашь на износ. Нет, внешне ты спокоен, может быть, даже слишком. Но внутренняя собранность, лаконичность движений, точно выбранная громкость голоса, его тембр и интонации заставляют группу всматриваться в твои глаза и движения, следить взглядом за указкой, следовать за тобой по залам, постепенно сосредоточиваясь. Чувствуешь, как от тебя к тридцати мальчикам и девочкам тянутся энергетические нити. Надо удержать их внимание во что бы то ни стало.

Через пятнадцать минут приходится сменить стиль монолога на стиль беседы. Начинаю говорить, обращаясь непосредственно к каждому из них, использую слова: «вообразите», «представьте себе», «скажите, что вы видите на этом рисунке». Обращаюсь с просьбой подойти поближе и прочесть какую-нибудь надпись на картинке,

чтобы они сами могли убедиться в правдивости моих слов. Обещаю не кусаться. Дети с удовольствием принимают игру. Откликаются, отвечают, подходят, читают вслух. Однажды самый смелый, подойдя ко мне, сказал, обращаясь к своим: «И правда, не кусается»...

Во время образовавшейся эмоциональной паузы они отдыхают. Отдыхаю и я. Концентрируюсь для подъёма на следующий виток. Там будет тоже очень много фактической и эмоциональной информации. Начинается самый трудный период – третья пятнадцатиминутка. Дети устали стоять и стоя слушать. Ходить за кем-то, да ещё всем вместе. Их уже давно тянет побужнить. Но я не даю им расслабиться. Грузю их таким материалом, который, я знаю, зацепит. Провоцирую их интерес. Здесь важен тон. Ни в коем случае нельзя заигрывать с детьми, выдавая информацию! Необходимо держать дистанцию, то сокращая её, то снова делая ощутимой.

После длинного рассказа о Достоевском – общественном человеке выдаю фразу: «Перед вами фотография первой жены писателя»... Пауза в секунду... Полторы... Есть! Где-то во втором ряду стоящих передо мной молодых людей слышится вопрос, шёпотом заданный не мне, а спине соседа, стоящего впереди: «А вторая где? А всего сколько было?..». Озвучиваю услышанное уже громко и серьёзно. Скрывая иронию, благодарю за наводящий вопрос. Самое время поговорить о любви. Это они понимают. Это их волнует. Даже если речь идёт не о Бритни Спирс, а о жене Достоевского.

Ну вот. Скоро финиш. Последний эмоциональный всплеск – рассказ о смерти писателя и о его похоронах. Дети понимают, что дело близится к финалу. Они теперь без усилий с моей стороны будут терпеливо слушать и о значении творчества писателя сегодня, и о местах, связанных с ним в нашем городе. Иногда в такой прирученной группе оказываются толковые люди, которые задают толковые вопросы. Причём не прячась за чью-то спину, а громко. Спрашивают, потому что это их действительно интересует. С удовольствием отвечаю. В этом тоже проявление профессионализма – уметь ответить на любые вопросы.

Вопросов больше нет. Прощаюсь. Группа торопливо, но уже без давки выходит на улицу. Отходят от музея. И только тогда вновь раздаётся гогот. Снова они толкают друг друга и несутся куда-то вскачь...

И вне музея иногда случаются презабавные истории. Как-то при-

шлось мне читать лекцию о декабристах в одном средне-специальном учебном заведении. В аудитории – одни барышни. Выдаю на-гора материал и чувствую, что им скучно. Надо срочно что-то делать. Немного поворачиваю тему и говорю о декабристках – возлюбленных героев и романтиков 1812 г. Вдруг, когда мне уже кажется, что меня начинают слушать не только из вежливости, вижу боковым зрением, как девица, которая сидит за первым столом в крайнем ряду слева, быстрым движением кладёт ноги в ярких розовых колготках на стол. Девицы в аудитории все как одна выдохнули: «Ах-х!!!». Тридцать пар глаз переводятся с ног в розовом на меня, с меня – на ноги в розовом. Не смотрю на эту фрондёрку. Много чести. Пауза не более трёх секунд. И – неторопливо:

– Я бы на вашем месте не стал демонстрировать всем свои грязные колготки...

– Неправда! Я стирала!..

Ноги тут же убраны на место. Все с облегчением смеются. Сделана эмоциональная разбивка. На меня смотрят с уважением и дают возможность закончить лекцию...

Однажды в Питере, в музее А. С. Пушкина на Мойке, дом 12, последней квартире поэта, испытал самое настоящее потрясение от работы коллеги. В этом музее всегда много народу. Трудно бывает записаться на экскурсию. Группы идут одна за другой, буквально наступая на пятки. При таком конвейере экскурсоводу сложно выкладываться. Зная это, я не стремился примкнуть к группе. Проходил мимо. Рассматривал фотографии, вчитывался в этикетки и тексты. И вдруг откуда-то издали донёсся взволнованный голос. Слова трудно разобрать, но я уловил интонацию. И всё, этого оказалось достаточно. Стал искать экскурсовода. Так и не увидел её. Но, дойдя с группой до конца, вместе со всеми пережил последние мгновения великого поэта. Побывал им самим, смертельно раненным, и Натальей Николаевной – женой поэта, и Данзасом, и Пуциным – друзьями и последними собеседниками. И даже царём Николаем... До сих пор при воспоминании о той высокопрофессиональной экскурсии к горлу поднимается комок, и я снова чувствую, как близко слёзы...

«Вот так надо водить экскурсии и по нашему, Омскому литературному музею имени Ф. М. Достоевского, – думал я тогда и думаю так и сейчас, – чтобы не было среди посетителей и слушателей ни одного

равнодушного...».

На протяжении некоторого времени музейщики любили повторять лестные слова академика Д. С. Лихачёва, сказанные в их адрес: «Последние святые на Руси». Повторяли до тех пор, пока слова эти не стали красивым штампом. Да и, казалось бы, неуместно людям, которые всё время твердят о земном, говорить о собственной святости. Но кто ещё, кроме нас, посвятивших музеям жизнь, скажет о необходимости развивать материально-техническую базу музеев; вкладывать немалые средства в создание условий для хранения и научного учёта музейных предметов; кто поинтересуется, какова зарплата в учреждениях культуры и можно ли на неё прожить? И если всё-таки жили, и живут, и работают с полной самоотдачей, то как не вспомнить о характеристике, данной музейщикам Д. С. Лихачёвым...

Три десятилетия. Целая эпоха. За эти тридцать лет закончился невероятный по количеству и огромности событий XX в. Начался век XXI, Эра Водолея. Оглядываясь в прошлое, видишь: картинки меняются, как в калейдоскопе. Сменились общественные формации, исчезли, как миражи, пирамиды общепринятых ценностей и следующие в обе стороны караваны идеологических постулатов.

Растут и крепнут очертания новой России. Обнаруживаются нестёртые контуры и прежних державных связей. Снова, на этот раз у нас на виду, закладываются пирамиды новых ценностей, и мы тревожимся, а ценности ли они на самом деле? Устоит ли конструкция на зыбком основании? Не слишком ли резво бежит по волнам «корабль современности»? Не поторопились ли мы скинуть за борт книгу и навыки вдумчивого чтения? Какие роли предстоит сыграть Омскому литературному музею на путях в будущее?

Стоим на борту, всматриваемся в даль...

О пользе соседства с вытрезвителем

Медицинский вытрезвитель Центрального района находился в самом центре города, в районе Старой крепости, так долго, что, кажется, находился здесь всегда...

Когда-то в крепости стоял военный гарнизон, располагались дома для военных инженеров и местного генералитета. В XX в. не было уже ни гарнизона, ни прежних военных чинов, ни зданий, в которых

жили офицеры. Но военизированный след остался. На территории Старой крепости, в здании бывшей военной гауптвахты, разместился областной военкомат, в здании дворянского собрания – гарнизонный Дом офицеров. На пустыре, образовавшемся в результате сноса домов военных инженеров, вплотную к лютеранской кирхе выстроен Дворец культуры имени Ф. Э. Дзержинского и здесь же, через дорогу, в одноэтажном кирпичном здании начала XX столетия... медицинский вытрезвитель.

В 1983 г. в бывшем доме комендантов Омской крепости, памятнике архитектуры, построенном в 1799 г., открылся Литературный музей имени Ф. М. Достоевского. Великий писатель после того, как с него сняли кандалы, бывал в гостях у последнего коменданта крепости Алексея Фёдоровича де Граве. Приходил, чтобы поблагодарить за помощь, оказанную с риском для собственного благополучия. Дом комендантов местные краеведы давно наметили под музей. В 1971 г. на углу здания был установлен массивный чугунный барельеф с изображением Достоевского. Писатель стоит во весь рост, одетый в бесформенное длинное одеяние, и правой рукой прижимает к груди книгу. На барельефе надпись, сообщающая, что в «этом доме бывал великий русский писатель Ф. М. Достоевский».

А вытрезвитель находился в пяти метрах от дома комендантов, в котором разместился музей. Когда музей создавали, о возможных последствиях подобного соседства никто и не думал. Милиционеры даже помогали нам. О случае, когда соседи выручили музей в трудную минуту, я и хочу рассказать.

Как уже говорилось, музей создавала бригада оформителей во главе с известным московским художником, автором нескольких крупных экспозиций Эдуардом Ивановичем Кулешовым.

Кроме сугубо хозяйственных задач, была задача весьма деликатного свойства. Для того чтобы обеспечить нормальное ночное функционирование бригады художников-оформителей, необходимо было именно днём создать для них требуемые запасы. В противном случае с наступлением темноты приходилось проявлять чудеса изобретательности... Дело в том, что москвичи во время каждого приёма пищи потребляли спиртное, которое они называли «горючим» и без которого работа у них ну никак не хотела спориться.

Странное дело, но принимающая сторона на удивление легко и с пониманием отнеслась к этой особенности московских гостей. Понаблюдали несколько дней – всё, что ни делается, несмотря на изрядные объёмы выпитого, делается аккуратно, с огоньком, фантазией

и согласно оговоренным правилам оформления музейных предметов.

Вопрос в другом – как обеспечить бесперебойную работу? Днём ещё ладно – спиртное можно купить в магазине. А ночами, когда началась работа в режиме аврала и не только столяры, плотники и специалисты по шрифтам, картонажники, сам маэстро, но и мы, музейщики, работали практически круглые сутки, шаг за шагом приближая музей ко дню открытия? Тут и начались перебои с подачей «топлива». Тогда не было ночных магазинов – за окном начало 80-х гг. XX столетия... Где-нибудь во втором часу ночи раздобыть бутылку-другую горячительного невозможно. Ехать в ресторан аэропорта долго и накладно. Что делать?

Однажды в разгар работы Эдуард Иванович отозвал нас, «хозяев», в сторонку и сказал, что его ребята трудятся не покладая рук. Надо их поддержать. Как? Ну, понятное дело – требуется «горючее». Они уже самому Эдуарду Ивановичу предъявили настоящий ультиматум, мол, если их требование не будет удовлетворено немедленно, уйдут спать в гостиницу. Удерживать их больше он не может. «А время, – напомнил художник, – поджигает, о сроках сдачи экспозиции сами всё знаете...». Выслушав маэстро, понимаю: надо что-то предпринять, и срочно. Зрительная память напомнила, что у соседей, которые тоже работают круглосуточно, есть специальный ящик для изъятых у алкашей бутылок.

Отправляюсь в вытрезвитель. Дежурный старшина, в разговоре с которым я ещё днём сетовал на приезжих мастеров, не умеющих жить без выпивки, хмуро улыбаясь, вынес из подсобки деревянный ящик. В нём высилось несколько разнокалиберных бутылок. Причём все из них под нетронутыми пробками, полные искомой влаги. Жидкости из початых бутылок милиционеры сразу при изъятии выливают, а пустую тару отправляют по назначению.

Сделав таинственное лицо, захожу в зал. Мастера вповалку лежат кто где. Эдуард Иванович возвышается над ними, словно гора-богатырь над полем боя, и, подбоченившись, посматривает на «павших» товарищей. С грохотом ставлю ящик на стол. «Где взял? Говори, ещё сбегает...» – вопрошают тут же ожившие работяги. Объясняю, что это – до утра. Снова застучали молотки, заскрипели ножи, разрезавшие бумагу, на стремянки поднялись шрифтовики...

Москвичи сумели максимально проявить свои творческие способности. Комиссия Московского отделения Союза художников СССР, принимавшая экспозицию, признала оформление музея лучшим за

1983 г. по Российской Федерации...

Сейчас, когда пишу эти строки, экспозиции музея, созданной Э. И. Кулешовым, уже нет. Она прослужила двадцать три года, четыре месяца и шестнадцать дней и в июне 2006 г. была полностью разобрана...

В интервью омской газете Э. И. Кулешов говорил: «Материал был тяжёл для пластических выражений, материал плоский, трудно было создать единую изобразительную систему, но, как кажется, удалось создать стилевое единство».

В какой степени новому художнику и новой творческой группе удалось повторить художественный подвиг москвичей, покажет время. Новая музейная экспозиция, открывшаяся в ноябре 2006 г., «Достоевский и Сибирь», решает иные задачи при помощи иных художественных средств.

После открытия музея соседство с вытрезвителем превратилось в весьма досадное обстоятельство. Забавно было слышать, когда звонят из школы, спрашивают, как к нам доехать, какие есть ориентиры. Отвечаешь, что рядом проходит ежегодная выставка цветов «Флора», поблизости – Дворец культуры. В трубке – молчание. И только когда упоминаешь, что по соседству – медицинский вытрезвитель, слышишь облегчённое: «А, да, конечно, знаем». Уж откуда учителя литературы да школьники знают о местонахождении вытрезвителя – можно только догадываться...

Однажды специальная машина привезла соседям очередной «урожай». Открывая дверь в музей, я увидел, как из машины выволакивают пьяную женщину неопределённого возраста. По правилам вытрезвителя, каждого «посетителя» ждёт «помывка». Человека раздевают донага и поливают ледяной водой из шланга или заставляют стать под холодный душ, если он способен хотя бы некоторое время удерживаться в вертикальном положении.

В 10 утра на экскурсию в музей пришла группа старшекласников. И вот, когда дети уже готовы зайти в музей, из вытрезвителя выбегает обнажённая «дама» весьма крупных форм. Размахивая руками и другими частями тела, с громкой песней, которая рвётся из груди от полноты переполняющих её чувств, бежит в сторону Иртыша, чтобы совершить необходимую «помывку» не как наказание, а по собственной воле. Дети обомлели. Бесплатное кино!

Мне неловко. Как я буду рассказывать им о духовности, о формиро-

вании литературных традиций в регионе, о каторжных годах Достоевского, когда в глазах у школьников совсем другая, отвратительная картинка?.. Милиционеры бросились ловить сбежавшую алкашку, она стала вырываться, кричать, обзывать их словами, которые я никак не могу привести здесь. Я постарался побыстрее завести детей в музей, успокоить и сменить негативный настрой на рабочий.

Вскоре после этого случая мы возвели между зданием музея и вытрезвителем собственную «берлинскую стену» – поставили глухой кирпичный забор, чтобы больше никто не устраивал дефиле для школьников и не бегал в чём мать родила купаться в Иртыш мимо ошеломлённых посетителей музея.

Только спустя четыре года после открытия музея мне удалось поднять общественность и добиться, чтобы медицинский вытрезвитель перевели в другое помещение, а его здание передали нам для расширения экспозиционных площадей. Путь к музею этого здания, правда, тоже был сложным. Сначала оно поступило на баланс Главного управления культуры, потом было передано для нужд Литературного музея на баланс музейного объединения. И ни на одном этапе никто не поинтересовался правильностью оформления документов...

Много лет оно по официальным постановлениям числилось за музеем. Но в начале XXI в. выяснилось, что в 1987 г. не была сделана простая и элементарная для нового века вещь – не был составлен акт передачи здания на баланс музея. И агрегатный завод, на балансе которого, оказывается (!), здание всё ещё числилось, отсудил его у нас и добился приватизации в свою пользу. Для чего же? Оказывается, чтобы снести добротный кирпичный дом под строительство другого объекта...

История с вытрезвителем растворилась в пространстве. Ничего не осталось и от «берлинской стены», отделявшей музей от неприглядного соседа.

Появились новые надежды: выяснилось, что на месте сноса будет построен развлекательный комплекс, в котором музею обещана площадь для размещения литературных экспозиций. В 2013 г. даже подписано соглашение о строительстве пристройки к музею... Но история об этом ещё не написана.

Про экспонаты, которые пишут автографы

«Музею – от экспоната». Такой автограф оставила на своей книге омская писательница Татьяна Александровна Гончарова. Но речь пойдёт

не о ней и не о подаренной ею книге, а о других музейных предметах, часть из которых пропала безвозвратно, а некоторые стали экспонатами и хранятся в фондах Омского литературного музея.

Жил в рабочем посёлке Любино известный краевед Иван Семёнович Коровкин. И была у него мечта – создать в Омской области литературный музей. Обычный учитель в средней школе, Коровкин всерьёз интересовался фольклором, записывал песни, частушки, сказки, предания, легенды. Обращался к известным писателям, поэтам. Получал от них ответы. Часто к письму, которое само по себе уже являлось ценным автографом, прилагалась фотография или даже книга с надписью. Материал постепенно накапливался. Коровкин устраивал выставки. К нему приезжали учёные и коллекционеры, ему самому стали писать аспиранты, студенты и школьники. Задавали вопросы, консультировались. Стали поговаривать, что Коровкин открыл собственный литературный музей. Восхищались, какой подвижник, энтузиаст. Ведь за свой счёт, без участия государства. И всё для людей, чтобы больше знали о родном крае, любили и ценили его.

Но, как и многие увлечённые люди, Иван Семёнович предполагал жить вечно. А может быть, и вовсе не задумывался о смерти. Он умер так внезапно, что не успел распорядиться судьбой своих коллекций. И, как это нередко бывает, родственники покойного захотели поскорее избавиться от ветхих бумажек, которые забили весь дом, от «никому не нужных» старых книжек и фотографий.

Одним из первых в доме краеведа побывал омский журналист Александр Лейфер. Ему удалось застать в архиве собирателя множество ценнейших документов. Вот как он об этом рассказывает: «Письмо Елены Вяловой-Васильевой – второй жены поэта Павла Васильева, фольклорные записи, что-то ещё, сейчас уже не помню, оказалось среди “самого ненужного”. Помню, что набралась порядочная стопка. Сколько раз за эти дни топилась таким образом печка и что в ней сторело, знает один лишь Бог...

Побывав на кладбище, мы пошли в райком партии и объяснили ситуацию. Нам дали ключ от пустого секретарского кабинета и “Волгу”. В несколько рейсов мы вывезли архив. Грузили, не разбирая, не читая – всё подряд. Иногда случайно попадалось на глаза: вот письма поэта и учёного Петра Драверта, вот – Твардовского, вот – дневниковая запись самого Ивана Семёновича, вот – чья-то рукопись...

“Забирайте, всё забирайте, – радостно говорила вдова, – мне эту

комнату белить надо, квартирантов пускать – всё подмога”.

Архив благополучно пролежал в запертном райкомовском кабинете до тех пор, пока его не забрали профессионалы – сотрудники областного госархива. Сейчас там – личный фонд Коровкина.

Закончив с бумагами, принялись за книги. Их вдова намеревалась продать. Разделили библиотеку на две части: ту, которую можно продать кому угодно, и ту, которую надо продать целенаправленно, – для будущего омского Литмузея имени Ф. М. Достоевского. Во вторую вошли книги с автографами, литература о Достоевском, редкие издания, литературоведение, довоенная “Литературная энциклопедия” и т. п. – набралось довольно много.

Однако все наши труды по разбору библиотеки оказались напрасными: краеведческий музей не сумел оперативно решить вопрос с покупкой и вывозом книг. А пока тянули, приёмный сын Коровкина, алкоголик, сетками таскал на пропой книги – как из той, так и из другой части. Спасти потом удалось лишь крохи».

Продолжая рассказ А. Э. Лейфера, замечу, что прекрасно помню, как в литературный отдел краеведческого музея позвонили из Любино: «Умер Коровкин. Срочно приезжайте. Материалы его архива продаются пачками за бутылку водки. Прямо с порога его дома в багажники подъезжающих машин укладываются раритеты, которым Иван Семёнович посвятил всю свою жизнь».

Стыдно признаться, но, пока удалось «выбить» командировку, прошло несколько месяцев. Человеку «свободному» покажется странным, что в Любино, до которого час езды на электричке, мы добирались, как до экватора. С другой стороны – чего стыдиться? Со службы не удерёшь. Музейные будни не имеют выходных – дежуришь и по субботам, и по воскресеньям... Да и найти более или менее вразумительную сумму для закупки книг было негде: на музейную зарплату не разгуляешься, а в среде музейщиков богатых людей тоже нет. Ехать без денег на закупку не имело смысла.

Отправиться в Любино я смог только в конце мая, совместив поездку с командировкой с целью лекционной работы в районе.

Прихожу в дом к Коровкину. Его жена и сын сухо вежливы. Говорят, что практически ничего из собранного Иваном Семёновичем уже не осталось. Ссылаются на госархив. Мол, приехали оттуда и увезли сразу несколько мешков. Расспрашиваю, допытываюсь. Прошу показать хотя бы оставшееся. Нехотя достают из-под кровати чемодан, открывают его для меня. Чемодан почти пуст. В нём лишь несколько потрёпанных книг по фольклористике. Да уж. Понятно, почему эти

книги не заинтересовали ни коллекционеров, ни архивистов. Скучное содержимое как раз и было остатками той части богатейшего архива и библиотеки, которая приурочивалась для «Омского литмузея».

Хозяева с нетерпением ждут, когда я уйду. Ещё бы – из кухни тянет чрезвычайно аппетитным запахом свежесваренной картошки. Видимо, в неё успели положить сливочное масло и посыпать зеленью из теплицы. Но я не могу уйти с пустыми руками. Век потом себе этого не прощу. К тому же, в другой раз меня могут сюда и не пустить. Я в те годы почти не употреблял спиртного и с гораздо большей нетерпимостью, чем сейчас, относился к выпивохам. А ведь приходи я тогда с бутылкой – глядишь, разговор бы сложился... Поскольку бутылки нет, а бежать за ней в магазин я принципиально не стал, продолжаю допытываться долго, занудно и уже сам понимаю, что противно. Но всё-таки добиваюсь своего. «Есть ещё кое-что, – вздыхая, признаётся хозяйка. – Вообще завалящее. Мы на растопку положили в угольный сарай. Можете пойти посмотреть, если не сожгли»...

Не иду – бегу в этот злосчастный сарай. Среди бумаг, действительно малоинтересных, нахожу и кладу в портфель две фотографии, при виде которых у меня задрожали руки...

Почему не наорал тогда на хозяев, увидев эти снимки? Почему не сказал им всё, что о них думаю? Наверно, интуитивно сработали два соображения. Они пришли мне в голову одновременно и тут же погасили клокотавшую в груди ярость. Скажи я им, что эти фотографии имеют ценность, – хозяева могли запросить за них определённую сумму. Пока отыщется возможность выплатить им государственные деньги, они перепродадут снимки коллекционерам. Ну, и, во-вторых, что махать кулаками после драки? Спасибо надо сказать, что ни коллекционеры, ни даже архивисты не поняли, что это за снимки. А то не видать бы их музею. Хотя, быть может, и у тех, и у других до угольного сарая просто руки не дошли и мне элементарно повезло? Так или иначе, одна из тех фотографий 23 года занимала почётное место в экспозиции Литературного музея.

На фотографии три человека. В центре – сибирский поэт Серебряного века Георгий Андреевич Вяткин, а рядом – братья Бунины, Иван и Юлий Алексеевичи. Кто-то из учёных говорит, что снимок сделан в Харькове, кто-то настаивает на Москве. В 1909 г. Г. А. Вяткин пытался издать сборник писателей-сибиряков в созданном Максимом Горьким издательстве «Знание». Бывал во многих сибирских городах, встречался с местными авторами. В Москве посещал писательские «среды» в доме Н. Д. Телешова, где, по всей вероятности, и познакомился

с братьями И. А. и Ю. А. Буниными.

После открытия памятника Ф. М. Достоевскому, 12 ноября 2001 г., в музее побывал губернатор Омской области Л. К. Полежаев. Очень внимательно слушал экскурсовода. Когда я обратил его внимание на фотографию Буниных с Вяткиным, стал расспрашивать. Сказал, что любит творчество И. А. Бунина. Так уж, видимо, совпало, что в декабре того же года губернатор подписал распоряжение об издании пятитомного собрания сочинений Г. А. Вяткина. У репрессированного писателя никогда не было никаких собраний сочинений, выходили лишь отдельные книги... В 2006 г. издание завершено. Не дожидаясь этого события, вышли из печати первые тома уникального полного собрания сочинений И. А. Бунина, также заказанные и профинансированные Л. К. Полежаевым...

Да, не сказал, а кто же на втором снимке из угольного сарая? Вы не поверите. Ромен Роллан – знаменитый французский писатель. И на обороте фотографии – его собственноручный автограф – естественно, на французском...

В доме И. С. Коровкина, среди бумаг, приготовленных на растопку, обнаружил также весьма пухлую тетрадь в твёрдом тёмно-зелёном переплёте. На обложке красовалась фотография автора – Андрея Девятова, а на страницах, очевидно нарезанных вручную и вручную же сшитых обычными нитками, наклеены многочисленные вырезки из фронтовых газет. Каждая вырезка – новое стихотворение. Получилась добротная самиздатовская книжка. Стихи, правда, слабые, далеко не профессиональные, но автор явно дорожил своим творчеством.

Вчитываясь в текст, пытался найти хоть малейшую зацепку, которая позволила бы узнать, откуда А. Девятов был призван в армию и куда вернулся, если остался жив, после окончания войны. Под одним из стихотворений прочёл, что связист Девятов служил до войны на Омском прижелезнодорожном почтамте. Оказывается, есть и такая организация. Срочно звоню туда. Узнаю, что Андрей Иванович Девятов много лет как на пенсии. Человек замкнутый, на службе мало с кем разговаривал, а уж о том, что он пишет стихи, не знал никто. В отделе кадров мне выдали его домашний адрес. Узнаю через справочное номер телефона, звоню. Увы, А. И. Девятова уже нет в живых. Дочь согласилась встретиться со мной.

В квартире сохранилась всего лишь одна фотография её отца. Да, писал стихи. Блажил старик – так полагали родственники. Был

в доме большой сундук, где он хранил свои бумажки. Андрей Иванович закрывал сундук на ключ, который всегда держал при себе. Как-то на праздник подпил и признался, что писал Алексею Максимовичу Горькому, посылал свои стихи. И сам Горький – автор «Песни о Буревестнике»! – ему отвечал. Якобы Андрей Иванович показывал домашним эти ответы.

Слушал и не верил своим ушам. В Омске много лет жил человек, который переписывался с Горьким! До сих пор неизвестен ни один омский корреспондент автора «Буревестника»! Можно же добавить новый штрих в картину культурной жизни нашего замечательного города! Но, увы. Открытие не состоялось.

Оказывается, семья Девятовых жила тогда в частном доме. Вскоре после смерти Андрея Ивановича родственники получили благоустроенную квартиру. На семейном совете решили сундук с бумагами деда на новую квартиру не везти. Ну, и в последний раз хорошо протопили печку...

Таких болезненных примеров не беспамятства даже, а какого-то удивительного нежелания ни о чём думать только из своего опыта могу привести немало. Родственники литераторов, быть может, и не читали «Мастера и Маргариту», но, словно сговорившись, усиленно стремятся опровергнуть ставшие крылатыми слова «рукописи не горят»!.. И никому даже в голову не приходит позвонить в музей или архив, обратиться к учителю литературы из ближайшей школы или к любому библиотекарю.

Людское равнодушие можно объяснить, найти ему оправдание. Однако когда коллеги-музейщики, которые по определению должны быть единомышленниками, проявляют подобную же глухоту и недальновидность...

Например, фондово-закупочная комиссия музейного объединения, когда ещё наш Литературный музей входил в него в качестве филиала, отказалась принять в фонды собранный мной очень скромный архив Юрия Сопова. Они заявили, что «документы о колчаковском прихвостне не могут храниться в краеведческом музее». Рекомендовали вернуть собранные материалы родственникам. К счастью, я не прислушался к ценной идеологической рекомендации и сохранил маленький свод драгоценных документов среди своих личных бумаг.

Талантливый поэт ушёл из жизни совсем юным. Он учился в Омском землемерном училище, но не окончил курса. Началась Граждан-

ская война, и молодой человек был призван в колчаковскую армию. Стал юнкером. Потом произведён в младшие офицеры и переведён в охрану Верховного правителя. В августе 1919 г. в Ставке раздался взрыв, в результате которого Юрий Сопов погиб. В своё время, видимо, чтобы спасти для истории имя талантливого юноши, придумали версию, будто бы Сопов готовил покушение... Но впоследствии установили, что взрыв произошёл из-за неосторожного обращения с гранатой.

Однажды я целое лето просидел в госархиве и областной научной библиотеке. Отыскал большое количество стихотворений Сопова. Мне хотелось во что бы то ни стало познакомить читателей с творчеством этого одарённого мальчика.

Правда, публикации я стал добиваться уже в новом веке, в новую эпоху. Но всё это время мной руководил не только азарт исследователя. Я хотел ответить то ли на идеологическую тупость, то ли просто на коллективную бессознательную (надеюсь!) слепоту членов фондово-закупочной комиссии, отказавшихся принимать на хранение в фонды рукописи Ю. И. Сопова, его фотографии и единственную книжку стихотворений. Да, время было такое. Но иногда и собственной головой думать надо...

Кстати могу сказать, что теперь-то уж уникальные материалы, связанные с жизнью и творчеством Ю. Сопова, будут сохранены для потомков, потому что поставлены на государственный учёт в Омском литературном музее имени Ф. М. Достоевского, к счастью обретшем самостоятельность...

Когда-то А. В. Луначарский назвал музеи «памятной книгой человечества». Любое сравнение хромает, но, принимая эту характеристику, хочется пожелать авторам книги делать в неё лишь продуманные и вдохновенные записи. И пусть «памятную книгу человечества» никогда не постигнет участь книг, сожжённых на кострах, забытых пылиться на полках, разодранных на картинки, использованных как бумага для черновиков или других надобностей. Меняются времена, нравы. Приходят и уходят поколения. Но что-то должно оставаться всегда. Если, конечно, люди не трава перекаати-поле, которая растёт там, где оставит её в покое ветер.

Про экстрим в Чёрном море, карандаш Чехова и вишнёвый сад в музее

Признаться, я был очень удивлён, когда услышал на одном из пи-

сательских собраний следующий диалог. Кто-то шутя сказал коллеге, отмеченному какой-то премией: «Вот ты и стал классиком. Пора вещички в музей нести». На что тот с некоторым даже страхом ответил: «Да я ещё пожить хочу...».

В то, что музей – вовсе не некрополь, а музейные работники – вовсе не кладбищенские сторожа, что в залах и кабинетах не царит могильная тишина, что музей – живой организм, может поверить лишь человек, хотя бы непродолжительное время проработавший в музее. По накалу страстей, их остроте и драматизму жизнь музейщика порой не имеет себе равных. Другое дело, что эти страсти внешне незаметны. В них нет событийности. За редким исключением в жизни музеев нет погонь и перестрелок. Зато сколько тайн, интриг, открытий, явного благородства и скрытых злодейств...

В прежние времена событием становились не только длительные командировки для архивной работы, но и поездки за выставками. Однажды я был командирован за выставкой в Ялту, в Музей А. П. Чехова. Когда добрался до города, день перевалил за свою вторую половину. Познакомился с директором. Он на скорую руку показал мне музей, двор, небольшой сад, место моего ночлега во флигельке. Строго предупредил, что будет вынужден, уходя, запереть калитку снаружи. Так что я на всю ночь останусь наедине с домом Антона Павловича. Правда, любоваться им смогу лишь снаружи, поскольку экспозиция на ночь также запирается, но зато завтра, когда придут сотрудники, будет экскурсия, передача экспонатов и несколько часов останется для прогулки по Ялте.

Но разве мог я ждать завтра! Едва директор вышел за калитку, схватил с кровати полотенце и, перемахнув через кирпичный заборчик, припустил вниз. Чем слышнее становился шорох набегавших на прибрежную гальку волн, чем острее щекотал ноздри ни с чем не сравнимый запах моря, тем сами собой шире делались мои шаги. Едва ноги ощутили песок, на ходу сбросил с себя одежду и бултыхнулся в воду.

А надо сказать, что дело было в первых числах октября и часа в четыре здесь уже начинало смеркаться. О том, что температура воды далека от температуры парного молока, я понял моментально. Но, едва окунувшись, выскочить на берег не позволяло сознание исключительности происходящего. Море! Когда-то представится снова такая возможность! Октябрь! Никто не поверит... Кроме того, появились ещё некоторые обстоятельства. Передвигаясь, чтобы согреться, быстрыми сажёнками, я вдруг увидел перед глазами... яичку из-под яиц. Увернулся от неё – и ударился о ... пустую консервную банку. В чём дело? Неужели море такое грязное? Повернулся в сторону бере-

га и увидел на парапете надпись, выполненную огромными буквами: «САНИТАРНАЯ ЗОНА! КУПАТЬСЯ СТРОГО ЗАПРЕЩЕНО!» Да... Однако это тем строго запрещено, кто читать умеет, а мы, во-первых, не местные – что с нас взять, во-вторых, для такого случая, неграмотные мы... Одним словом, пора ретироваться.

Поднял взгляд и заметил недоумевающие лица прогуливающихся. Они глазели на меня, и этих зевак становилось всё больше... Спокойно. Теперь я должен был сохранить невозмутимость. Чинно, не спеша, вышел из воды. Изо всех сил сдерживая дрожь, не спеша вытерся, концентрируясь на удовольствии от самого факта купания в море. Влез в сухую одежду, сожалея, что её так мало, и, не глядя по сторонам, отправился в обратную от моря сторону. Забравшись достаточно высоко, оглянулся. Буквально метрах в ста от места, где я принимал морскую ванну, располагался пляж. Даже издалека виднелись лежаки, грибки и кабинки раздевалок...

Хранитель музея оказался редким занудой. Даже я, тщательно, аккуратно и, как мне казалось, достаточно педантично выполнявший свои обязанности по сохранению музейных предметов, был поражён скрупулёзностью, с которой он заносил в акт выдачи экспонатов описание их сохранности.

Обнаружив на сигнатуре, прикреплённой к пузырьку из-под лекарства, незначительный разрыв, он брал в руки штангенциркуль и измерял длину разрыва. Этот человек описал в актах форму изгибов линии разрыва! Передавая мне огрызок карандаша, на одной стороне которого грифель был красным, а на противоположной – синим, он снимал размеры тем же штангенциркулем, фиксируя до десятой доли миллиметра длину грифеля.

Я спросил, к чему такая тщательность, на что он, поджав губы, ничего не ответил и продолжил свою работу, неизбежную, как исполнение смертного приговора после отклонённой апелляции.

Наконец чеховские подлинники были упакованы и уложены в коробки. С ними на руках мне предстояло ехать в поезде до самого места назначения. Самолётом лететь нельзя: в салон с такими объёмными вещами не пустят, а в багаж сдавать ценнейший хрупкий груз невозможно.

Всю дорогу меня переполняла радость. Я представлял себе, как обрадуются коллеги, когда экспонаты будут распакованы. С каким удовольствием мы будем заключать фотографии в рамки, укладывать предметы, которых касались руки самого Антона Павловича,

в витрины. Сколько придёт посетителей, и какими увлечёнными будут наши экскурсии.

Тогда наш музей всё ещё являлся филиалом музейного объединения, в рамках которого и был создан.

По приезде звоню генеральному. Он человек близкий к литературе, учился в Литературном институте, пишет книги. Надеюсь, что моя радость станет и его радостью. Появится свежий повод установить более близкие отношения с начальством...

Услышав мой почти захлёбывающийся от радостного волнения голос, генеральный сообщает, что сейчас придёт.

Перед его приходом я разложил на письменном столе наиболее ценную часть привезённых сокровищ. Сажу, смотрю за дверь. Хочу точно угадать его реакции.

Действительно, через двадцать минут заходит. Говорит «привет». Молча склоняется над столом. Берёт в руки чеховское пенсне, футляр от него. Рассматривает. Перебирает пузырьки от лекарств, фотографии. Зачем-то лезет в карман. Это ещё зачем? Достает блокнот, находит чистую страницу... хватает со стола огрызок чеховского карандаша и быстро пишет, микрон за микроном уменьшая размеры замеренного штангенциркулем грифеля!!!

О мама миа! Я думал, на мой вопль сбегутся не только сотрудники и смотрители, но и посетители музея...

Оскорблённый в лучших чувствах, генеральный директор молча, ни слова не говоря, не глядя на сбежавшихся коллег, как сквозь строй, отправился к выходу. Как я мог объяснить ему, человеку, далёкому от музейной жизни, что такое сохранность музейных предметов, особенно выданных на выставку? Какое ему дело до моей персональной ответственности? Это не ему возвращать экспонаты в ялтинский музей человеку со штангенциркулем...

Возврат предметов прошёл, впрочем, почти благополучно. Как ни странно, замеры не обнаружили траты грифеля. Мне на мгновение даже стало совестно, что не позволил начальству почувствовать себя Чеховым. Зато выяснилось, что разрыв на одной из сигнатур стал на целый миллиметр больше, и главный хранитель при мне написал докладную в Министерство культуры. Правда, отправил или нет, до сих пор не знаю.

Наш генеральный отличался подобным образом ещё не раз. С такой же непосредственностью, например, он примерял шляпу Достоевского, привезенную на выставку из Дома-музея Достоевского в Ленинграде. И мою нервную реакцию на лёгкость в обращении

с подлинниками каждый раз воспринимал с нескрываемым удивлением и какой-то детской обидой...

Попытка вступить за сохранность карандаша Антона Павловича откликнулась эхом, о котором я только с недавнего времени стал вспоминать со смехом вместо нервического содрогания.

По музейным правилам тех лет каждый новый выход на публику с лекцией, экскурсией, а тем более новой экспозицией предстояло представить методическому совету. В него входили все заведующие отделами объединения, ведущие научные сотрудники и, разумеется, заместитель директора по научной части. Протоколы заседаний методсовета утверждал генеральный директор.

Так уж повелось, что особенно «заинтересованно» члены методического совета относились к сдачам любых текстов сотрудниками Литературного музея. Я был молодой, ершистый, плохо шёл на компромиссы. Два года непосредственной работы в среде историков, а затем долгие годы существования в рамках музейного объединения, совместные планёрки, методические советы, фондово-закупочные комиссии обозначили существование непримиримых позиций, чётких различий между историками и филологами. Исходя из практики совместной работы, приходилось показывать коллегам, что мы мыслим разными категориями, что наши оценочные системы находятся в разных плоскостях. Это очень нервировало амбициозных историков. Им казалось, что я считаю себя умнее других, более того: противопоставляю коллективу. При каждой возможности меня пытались если не сломать пополам или порвать на части, то уж хотя бы отломить по кусочку оттуда, где удаётся прихватить. Но стоило мне попасть в ситуацию, когда меня можно брать, как говорится, тёпленьким, все вокруг «вдруг» принимались жалеть, сочувствовали. Видимо, таким образом предлагали принять приемлемую для них модель моего поведения и скроить из неё шаблон для последующих взаимоотношений...

Новую музейную выставку мы решили назвать «Мир Чехова». Художник Александр Верёвкин придумал исключительно красивое оформление. Мы купили белую бязь, покрасили её в цвета светлой ночи и задрапировали этой тканью стены. Съездили в лес и наломали там сухих веток. Саня лично выкрасил их в белый цвет и укрепил над каждой витриной.

В призрачном вишнёвом саду можно было увидеть на старых фотографиях лица Антона Павловича, членов его семьи, литературных собеседников писателя, современников, редкие издания, личные

Афиша выставки «Мир Чехова»

вещи автора «Дамы с собачкой», а также предметы, отражающие его профессиональную деятельность. По периметру выставки Александр пустил изображения чеховских персонажей. Они легко узнавались по публикациям, помещённым в витринах.

Когда всё было готово, смахнув пыль со стёкол и усталость с лиц, мы приготовились встречать выездное заседание методического совета музейного объединения.

И они пришли. Молча с мрачными лицами осматривали экспозицию выставки. Вчитывались в каждую аннотацию, этикетку. Хмуρο косились на те витрины, перед которыми мы замирали в восхищении; от экс-

курсии отказались, сказав, что сами поймут, что, где, зачем и почему. Наконец осмотр закончен. Предложение присесть отклонено. Учёный секретарь, поджав свои и без того тонкие губы, ровным голосом, не повышая и не понижая его, спросила, глядя на меня взглядом кобры перед прыжком:

– А где у вас слова Владимира Ильича Ленина о Чехове?

Счастье, что с университетской скамьи я запомнил: у дедушки Ленина никаких прямых высказываний о Чехове нет. Что-то он говорил об ионычах, да и то лишь косвенно. Так и отвечаю на прямо поставленный вопрос.

– Не может такого быть, что бы ЛЕНИН ничего не сказал о Чехове!

– Извольте, – говорю, – заглянуть в 55-томное собрание сочинений и убедиться лично.

– Заглянем, не сомневайтесь. Если обнаружим слова Ленина, получите взыскание. Без слов Ленина о Чехове в экспозиции методический совет запрещает открывать выставку.

Едва методсовет, шестеся чешуёй, выполз за порог, звоню в обком КПСС инструктору отдела культуры Л. Г. Орлянской. Излагаю ситу-

ацию. Людмила Георгиевна – филолог. Понимает меня с полуслова. Смеётся в трубку:

– Что-то краеведы перегибают палку. Позвоню. Когда открытие? Приглашайте меня...

Выставка имела шумный успех. О ней писали в средствах массовой информации. До сих пор жалею, что не было тогда возможности снять её на видео. Такая красотища! Выставка жила в наших залах всего (или целых?) два месяца.

И на почётном месте, в специально изготовленной маленькой витринке, лежал двухцветный карандаш Антона Павловича Чехова.

Первый бухгалтер

Оглядываясь в прошлое, испытываю весьма противоречивые чувства. Имидж учреждения культуры формируется из разновеликих составляющих. Он, как пчелиный мёд, зависит и от трав, с которых собирают пыльцу, и от местности, где травы растут, и, что особенно важно, от самих пчёл, без которых никакого мёда не будет вообще...

Поэтому хотелось бы написать обо всех, кто на протяжении 30 лет в разное время работал в музее. Каждый человек добавлял свою краску в его портрет. Омичи и гости, бывая на экскурсиях, лекциях, презентациях, юбилеях, вернисажах, не только узнавали что-то новое из истории литературы. Сам музей оставался в их памяти благодаря людям, которые их встречали и провожали, вместе с ними каждый раз заново проживая экскурс в судьбы и творчество давно ушедших литераторов.

Однако понимаю, что обо всех написать невозможно. Пришлось бы неоднократно повторяться, а менее всего хочется впасть в однообразие и превратить живую историю музея в унылое перечисление малоинтересных подробностей. Поэтому сейчас мой рассказ о человеке, благодаря которому музей сделал первые шаги в новом качестве, в иных условиях. Речь идёт о первом бухгалтере музея Валентине Фёдоровне Петровской*.

С 1 января 1992 г. решением Главного управления культуры и искусства Омской области Омский литературный музей был выведен из состава музейного объединения, созданного на базе областного краеведческого музея. Это обозначало, что музей становится самостоятельным юридическим лицом и в его штатном расписании

наряду с директором должны появиться такие должности, как главный бухгалтер, главный хранитель фондов, заведующие отделами...

Однако никто эти ставки на блюдечке с голубой каёмочкой музею не преподнёс. При всегдашних ограничениях, существовавших в сфере культуры, любые дополнения к штатному расписанию приходилось «выбивать», то есть писать письма, многократно ходить к административным и финансовым руководителям, доказывать необходимость введения той или иной ставки.

Понятно: увеличение фонда оплаты труда влечёт за собой и другие дополнительные материальные затраты – любому сотруднику требуется рабочее место, а это не только отапливаемое светлое помещение, но и стол, стул, канцтовары, пишущая машинка, а затем и компьютер... Культура же, особенно в сложные полтора десятилетия конца XX – начала XXI вв., финансировалась с большим скрипом. Были периоды, когда даже заработную плату не выплачивали по несколько месяцев. Тогда особенно ощущалось, что в нашей сфере работают энтузиасты, самоотверженные люди. Очень популярным в ту пору был анекдот, как руководители государства обсуждают, ходят ли работники культуры на работу: «Ходят, – говорит один, – хотя зарплату уже полгода не выплачиваю». – «А ты с них деньги бери за вход в учреждения. Тогда, может быть, ходить перестанут...».

Вплоть до второй половины 1995 г. музей обслуживался централизованной бухгалтерией Главного управления культуры и искусства Омской области. Затем, в связи с реорганизацией Правительства и созданием Министерства культуры, многие подведомственные учреждения отпочковались и создали свои бухгалтерии. В начале октября 1995 г. в Омском литературном музее впервые появился штатный бухгалтер.

Валентине Фёдоровне Петровской пришлось начинать всё с нуля в буквальном смысле слова. Даже кабинета у неё не было. Чтобы разместить бухгалтерию, пришлось в одном из залов музея сделать выгородку из шкафов. Между прочим, так же, за выгородками, в то время располагались «кабинеты» и других сотрудников музея. При реконструкции здания, создании в нём экспозиции музея предполагалось, что музей будет филиалом, в котором кабинеты нужны всего трём сотрудникам. Даже о технических службах никто не подумал. Например, зрителям музея негде было переодеться и выпить чаю, но тем не менее с ними вопрос решился проще.

*Валентина Фёдоровна Петровская работала в музее с 1 октября 1995 г. по 25 июля 2002 г.

Экспозиция музея, как уже говорилось, располагалась на листах ДСП, которые были установлены параллельно стенам примерно в полуметре от них. Около окон стояли батареи, и, чтобы обеспечить доступ к ним, устраивался проход, который занавешивали драпировочной тканью. Вот за этими драпировками устроили себе «кабинеты» замечательные посетители музея. Столами им служили глубокие подоконники бывшего дома комендантов. Заглянув за драпировку, можно было увидеть на подоконниках вязанные крючком разноцветные салфеточки, на которых располагалось незамысловатое «хозяйство»: пачка чая, кружка, на блюдечке печенюшки и конфеточки, какая-нибудь книжечка... Бывало, в музее начинали слишком активно себя вести мыши, полагавшие себя всегдашними хозяевами, и тогда всё съедобное укладывалось в жёсткие коробки или стеклянные банки с притёртыми крышками...

На протяжении всех лет работы музеем везло. Посетителями устраивались женщины обаятельные и душевные. Каждая из них очень подходила музею, я бы сказал «шла» ему, была к лицу. Все наши посетители – пенсионерки со стажем – оказывались людьми совершенно без амбиций. Одно их огорчало: не каждая могла протиснуться в «кабинет»: возраст придавал их очертаниям некоторую округлость. С другой стороны, вынужденно созданные условия работы заставляли посетителей следить за своей внешностью, что, видимо, шло им на пользу во всех смыслах: не позволяло расслабиться, держало в тонусе и заставляло иначе смотреть на проблемы, с которыми в то время столкнулся музей. Наши посетители – так уж случалось и случается – люди с редким чувством юмора. Так, после просмотра нашумевшего сериала «Рабыня Изаура» они дружно стали называть свои закутки «фазендами»...

Помощницей бухгалтера была посетительница музея Людмила Вениаминовна Нудина, на которую возложили обязанности кассира. Впоследствии, когда Петровская стала главным бухгалтером, выяснилось, что у музея нет курьера, статиста, экономиста, бухгалтера расчётного отдела и делопроизводителя. Все эти обязанности фактически единолично исполняла Валентина Фёдоровна. Было ей в те годы уже за пятьдесят, но трудилась она не за страх, а за совесть.

Петровская – женщина немаленького роста, статная, с широкой костью. На неё шали надевать да шубы соболиные – вот загляденье было бы! Работала в музее Фёдоровна долго, в разные времена года,

Валентина Фёдоровна Петровская – первый бухгалтер музея
и Людмила Вениаминовна Нудина – смотритель-кассир

а запомнилась почему-то в длинном зимнем пальто зелёного цвета, которое почти никогда не снимала (в музее всегда было достаточно прохладно), и в высокой норковой шапке. Шапку Валентина Фёдоровна носила лихо, чуть набекрень, отчего та напоминала папаху; не раз я говорил, что к её шапке очень бы пошла красная лента, повязанная наискось. Не только «папахой», она была похожа на комиссара своим истовым отношением к работе, ответственностью, предельной отдачей. Фёдоровна болела за музей и его сотрудников всем сердцем, всей душой.

По утрам, едва начинался рабочий день, звонкий голос главного бухгалтера оповещал о том, что она переступила порог музея. Следовало минут на двадцать, а то и на полчаса оставить все остальные дела, чтобы обсудить с нею новости из Главного управления культуры, выстроить финансовую политику в коллективе, дать указания по текущим делам. Не уделишь Фёдоровне внимания – замкнётся, и вообще к ней потом долго не подойдёшь, обидится. Как же – она ночь не спала, всё думала, как и что сделать, чтобы денежку выкроить, чтобы жизнь людям скрасить, а с ней разговаривать не хотят...

Общение директора с бухгалтером было занятием ежедневно необходимым. И дело совсем не в этикете. Ситуация с финансировани-

ем сложная, поэтому руководителю особенно важна была грамотная консультация. Плохой бухгалтер будет без конца твердить директору, что ему нельзя того и этого, и объяснять почему. Зачем директору такой морализирующий подчинённый? Директор и сам знает, что ему ни шагу в сторону ступить невозможно, чтобы что-нибудь не нарушить. Хороший главный бухгалтер – человек знающий, опытный, интуитивный, всегда посоветует, как решить ту или иную ситуацию в пользу музея. В конце концов главбух, даже если он чего-то не знает и не умеет, просто обязан стоять на стороне учреждения: он штатный работник, а не внедрённый представитель фискальных органов... С Фёдоровной в этом смысле работать было одно удовольствие.

Однажды возникло очередное финансовое затруднение. Нужно делать большую выставку, а в мае предстояло ехать на конференцию в Старую Руссу, денег же, как всегда, катастрофически не хватало. В сердцах поделился своими переживаниями с бухгалтером. Говорил, видимо, очень горячо, а вскоре забыл об этом: всегдашние разговоры, что в них особенного.

Через несколько дней прихожу в министерство. Захожу к плановикам, в бухгалтерию, к экономистам и всюду ловлю на себе странные взгляды. Наконец, подсев к одной из коллег, интересуюсь, что это на меня все как-то странно смотрят. «Как вы себя чувствуете, Виктор Соломонович?» – спрашивают вместо ответа...

Выяснилось, что Валентина Фёдоровна после нашего с ней эмоционального разговора отправилась в управление и там в разных кабинетах настойчиво говорила, чтобы Соломонычу дали денег, а то он «такой больной, такой больной...». Я тут же представил, как эта крупная женщина ходила в зелёном пальто и в шапке по начальственному дому. Из-под шапки струился пот, щёки покрыл густой румянец. У неё бы самой спросить о здоровье: почему она так упорно не желает облегчить себе жизнь? Ведь есть гардероб, в помещении тепло... Глядя на неё, невольно вспоминал строки из «Полтавы»: «За шапку он оставить рад коня, червонцы и булат, но выдаст шапку только с бою, и то лишь с буйной головою»...

Помню, что пропесочил я тогда Петровскую как следует: разве это аргумент: директор болен, дайте ему денег. Тем более, что здоров совершенно и деньги нужны не лично директору, а музею... Но что интересно, на командировку деньги выделили: Валентине Фёдоровне объяснили, как именно нужно написать письмо, к кому подойти, по каким статьям сделать проводки... Да и выставку хотя и не так, как хотелось, но мы всё же открыли...

По моей просьбе одна из тогдашних сотрудниц музея, Олеся Шаропова (Литвинова), записала свои воспоминания о Валентине Фёдоровне:

«Когда музей был в состоянии “творческого беспорядка” и все сотрудники сидели в одном большом помещении, разделённом на ячейки фанерной перегородкой, то все мы были как одна большая семья. Все слышали друг друга и знали друг о друге многое. Так вот наша Валентина Фёдоровна, приходя из очередной бюрократической организации, начинала за своей перегородкой комментировать произошедшее с ней. Да так ярко, не жалея красок, она всё это описывала. И чаще всего сожалела, что не взяла с собой “максимку”. Я пока не спросила у неё, не поняла, кто такой “максимка” и зачем его брать с собой. На мой вопрос она ответила в типичном залихватском “фёдоровском” стиле: “Это пистолет такой, вот если его с собой взять, то все вопросы решатся гораздо быстрее”.

А внешний вид Валентины Фёдоровны! “Кутюр отдыхает”: валенки, тёплые шерстяные штаны в рубчик, шерстяная тёплая кофта, норковая шапка, сдвинутая набок, лицо румяное... Очаровательно!

А как она пела, замечательно пела. А вот что пела, какую песню, я не помню. Но чувствую сердцем, что не обошлось без песни “Ой, мороз-мороз”.

Нас она называла “девчонки” и всегда отличалась добротой и душевностью. Душевно она относилась и к директору, правда бывали разногласия и многоголосья, доносившиеся из его кабинета, но всё заканчивалось миром и взаимопониманием. Музей наш она любила и болела за него всей душой.

Чай пила, с шумом прихлёбывая из стакана, а нас, девчонок молодых, это очень смешило. Она слышала, что мы за стенкой хохочем и говорила: “Да что вы, я же тётка простая, деревенская”».

Человек душевный и компанейский, Валентина Фёдоровна поддерживала моё стремление сплотить коллектив. А что может быть лучше для этого, чем неформальное общение! В то время мы понятия не имели, что такое тимбилдинг, но некоторые руководители действовали по наитию: вывозили коллектив за город, вместе ходили в походы, играли в волейбол, ходили на лодках... За отсутствием собственного автобуса маленький коллектив Литературного музея устраивался на доступной территории. Мы не пропускали ни одной возможности собраться на коллективные чаепития по поводу общих праздников:

23 Февраля, 8 Марта, День музеев, Новый год. Да и дни рождения каждого из нас тоже становились общими праздниками. После субботников мы во дворе музея прямо в земле налаживали не то мангал, не то жаровню, обкладывали со всех сторон кирпичами, усаживались кружком...

Люди ценили это, готовились к каждому такому событию. Несмотря на скудость зарплат, в то время не приходилось слышать ни от кого, мол, я не желаю, или мне не на что принимать участие в ваших «мероприятиях»... Фёдоровна всегда старалась напомнить мне о необходимости поздравить того или иного сотрудника, а то и копеечку подбросить в виде материальной помощи, особенно если кто-то болел и стеснялся сказать об этом. Суммы крохотные, но люди, не избалованные большими заработками, всегда и этому были очень рады.

Очень удивляло, насколько бескорыстно она заботится о людях. Как-то заведующий хозяйством, С. В. Лебедев, доставлял в музей цемент на ... собственном велосипеде. И от тяжести спица на одном из колёс лопнула. Идёт Сергей Викторович расстроенный. Навстречу ему Валентина Фёдоровна. Узнала о его беде – и сразу в кабинет к директору. Так да саяк, Лебедев – человек безотказный, всё делает для музея, а тут ещё и велосипед сломал. Выпишите, мол, ему материалку. Пусть хоть колесо починит. Ну как не выполнить такую просьбу! Но стоило спросить Фёдоровну: «А вам что-нибудь нужно, Валентина Фёдоровна?», как она мгновенно, не задумываясь, категорично отвечала: «Нет! Мне ничего не нужно, ничего!». И ещё возмущалась, что я её об этом спрашиваю. Единственный раз она попросила материальную помощь, когда пришлось лечь в больницу на операцию и понадобились дорогие лекарства.

Выйдя из больницы, она страшно смущала весь коллектив тем, что делилась подробностями своей болезни и её последствиями. Начала она, разумеется, с директора. Едва Фёдоровна появилась на работе после болезни, спросил, как её здоровье. Фёдоровна как будто ждала этого вопроса. Задрав кофту, предъявила мне послеоперационный шов. Не успел я прийти в себя, как она вынула из кармана пальто какой-то мешочек, высыпала его содержимое на ладонь со словами: «А вот какие камни из меня вынули!». Разговор тогда завершился заверением, что Фёдоровна полна сил и работать будет как раньше. Едва я закрыл за нею дверь, как из «кабинетов» сотрудников донесся визг: это Фёдоровна предъявляла им свои швы и вынутые из неё камни...

Семь лет работала в музее Валентина Фёдоровна Петровская. Может быть, работала бы ещё. Но пришли иные времена. Её огромную

и страшно грохотавшую механическую пишущую машинку «Оптим», которая нам досталась списанной из какого-то начальственного учреждения и которую мы не раз ремонтировали, пришлось утилизировать. Фёдоровне предлагали приобрести новую, электрическую машинку.

«Нет! – восклицала она. – Ничего мне не нужно! И калькулятор мне не нужен! Я на счётах считаю!».

Как-то я принялся убеждать Фёдоровну, что пишущие машинки ушли в прошлое. Всюду воцарились компьютеры. Бухгалтерский документооборот стали требовать в электронном виде. Надо приспособиться к работе в новых условиях. Валентина Фёдоровна сначала спорила со мной, а потом замолчала, подумала и тихо спросила, вернули ей за все годы работы хоть один отчёт? Допустила ли она хоть одну ошибку, прогоняя через машинку листы, проложенные копировальной бумагой, выдавая «на-гора» и три, и четыре экземпляра смет, калькуляций, расчётов и справок? Нет, ни разу за все годы работы ни одного замечания к работе главного бухгалтера не было. Но с необходимостью принять электронику Валентина Фёдоровна так и не смирилась. Все попытки убедить её, что она справится, что мы всем коллективом ей поможем освоить компьютер, не увенчались успехом. В июле 2002 г. В. Ф. Петровская из музея уволилась.

...Когда готовился этот текст, стал спрашивать у людей, а где Валентина Фёдоровна, куда запропастилась? Надо бы и раньше её поискать, но в 2006 г. мне самому из музея пришлось уйти и вернуться только спустя шесть лет, в 2012 г. Да и повод тут же представился: в 2013 г. музею исполнилось тридцать лет. Самое время вспоминать, собирать, учитывать...

Оказалось, что нашей Фёдоровны уже несколько лет нет в живых. Погибла в 2009 г. при трагических обстоятельствах. Вечная ей память! Хороший была человек и замечательный работник!

Женщина ли сотрудник?*

Было время, когда мы имели возможность устраивать по четыре вернисажа в год. Собственные фонды у нас тогда ещё только формировались, и мы предпочитали договариваться с другими музеями страны.

Однажды я привёз выставку из Государственного музея А. С. Пушкина, что располагается в Москве на Кропоткинской, 12. Выстав-

*Все описанные события произошли в Омском литературном музее имени Ф. М. Достоевского в середине 1980-х гг.

ка называлась «Спутники Пушкина». Мы должны были выполнить оформление зала, развеску, а на открытие ожидалось сотрудники Пушкинского музея. Они же обещали дать нам мастер-класс проведения экскурсий.

Музей наш работал тогда уже более пяти лет. Большинство выставок мы делали с художником Александром Верёвкиным. Он прекрасно чувствовал себя в пространстве небольшого выставочного зала, знал наши требования к подаче экспонатов. Его буйной фантазии мне приходилось всё время противопоставлять скептицизм, утихомиривать художнический полёт выстрелами конкретных практических вопросов.

– Виктор, ну как ты не понимаешь... – настаивал художник.

– Саша, да ты что говоришь? Сам подумай, как это возможно реализовать?

Например, он во время наступления творческих рецидивов предлагал для проведения очередной выставки разобрать металлическую крышу здания – памятника архитектуры XVIII в., а заодно и бетонные плиты перекрытия и сделать крышу стеклянной. Чтобы всегда было видно и небо, и солнце.

– И чтобы тучи было видно, и снег чтобы зимой лежал, а после не таял, чёрный, аж до самого лета, – «поддакивал» я, – потому как северная сторона. Кто же на стеклянную крышу полезет его сбрасывать?..

Разумеется, Александр даже не задумывался, в какую копеечку обойдётся такая «акция». И хотя, казалось, всё знал о «кабинетных сидельцах», но, когда его светлую голову посещала очередная творческая мысль, знания реальной жизни куда-то улетучивались... Впрочем, оказалось, что часто его тогдашние идеи намного опережали своё время. Сейчас, спустя несколько десятилетий, сплошь и рядом делают стены и крыши прозрачными...

– Виктор! У меня идея! – начинал следующий день Александр. – Найди спонсора, лучше пусть это будет наикрутейший банк, и сдайся им вместе с землёй. Пусть строят вокруг тебя и вверх, а здание музея окажется как будто внутри. Между наружными стенами музея и внутренними стенами банка можно устроить оранжерею – у тебя тут пальмы будут расти! Представляешь!!!

– Ага, бананы-кокосы. А в пруду – крокодилы-бегемоты... Санька, очнись! Мы находимся на территории Старой крепости. Здесь высотное строительство запрещено. Ты в курсе или ещё нет? А банкам нынче только заявись – они для начала предложат твоё здание

Александр Верёвкин и Виктор Вайнерман на выставке «Сергей Есенин. Жизнь, время, судьба», 1990

будем нарезать его полосами и просто закрывать ими стены. Получится ровный фон. Мрачный, правда, но гравюры с портретами пушкинских современников украшены цветными паспарту, к тому же они все в изящных рамах – получится хоть и мрачновато, зато красиво. Впрочем, сумрачный строгий стиль вообще отличал Омский литературный от многих других. В первые годы работы музея такая особенность его оформления ещё не вызывала ни особых вопросов, ни особых нареканий: великий Достоевский находился в Омске на каторге. Здесь для него весь мир был разделён на чёрное – внутри острога и белое – всё, что за его пределами. Логично.

Но когда мы стали нарезать чёрные полосы не в одну – три с половиной метра, а в две высоты, я, как мне показалось, совершенно резонно, поинтересовался, зачем такой расход ценного материала. Саша ухмыльнулся.

– Мне нужен пульверизатор, – сказал он. – Большой такой. Которым пересохшее бельё спрыскивают. Ещё такими в парикмахерских пользуются. А лучше два.

снести, а потом посмотрим. Ты что, предлагаешь так круто подставиться?.. И вообще, какие пальмы? У нас Литературный музей, в Сибири расположенный, между прочим. А Сибирь – напомню тебе, сибиряку, я не сибиряк – край изгнания и ссылки... И вообще мы сегодня работать будем или только разговоры разговаривать?..

Между прочим, Александр придумывал на каждую выставку оригинальное оформление. Для нынешней выставки о Пушкине он затребовал, к примеру, много чёрного почтового крафта. Поскольку крафт в довольно большом количестве остался ещё со времени создания постоянной экспозиции, я не стал задавать вопросы. Предположил, что мы

– Чего два?

– Пульверизатора два. Люся не будет с нами это делать. Может простудиться.

Моё изумление росло час от часу. «Это» – это что? Почему «Люся не будет это с нами делать»? Зная Верёвкина, хотелось исключить всякие скабрёзности. Сотрудница музея Людмила Степановна Мартынова оторвана моим распоряжением от семьи специально, именно чтобы делать с нами всё необходимое для скорейшего создания выставки...

Мы сели в Сашину «копейку» и отправились в хозяйственный магазин. К счастью, там пульверизаторы нашлись и нам не пришлось ехать на базу, где Саша наверняка сцепился бы с кладовщицами или бухгалтерами, а то и с заведующим складом. Обозвал бы их топорами, которые лежат под лавкой, тормозами на пути к прогрессу, бюрократами, опять же – кабинетными сидельцами... У меня волосы на голове поднимались, когда Саня начинал выступать. Самое странное, на него никто не обижался. Как-то я «выступил» в таком же духе. Так меня чуть не съели. А ему – ничего, всё сходило с рук. Я долго присматривался к нему, вслушивался в то, что и как он говорит. И понял, что Саша возмущается на самом деле не ими, а режимом, порядками, которые эти люди принимают и ведут себя так, как эти порядки позволяют им себя вести. Я же возмущался конкретно человеком и «не теми поступками», потому что искренно считал, что если человек захочет, то своим личным примером улучшит и облагородит любой закон, любое, самое идиотское правило. Мне было невдомёк, что люди всегда склоны разделить с кем-то неудовольствие законом и даже страной, но в штыки принимают обвинения в свой адрес. Много позже я пойму, что переделывать людей – самое бессмысленное на свете занятие. Хм-м. Как будто возмущаться «не теми» законами имеет бóльший смысл...

Но что Александр задумал на этот раз?

Гравюры в рамках, рассортированные по темам, ожидали своей очереди в соседнем зале. Впереди была целая ночь, а утром предстояло выходить на развеску. Для работы над оформлением выставки мы остались в музее втроём: художник, я и Мартынова. Впоследствии она, проработав в Литературном музее семь лет, перешла в другое учреждение, но все эти годы с удовольствием, как и мы с Санькой, вспоминала тот вечер.

Верёвкин зашёл ко мне в кабинет с чёрным халатом в руках.

– Раздевайся, – сказал он.

– ????

– Голый торс. Как в армии на зарядку. Форма номер один... Брюки можешь оставить.

Я выполнил указание, поскольку сам напросился к Александру в «команду». Хотелось многому у него научиться.

Он протянул мне халат и пульверизатор.

– Халат надень. Пульверизатор наполнишь в умывальнике. Смотри, не перепутай...

Внутренне скептически посмеиваясь над новой затеей, я выполнил всё, как сказал мне художник. Выйдя в зал, увидел, что он постелил параллельно друг другу две чёрные полосы и стоит на коленях в начале одной из них.

– Делай так, – Саня щедро обрызгал из пульверизатора халат в области сосков, отставил пульверизатор в сторону, энергично похлопал обеими ладонями себя по груди и тут же с хрустом смял нижний левый край крафта перед собой. Затем правее. И, наконец, правый край так, что получилась довольно широкая, сантиметров двадцать, мятая полоса бумаги.

– Ну и что? – я никак не врубался.

– Ты делай. Садись и делай, как я. Главное, мять мокрыми руками. Поэтому надо действовать быстро. Старайся выводить крупные рельефные сгибы.

Некоторое время было слышно только чередование шлёпающих и жвякающих звуков. Я совсем развеселился. Что это он задумал? Шлёп-шлёп – жвяк-жвяк, шлёп-шлёп – жвяк-жвяк...

– Что это вы тут делаете? – Людмила Степановна пришла покурить у приоткрытой двери, но, увидев нас, остолбенела.

– Тебя бережём. Представь, что ты тоже в халате. И тоже вот так – шлёп-шлёп...

Людмила Степановна представила и покраснела.

– А халат-то холодным становится, между прочим. Смотри, Люся. У меня эрекция сосков наступила...

– Ох, Санька, ну ты и балабол... Я, между прочим, уже всё поняла.

Я вытаращился на коллегу. Она что – самая умная? Мне вот, к примеру, ничего не понятно...

– Это будет как антрацит, да? Стена получится рельефная, свет будет бликовать на чёрных сгибах, будет игра света и теней... Класс! Санька, ты – гений!

– Люся, душа моя! Я тебя люблю! Пошли курить. Витёк, перекур.

Мне стало стыдно своего непонимания. Пока они курили, я щедро напшикав на халат с обеих сторон, теперь уже с сознанием того, что делаю, отжамкал целую полосу. Вдруг в курилке стало тихо. Что там? Надо посмотреть. Выбил из пачки сигарету и отправился к коллегам. Гениальный Саша и схватывающая на лету Людмила Степановна стоят в дверях, а на них с очень решительным видом напирают два милиционера...

Оказывается, пока мы увлечённо работали, стемнело. Из приоткрытой двери музея доносился смех, валил клубами табачный дым. Вот милицейский патруль, обходя территорию, и заинтересовался, что это в музее происходит во внерабочее время. Поднимаются старшина и сержант по ступенькам и видят: стоят двое в спецодежде, причём у мужчины халат на груди мокрый, а руки чёрные, как будто он в земле ковырялся. Женщина в сухом и вроде чистая. А тут, гляди, третий подваливает. И у этого тоже халат на груди мокрый и руки чёрные...

Я, как руководитель, должен держать ответ. Да и Сане нельзя дать заговорить, иначе встреча может закончиться печально...

- Что тут делаем?
- Выставку делаем.
- А женщина что здесь делает?
- Это не женщина, это сотрудник...

Людмила Степановна с трудом сдержала возмущённый хмык. Потупила глаза и, чтобы не выдать себя, сделала глубокую затяжку. Услышав такой убийственный аргумент, милиции осталось поинтересоваться лишь временем, до которого мы собираемся трудиться. Выйдя в темноту, они сообщили по рации, что в музее открыта дверь, обнаружены трое, один из которых представился директором и объяснил, что идёт работа над выставкой и все они сотрудники, хотя одна из троих – женщина.

Потом Людмила Степановна при каждом удобном случае вставляла мне шпильку: «Ах да! Я ведь не женщина, а сотрудник!...».

Выставка получилась необыкновенной. Войдя в зал, человек словно попадал в старинный кабинет, где тихая музыка позволяла сосредоточиться на изучении гравюр и чтении сопроводительных текстов и этикеток. Здесь экскурсоводу легко было читать стихи Пушкина, посвящённые изображённым на портретах людям. На состав экскурсионной группы можно было не обращать особенного внима-

ния: от самой обстановки замирали и школьники, и пэтэушники, и студенты. А как звучали здесь лёгкие, чуть грустные или же, напротив, восторженные, ликующие строки!

Давно уже не проводятся у нас в музее подобные выставки. Когда музей обрёл юридическую самостоятельность, пришлось, перегородив бывший экспозиционный, а затем выставочный зал, устроить в нём кабинеты для сотрудников. Все они пришли работать в музей кто два года тому назад, кто год, а кто и всего несколько месяцев. Да и времена переменились. Привезти выставку, оформить её так, как мы тогда оформляли – каждую, как спектакль – стало делом практически невозможным, ведь выставочный зал в музее не был изначально предусмотрен, а с каждым годом помещение, казалось, становится похожим на шагреновую кожу, сжимаясь и уплотняясь...

Людмила Степановна Мартынова умерла осенью 2005 г. Александр Владимирович Верёвкин, Санька, перебрался в Москву. Теперь у него свой театр.

Нет уже прежней экспозиции. А у меня перед глазами до сих пор стоит этот зал. Вижу полосы нарезанного чёрного крафта. Слышу, как шлёпают наши с Сашей ладони, как хрустит сминаемая бумага. Мы развешиваем работы, размещаем этикетаж. Невероятно красиво! Пушкинские стихи всё звучат и звучат, с тех пор неразрывно связанные в памяти с драгоценными гравюрами в изысканных рамах.

И я улыбаюсь...

Реставратор литературного музея имени Ф. М. Достоевского

В 1981 г. краеведческому музею потребовался реставратор, и Клара Алексеевна Савина порекомендовала меня, в то время она работала фотографом при этом музее. Она знала, что я рисовал и занимался резьбой по дереву, и посоветовала мне идти работать реставратором в музей. После собеседования Татьяна Михайловна Назарцева показала в запаснике угловой диван и доверила мне его реставрировать.

С 1981–1983 гг. работал по совместительству в Омском государственном историко-краеведческом музее на должности младшего научного сотрудника под руководством Александра Эрахмиэловича Лейфера. Для филиала – Литературного музея имени Ф. М. Достоевского занимался реставрацией углового дивана и круглого стола (Достоевского), ларца П. П. Ершова и т. д.*

Помещения для реставрации и материала в музее не было, и Татьяна Михайловна попросила меня, чтобы я сам всё это нашёл. Через два дня к моему частному дому по улице Свободной подъехал грузовой автомобиль, в кузове которого находился диван. С Александром Лейфером мы занесли диван в ограду, и они уехали.

Первоначально в ограде я обследовал и сфотографировал то, что было доставлено, а затем начал знакомиться с внешним и внутренним содержимым дивана.

Основной каркас дивана был выполнен из сосны, а затем облицован ореховым шпоном и накладной прорезной резьбой в классическом стиле, в те времена ореховое дерево ценилась дорого, поэтому мастера и применяли такую технологию. Подлокотники и передние пять ножек были выточены из орехового массива.

Передо мной стояла задача достать ореховую доску не менее пятидесяти миллиметров толщины. Спасибо нашим столярам, которые работали на авиазаводе. Кто-то для себя припрятал небольшие куски и, узнав, для какой цели они мне нужны, подарил их мне, я был счастлив, как говорят, был на седьмом небе.

*Круглый стол и угловой диван – часть небольшой, но уникальной коллекции, поступившей в музей от дальней родственницы петербургского архитектора А. И. Штакеншнейдера М. В. Долинино-Иванской. В доме у Штакеншнейдеров собирался литературный салон, в котором бывал Ф. М. Достоевский. По воспоминаниям, он сидел за этим столом на этом самом угловом диванчике. – *Примеч. В. В.*

Угловой диван из дома А. И. Штакеншнейдера до реставрации

В диване были утрачены детали подлокотников. Для работы по реставрации мне пришлось воспользоваться литературой по истории мебели. Вечерами я изучал историю мебели в библиотеке краеведческого музея и в областной научной библиотеке имени Пушкина и при схожести стиля делал наброски.

Нарисовав эскизы и так называемые картоны в масштабе один к одному, приступил к дальнейшей работе. Сначала из пластилина вылепил недостающие завитки к подлокотникам и привязал их к месту. Потом для утраченной прорезной резьбы, которая проходила по периметру каркаса дивана, напилел пятимиллиметровые пластины из орехового дерева. С помощью лобзика выпиливал отверстия, а затем резцами по дереву вырезал орнамент. Подготавливаясь к дальнейшей работе, столкнулся с проблемой приобретения специальных резцов.

Более сложная работа предстояло с доской, в которой необходимо было сделать фигурные отверстия и резьбу. Так как я занимался этим после основной работы и в выходные дни, то дело двигалось медленно. За это время у меня даже поменялось начальство: вместо А. Э. Лейфера директором назначили В. С. Вайнермана.

После окончания резьбы началась работа с разными видами наждачной бумаги и шлифовка утраченных деталей дивана. Далее с помощью морилки подогнал цветовой тон новых деталей, а затем всё

изделие покрыл шеллаком. Это особый вид лака, который готовится из живицы сосны на спирту, на его поверхности от времени не появляются микротрещины.

Окончательная работа предполагала перетяжку дивана тканью, которая существовала в первоначальном варианте, но такой ткани в магазинах не было. Татьяна Михайловна приобрела ту ткань, что на сегодняшний день мы видим на диване.

Потом на реставрацию мне дали ларец Петра Павловича Ершова, который, как я слышал, подарила музею внучка писателя. Зная с детства мою любимую сказку Ершова «Конёк-горбунок», я с трепетом отнёсся к этому ларцу. Ларец состоял из двух отсеков, он был изготовлен из сосны и облицован трехмиллиметровыми пластинами из разных пород дерева: яблони, груши и капа березы. Очистив поверхность ларца от грязи и закрепив лопнувшие детали клеем, оставил его сохнуть. Опять я приступил к поиску нужного сухого материала, дерева, наждачной шкурки, клея и шеллака.

Процесс реставрации долговременный и требует очень бережного подхода к старинным вещам. Привожу эпизод техпроцесса. Чтобы поверхность дерева не пожухла, необходимо было после каждого покрытия шеллаком дать ему хорошо высохнуть, а затем шкурить разными номерами наждачной бумаги, потом опять покрытие и так пятнадцать-двадцать раз. После этого нужно было полировать тампоном со специальным составом, пока не получалась ровная прозрачная поверхность, раскрывающая всю красоту дерева.

Подходило время открытия выставки, а мне подвозили и подвозили другие экспонаты для реставрации...

Счастлиное время начала девяностых

Не скажу, что я была частым гостем в нашем Литературном музее до тех пор, пока не пришла сюда работать. Помнится, заглянув на выставку рисунков Нади Рушевой, я слишком низко склонилась над каким-то экспонатом и тут же услышала реплику, сказанную хозяйским тоном:

– Руками трогать нельзя!

Это произнёс незнакомый мужчина. Мне он показался излишне строгим, хотя наружности был довольно приятной. Худощавый, статный, подвижный, он незамедлительно исчез где-то в глубинах музея. Но я успела хорошо разглядеть и запомнить горделивую осанку и характерный величавый профиль.

– Никто и не трогает! – полетело ему вслед, а внутреннее возмущение было уже не остановить! Мне думалось, что сотрудник музея должен на глаз определять людей, способных на кощунство. Разумеется, к этой категории я себя не относила.

Прошло время, и однажды я услышала по радио объявление о том, что Литературному музею требуются научные сотрудники. Очень удивилась: разве здесь вакансии не нужно ждать годами? В ту пору, как, впрочем, и сейчас, мне казалось и кажется, что в музее работают необычные люди. Не небожители, конечно, но избранные. Набралась смелости и позвонила. Приятный мужской голос пригласил на собеседование.

Шла и думала: «Хоть бы директором был не тот грозный дядька, который сделал мне незаслуженное замечание!». Оказалось, тот! Однако вовсе не дядька, а довольно приятный человек с тонкой подвижной душой, интеллигентный и умный. Всего-то на шесть лет старше меня. Это был Виктор Соломонович Вайнерман. Почти сразу стало ясно, что он готов жизнь положить на развитие музея – так вот откуда излишняя тревога за каждый экспонат! От старой обиды не осталось и следа*. Теперь было на кого равняться. Чуть позже к нам присоединилась Наталья Владимировна Жильцова. Так и сложился небольшой дружный коллектив: директор, два научных сотрудника,

*Я помню, как Татьяна Фёдоровна пришла устраиваться в музей. «Если вы примете меня на работу – не пожалее!» – заявила она. Можно было подумать: «Какой самонадеянный человек!». Но на самом деле, никогда не пожалел об этом и до сих пор жалею лишь о том, что жизнь заставила Т. Ф. Бацевич уволиться уже после двух лет работы. – *Примеч. В. В.*

кассир, два зрителя и дворник. Это счастливое для меня время пришло на самое начало 1990-х гг.

Навязшее на зубах выражение «лихие девяностые» для каждого, кто их пережил, имеет свой смысл и свою значимость. Это, как железная труба в романе В. Д. Дудинцева «Белые одежды», – своеобразное испытание на физическую и, прежде всего, духовную стойкость. Может быть, и стоило пройти через это горнило, чтобы убедиться, что ты не изменишь своим нравственным принципам. В ту пору мы стали свидетелями, как рушатся идеалы и стереотипы, казавшиеся незыблемыми. На наших глазах свершалась революция жизни, происходил переворот сознания. Было необычайно интересно и трудно.

На полки книжных магазинов хлынула недавно запрещённая литература на любой вкус: от пособий по хиромантии до основ квантовой физики, Библия и Камасутра, сборники стихов репрессированных поэтов, произведения опальных писателей, увесистые тома философов всех времён и народов. Ночи напролёт мы бдели над книгами, днём тоже не дремали – искали новую информацию из биографий Павла Васильева и Яна Озолина в архивах КГБ, разрабатывали темы новых экскурсий и лекций для студентов и старшеклассников. Понимая, что интерес к музейным ценностям нужно прививать с малых лет, использовали в общении с маленькими детьми старый добрый метод – игру. Обзванивали, обхаживали все учебные заведения, очень хотели быть услышанными.

Тогда в Омск начали прибывать первые иностранные гости, а вскоре и группы иноземных туристов. Помню «первую ласточку»... Смех да грех! Сажу как-то в кабинете, и вдруг влетают обе наши смотрительницы – уже необычно, они ведь всегда так степенно держались! Взволнованные, наперебой говорят, что на вахте только кассир осталась, а они вот спешат доложить, что в музей заморский гость пожаловал. Только, по их мнению, никакой он не иностранец, а вообще неизвестно кто и с ним надо держать ухо востро. Далее сообщают ещё более обескураживающие подробности: он то ли в колготках, то ли в исподнем заявился. Не без волнения я вышла встречать посетителя. Им оказался венгерский турист, намеревавшийся обогнуть земной шар на велосипеде. Одет он был в спортивные лосины и длинную футболку. За внешний вид извинился, объяснил, что путешествует налегке и ничего лишнего с собой не возит. Сообщил, что давно мечтал побывать на месте каторги Достоевского. По-русски говорил вполне сносно, а незначительные трудности перевода помогали устранить два парня из Питера, которые прибыли с ним, – все на велосипедах.

Потом, кстати, про этих путешественников все телеканалы рассказывали, а я через несколько месяцев на адрес музея получила открытку, где наш недавний визитёр сообщал, что благополучно добрался до берегов Байкала.

Когда иностранцы стали чаще посещать наш музей, мы попытались для них вести экскурсии на английском языке. Особенно преуспела в этом Наталья Владимировна. Правда, позже выяснилось – так она готовилась к эмиграции в Израиль. Ну и что, зато на тот момент это было круто! Профессиональные переводчики и официальные лица из Москвы и Петербурга, сопровождавшие зарубежные делегации, приятно удивлялись и хвалили нас за такой подход к делу.

Не без гордости мы отмечали, что имя Фёдора Михайловича Достоевского иностранцы произносили с придыханием и с безграничным уважением относились ко всему, что связано с ним. Тем обиднее было нам, сотрудникам музея, наблюдать, как в нашей собственной стране начинают попирается законы нравственности, изменяться отношения к эстетическим началам.

Запомнился такой случай: пришли в музей студенты какого-то техникума, организованно, с преподавателем – всё честь по чести. Слушали с большим вниманием, и казалось, проявляли неподдельную заинтересованность к нелёгкой судьбе великого писателя. Глазки вроде бы горели, вопросы сыпались один за другим. Как не радоваться такой аудитории? Кто бы мог подумать, что после экскурсии эти посетители самым наглым образом стащат «дежурный» телефон, установленный возле музейного гардероба. Как только обнаружилась пропажа, Виктор Соломонович ринулся вдогонку, да куда там!

А телефон был ещё тот, допотопный, с крутящимся диском, но... Это сейчас к некоторым событиям из прошлого можно относиться с иронией, а тогда многое воспринималось иначе.

Помню, как принесли откуда-то чудо из чудес – видеомагнитофон. Дождавшись окончания рабочего дня, мы уселись тесным рядком в кабинете директора, чтобы посмотреть фильм. Но вот незадача, как ни включим, всё одни титры показывают, а потом – всё, стоп машина! Мы-то раньше как привыкли? Чтобы сначала титры, а потом уж кино. Раза с десятого, наверное, догадались, что кассету надо перематывать. Потом, конечно, научились и старались использовать современную технику в работе, особенно при общении с молодёжью. Только в начале девяностых было очевидно, что как ни старайся, а студенты и школьники стали меньше интересоваться литературой и никакими техническими новшествами их в музей не заманишь. Они

всё больше мечтали о шальных деньгах и крутых тачках или о модельной внешности и удачном замужестве. Зазвать их в музей было довольно сложно, и тогда мы начали совершать литературные рейды по школам. Как говорится, если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе. На базе школы № 13, где директором была бывшая сотрудница нашего музея Надежда Геннадьевна Собянина, удалось организовать факультатив «Музейная педагогика». Здесь душа наполнялась уверенностью, что не всё молодое поколение перестроечного периода можно будет назвать «потерянным». Было много хороших ребят, со многими из них я и сейчас сохраняю дружеские отношения.

Не следует думать, однако, что материальные ценности были для нас совершенно чужды. Конечно, нет! И тут снова хочется вернуться к иностранцам, благодаря которым мы поняли, что деньги всё-таки пахнут. Пахнут хорошими духами, добротной пищей, ароматами экзотических фруктов и свежестью морского прибоа, привезёнными из дальнего зарубежья. Но вот денег-то у нас как раз и не было; на мизерные зарплаты мы не могли себе позволить ничего из вышеперечисленного. Вместо полноценного обеда перекусывали булочкой или бутербродом. Зато все вместе, за компанию! Частенько вспоминается, как мне, чтобы сэкономить на проезде, приходилось идти пешком от музея в Нефтяники, до Дворца культуры имени Малунцева, возле которого я тогда жила. Времена в прямом смысле были голодными и холодными. В зимнее время музей плохо отапливался, поневоле приходилось соответствовать стереотипному образу музейного работника, закутанного в шаль. По кабинетам сидели в компании со спиральным электрообогревателем, не снимая зимней обуви. Но к посетителям выходили при полном параде в начищенных ботиночках или туфельках на каблучках. Старались выглядеть и держать себя достойно. К этой теме хочется сделать небольшое отступление...

Пришлось мне как-то ехать в одном купе с популярным джазменом и пианистом Даниилом Крамером. Он, рассказывая о себе, вспомнил, что в начале музыкальной карьеры был, по нынешним меркам, довольно беден. Тем не менее с так называемыми новыми русскими и даже сильными мира сего держался независимо и гордо. Я так и запомнила эту его фразу: «Да, бедный, но гордый!». Вот и мы в нашем музее были такими же, а если что – отогревали душу в чаепитии с единомышленниками. У каждого из нас, конечно, была своя жизнь и свои проблемы за пределами музея, однако здесь многие личные тайны доверялись друг другу. Было с кем посоветоваться, кому излить наболевшее. Но на первом месте всегда была работа.

Чтобы поддержать музей как живой организм, пришлось пожертвовать одним залом под выставку народных промыслов и полудрагоценных ювелирных изделий. Не только у зарубежных или иногородних гостей, но и среди омичей она вызывала огромный интерес. Сейчас подобными вещами завалена любая сувенирная лавка, а тогда всё это только начиналось. Желая «подогреть» интерес посетителей к этой выставке, я и Н. В. Жильцова наряжались в народные костюмы. Даже спустя годы, вспоминая об этом, вижу её в кокошнике и переднике с большими карманами, а себя – в расписном платке на плечах и длинной юбке. Перевоплотиться было нетрудно, в ход шёл реквизит для беседы о «Коньке-горбунке» Петра Ершова. Как заправские знатоки, мы рассказывали о народных ремёслах, предметах быта далёкой старины и о том, как повествуется о них в русских сказках. Материал адаптировали и для детской, и для взрослой аудитории – всё шло на «ура». Особенно восторгались иностранцы. Тут следует заметить, что нам не хотелось скатываться до откровенного «лубка» и этим спекулировать. Всё было в меру, я бы даже сказала, со вкусом. Ещё бы, ведь свои работы у нас выставляли микроминиатюрист Анатолий Коненко, художник-косторез Николай Перистов, мастер резьбы по дереву Павел Минин и другие.

К огромному сожалению, что бы мы ни делали, в какие бы костюмы ни рядились, в какие бы двери ни стучались, а материальная сторона дела к лучшему почти не менялась. На глазах не только город, но и вся страна превращались в большую ярмарку с бесчисленными киосками. Тогда стал править новый класс – ещё не современной буржуазии, а кооператоров. К ним-то однажды и отправил нас Виктор Соломонович просить денег для музея (кажется, на новую афишу). Пошли, естественно, по предварительной договорённости и вот сидим в фойе на шикарном кожаном диване, ждём-с. Час прошёл, другой на исходе, а в конце дня выходит кто-то и сообщает, что принять нас не могут, потому что опаздывают в ресторан. Потом ещё добавляют с некой издёвкой: «Приходите завтра или лучше в понедельник!». Разве не обидно? И потом ещё были подобные случаи. Особенно запомнилось, как этакие «денежные мешки» недвусмысленно предлагали мне и Наталье Владимировне провести вечер с ними, а поутру решить вопрос материального вспоможения музею, так сказать, по результату. Как ни прискорбно, но это были не какие-нибудь богатеи из кооперативного ларька, а вполне официальные представители тогдашней бизнес-элиты. До сих пор жалею, что не влепила им пощёчину, а просто ушла, хлопнув дверью!

В ту пору не только Литературный музей, но и большинство учреждений культуры находились в роли просителя с протянутой рукой. Эх, да не оскудеет у дающего, да не отсохнет у берущего!

Несмотря на финансовые затруднения, мы не падали духом. Любили музей, уважали друг друга. Устраивали небольшие посиделки по поводу личных праздников и большие торжества в честь музея, проводили субботники и кампании по благоустройству приусадебного участка. После закрытия выставок «Флора» по договорённости с её организаторами разбирали клумбы и переносили цветы в музей. Какие-то растения здесь приживались, а какие-то нет, как и люди... Что касается меня, то я до сих пор вспоминаю время работы в музее как один из лучших и самых содержательных периодов моей жизни.

Вечно прекрасный, вечно загадочный...

Говорить о том, что такое наш Литературный музей, можно до бесконечности долго и много и при этом не сказать ничего. Поэтому хочется поделиться впечатлениями, которые оставляет этот прекрасный Дом, живущий в нашем городе. Да, он действительно живёт и здравствует и, разумеется, будет жить и здравствовать все последующие времена. А кроме того, – вот уж воистину – символ: название последней книги Виктора Вайнермана «По дороге на Зурбаган» послужило ответом на вопрос. Ах, Зурбаган! Город-сказка, город-мечта – вечно манящая, зовущая, но, увы! также вечно недостижимая. А посему – она сто крат прекраснее всего, имеющего «форму и содержание».

Этот удивительный Дом обладает уникальным свойством. Как, впрочем, и все «намоленные» места. Его стены словно «дышат», они «греют», в нём уютно и даже хочется жить. Подобное чувство испытываешь ещё в Павловском дворце – музее-заповеднике под Петербургом. Это и роднит такие разные музеи, – создана ни с чем не сравнимая атмосфера торжественности, покоя и сопричастности к прошлому.

Наверное, самые «закоренелые литературные музейщики» могли бы сойтись в одном: особенность Дома такова, что, однажды придя сюда, навсегда «прикипаешь» и посвящаешь ему всю сознательную жизнь.

Сегодня вспоминается, как энное количество лет назад Виктор Вайнерман принимал меня на работу. Ему было интересно, какого «кота в мешке» он получает, поэтому задал вопрос о том, кого увидит в моём лице, и получил незамедлительный ответ: «Единомышленника». Конечно же, он сам относился к категории «прикипевших», ведь они оба с музеем «как близнецы-братья».

Работа в музее пришлась на «лихие девяностые» (так их называют сегодня). Кстати, прошедшее 20-летие – уже история, а раз она «нависла» такой ярлык, значит... Лихие так лихие. Правда, особой лихости в музее не наблюдалось – не то место. Разве что за его историческими стенами? Все правильно – каждому своё: кто-то судорожно обогащался, кто-то землю делил под будущее строительство, кто-то душу спасал – свою и, надеюсь, чужую.

Когда в нашем городе в 1990 г. проходил первый Сибирский Международный марафон, в музей – то поодиночке, то группками – стали приходиться первые иностранцы – его участники. Они были зна-

комы с творчеством Достоевского, но оно воспринималось ими как детективная литература. А какой контраст составляли марафонцы, резвые, хохочущие, одетые в шорты и футболки, с нашей тихой, провинциальной и «музейно благоговейщей» публикой. Но, как известно, рынок нивелирует всё, сегодня, спустя два десятилетия, наши теперешние туристы в шортах и футболках наверняка также резвятся где-нибудь в Риме или Париже.

А тогда, четверть века назад (о боже, столько лет!), я начинала свою экскурсию по залу Достоевского цитатой из Евангелия от Матфея: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно, а если умрёт, то принесёт много плода». И у наших атеистически воспитанных посетителей, чье ухо ещё не привыкло к подобной лексике, загорались глаза. Ведь они пользовались правом, данным в те годы, – свободы слова и совести.

В конце 1980-х гг. в печати стали появляться публикации по так называемым «запретным темам». Меня заинтересовала одна из них, посвящённая Сергею Есенину. В нашем городе коллекционером Синеокиным была собрана и уже экспонировалась выставка «Есениниана». В 1989 г., глотнув «воздуха перестройки» и зарядившись невероятной творческой энергией, мы втроём: Виктор Соломонович, Ольга Корчагина и я – трудились над её созданием до двух-трех часов ночи. Скорее, экспериментировали, пытаясь придать новое звучание. А потом, невыспавшиеся, но почти счастливые, шли в музей продолжать творить. Выставка получилась, благодаря усилиям художника Александра Верёвкина, чуть ли не авангардной, впрочем, в «годы перемен» авангардизм торжествует всегда.

В развитие этой темы: мне импонирует восточная мудрость, когда сограждане желают друг другу жить «в эпоху перемен», наверное, в этом проявляется их национальная лояльность. Может быть, чтобы открыто не посылать. Нам тоже не впервой проживать в подобные эпохи. И Русь-матушка всегда с честью из них выбиралась. А вот что касается внутринационального всеобщего посыла, тут сложнее. Он, как ни странно, обозначился в лозунге, несущем высшее благо по имени «успех», причём любой ценой. А мы, как известно, за ценой не постоим. Но при этом никто не объяснил, что в обществе дефицита любое личное достижение станет завоёвываться за счёт ближнего своего. Того самого, которого, следуя заповеди, «нужно возлюбить». В то время ещё такого не было резкого деления «на богатых и... остальных», мы все вышли из одной «Шинели», а те предприниматели «первого поколения» помогли изготовить костюмы для экскурсии «Сибирский

сказочник Ершов». Литературный музей стал первым в городе проводить экскурсии или небольшие театрализованные представления с участием детей.

Ещё запомнились «цветочные субботники». Мы купили целый грузовик рассады, которую необходимо было срочно высадить в грунт, на субботник вышли все: от зрителей до директора. Цветами было занято пространство от главного входа до калитки. Разбили альпийские горки, в итоге получился большой благоухающий цветник, за которым с удовольствием ухаживали все. Посетители даже фотографировались здесь.

Однажды вечером, задержавшись на работе, я увидела парня, сидящего на скамейке. Он не занимался ничем предосудительным – не держал в руке сигарету или шприц, даже не прихлёбывал пиво. Когда я спросила, что он делает на территории, куда в вечернее время вход был запрещён, тот ответил: «Смотрю. Просто красиво». На приглашение посетить музей пообещал прийти. И ведь пришёл, долго благодарил и оставил запись в книге со словами благодарности.

...Ах, Литературный музей, как и волшебный Зурбаган – вечно прекрасный, вечно манящий, вечно загадочный. И эту загадку можно разгадывать тоже вечно...

Начало

В слове «мемуары» совсем нет жизни. Засахаренное от статичности, оно слабо передаёт хаос реальности, сумбур подтекстов и намёков человеческого общения, многозначность поступков. Если и записывать что-то из пережитого, то только в качестве письма самой себе о том, что счастливым и полным можно быть в любом возрасте, статусе, в любой пыли времён. Как только раздаётся счастливый щелчок от совпадения пазлов человек – место – желания, запускается механизм совершения. И тогда уже не разобрать, что является первопричиной событий. То ли пора им происходить, то ли место дожидается своего делателя. Или всё можно объяснить коротким и ёмким, как тату, – судьба.

Когда только начинаешь придумывать собственное будущее, об этом ли мысли у бывшей студентки с нулевой трудовой книжкой. Омский педагогический остался за спиной, добротным синим дипломом школьных директоров не впечатлила, в учительницы не попала. Просматривая вакансии в газетах, увидела объявление, что в музей ищут сотрудника, и обомлела. Работа пахла дамской романтикой, возможностью жить в рафинированном литературном мире. На собеседовании, преодолевая традиционный скептицизм Виктора Соломоновича Вайнермана в попытке увидеть – не беременна ли новая барышня, я отчётливо осознала принадлежность месту, ощутила, как эту музейную монотонность наполнить жизнью.

Работать тогда в музее было радостью, ежедневно проходить этот прямой путь от Маяковского (кинотеатра. – В. В.) до Достоевской (улица, на которой находится музей. – В. В.). И в снег, и в жару лета через основной зал маленький кабинет на трёх сотрудниц, Юлию Прокопиевну Зародову, Татьяну Юрьевну Николаеву и меня, растворять в кипятке дешёвый кофе, чтобы начать ритмичный, не всегда заметный труд. Зимой в музее было так холодно, что иногда экскурсии приходилось вести в пальто. Летом он становился прохладным пристанищем, где в тихих затонах экспозиции можно было наткнуться на поэтические дрейфующие парочки.

Бытовые неудобства, зарплатный мизер только добавляли пафосной красоты работе научного сотрудника Литературного музея. Директор смеялся: скажите спасибо, что с вас денег не берут за удовольствие работать здесь.

Тогда мы все вели экскурсионные группы, но, помимо этого, у каждой была своя задача. В отличие от Юли и Татьяны, занимавшихся настоящей научной работой, мне предстояло насытить нерегулярный поток посетителей стабильными приливами гостей, хотелось не зависеть от школьной программы. Инструменты можно было выбрать на свой вкус – от обзвонов до визитов к завучам школ в поисках единомышленников. Красный массивный телефон с вращающимся диском и отверстиями для пальца был тогда самым частым собеседником. Но настойчивость, терпение и убежденность в правильном направлении не давали ожидаемого результата. Хоть большой экскурсионный журнал утешал увеличивающимся количеством проведенных экскурсий, процесс этот шёл очень медленно. Хотелось разнообразия и жизни.

Оказалось, что за ними далеко ходить не надо было. Надо было присмотреться к тому, чем заняты коллеги. Главный хранитель музея Юлия Прокопиевна в то время описывала архив омского писателя Тимофея Белозёрова. Было много книг и личных вещей, рукописи, печатная машинка с наполированными впальми буквами, эскизы рисунков, очки, портфель с потёртой ручкой. Архив был богатый. Все эти сокровища оберегались музеем. Что-то из материалов демонстрировалось на лекциях, но постоянной экспозиции, посвящённой Т. М. Белозёрову, тогда не было. Возможность обновления, расширения музейного поля, казалось, была совсем рядом, но активная работа всё никак не начиналась.

Не дождавшись легендарных действий Магомета, было принято решение саморучно отнести эту гору сокровищ тем, кто её по настоящему оценит. Так родилась идея выездных выставок, посвящённых творчеству Тимофея Белозёрова.

Было бы странно, если бы идея была поддержана однозначно. Ведь предстояло вынести за пределы музея оригиналы. Без охранных зашит, без гарантии того, что всё будет возвращено в родные стены в первоизданном виде. Транспортировать всё можно было не в специальных кофрах, а в обычных сумках и пакетах. Трудное решение легло на главного хранителя музея. С одной стороны, популяризация – дело достойное, но так высок риск утраты, ущерба. Пришлось приложить максимум убеждения, чтобы Юлия Прокопиевна всё же согласилась разрешить нам пробный выезд. Самые ценные экспонаты к вывозу, конечно, разрешены не были, однако большое количество книг, фотографий, пусть иногда копийных, даже личных предметов вошли в первую выездную выставку.

Начали с библиотек, на экскурсии приходили одиночные читатели и группы из близлежащих школ. Первые вылазки показали, что если не брать много материалов, то двум сотрудникам вполне под силу работать на выезде. Пока один контролирует сохранность, другой ведёт экскурсию. После библиотечного опыта решили попробовать поработать в школах, где есть возможность комфортного размещения экспозиции. Такие выставки действовали по принципу литературных уроков. Выезжая в школу на неделю или полторы, мы проводили до четырнадцати занятий в день.

Эту работу можно было вести весь учебный год, и особенно в то время, когда по курсу школьной программы не изучалось творчество Ф. М. Достоевского и в залах музея поселялась тишина, которая нарушалась редкими литературными гостями города.

К тому времени в музей пришли работать Олеся Шарапова и Ольга Сергеева, они только закончили исторический факультет Омского государственного университета, были полны неформальных идей и энергии. С ними работа пошла значительно быстрее. Много было вести параллельно.

С их приходом при музее образовался круг молодых поэтов, которые нуждались в пристанище для обсуждения написанного и просто общения: Юра Трофимов, Кинес Кизиитов, Дмитрий Румянцев, Вероника Шелленберг, Алексей Матвеев. Благодаря этому в музее стала сильнее ощущаться если и не в полной мере профессиональная, но, несомненно, яркая литературная атмосфера. Было среди них много тонко чувствующих, понимающих литературный язык людей. Сначала это были разовые тематические встречи. Потом они стали регулярными.

Помимо традиционных литературных вечеров, проводились «музейники». Неформальные вечерние посиделки с чтением стихов, пением под гитару. Когда заканчивались посадочные места в большом кабинете, образованном в бывшем зале современных писателей, неприязнительные гости устраивались прямо на полу. Такие посиделки иногда переходили в утренники, а музейные сотрудники, когда начиналось рабочее утро, брали указки в руки и шли к экскурсантам рассказывать о жизненном пути и творчестве Фёдора Михайловича. Общими творческими силами проводились лекции о писателях, сохранилась видеозапись музейника о Данииле Хармсе, где мы литературно дурачимся на заданную тему.

Наряду с появлением кружка молодых писателей возобновил свою работу Клуб учителей, где за чашкой чая обсуждались об-

щие проблемы и цели, сообща придумывались новые темы лекций, укреплялись рабочие и приятельские связи. Жаль, что не всему удалось прорасти. Пока так и остались в задумках идеи сотрудничества с международными туристическими агентствами, которые могли бы способствовать увеличению потока частных посетителей. Пока не стала популярной пешеходная экскурсия по местам Ф. М. Достоевского. Пусть для достоверной информации недостаточно материала, но, как показывает европейский опыт, предметом целого события может стать один единственный факт.

Хочется найти настоящих опекунов в лице преуспевающих частных компаний, которые будут спонсировать научные работы и достойную жизнь этого удивительного дома.

Так что музею есть к чему стремиться, есть что пожелать.

Со свечой в музей

Были времена, когда не платили зарплату сотрудникам, не было денег, чтобы заплатить за свет, воду и отопление. В те непростые и не далёкие времена люди, несмотря на материальные трудности, тянулись к прекрасному. Шли, ехали и летели в музей.

И вот в один из таких «тёмных» дней к нам в музей пришла рыжеволосая девушка с небольшим рюкзачком за плечами. Она автостопом приехала из другого города, не то Екатеринбург, не то Новосибирска. Ей очень хотелось посетить музей и осмотреть его экспозицию. Она была поклонницей творчества Фёдора Михайловича Достоевского. И приехала она в наш город с единственной целью – посетить Литературный музей имени её любимого писателя.

Но, к нашему сожалению и к её глубочайшей печали, увидеть экспозицию она не смогла*. Не было света! Отключён за неуплату... А кто помнит, раньше все окна в музее были наглухо закрыты тёмными щитами и ни один лучик света не проникал сквозь них.

Рыжеволосая странница долго упрашивала смотрителей музея и директора пустить её. Ей хотелось хоть одним глазком взглянуть на экспозицию... Она предложила пройти по залам со свечой. Но этого директор позволить не мог, так как по технике пожарной безопасности это делать нельзя, запрещено. Пришлось даже останавливать её, она вытягивала тоненькую шею и просто рвалась в глубь тёмных музейных коридоров. Так ей хотелось пройтись по музейным залам.

Печальная, она вышла в наш уютный дворик, где стояла большая скамейка. Недолго думая, она легла отдохнуть на неё, положив под голову свой рюкзачок. Полежав какое-то время, она ушла в неизвестном направлении...

*Однажды утром, едва музей открылся, на пороге выросла фигура инспектора Омскэнерго. Инспектор пришла отключать музей от электроэнергии за неуплату. Никакие доводы, что у нас записаны экскурсионные группы, что придут дети, а потом и гости из других городов, не подействовали. Рублик был опущен вниз и оклеен бумажками с печатями. Стоим с сотрудниками, разглядываем друг друга в полутьме, обсуждаем случившееся. Входит человек в военной форме. На голове фуражка с высоченной тульёй. В руках папка. Представляется представителем пожарной охраны. Говорит, что пришёл отключить музей от электроэнергии за невыполнение предписания пожарной инспекции. Я ему говорю, что он опоздал, нас уже отключили. У него есть возможность на бумажки с печатями Омскэнерго сверху наклеить ещё и свои бумажки. Не верит, идёт проверять. Когда он уходит, желваки ходят у мужчины на скулах. Едва не скрипит зубами: его миссия не выполнена. Но ничего не попишешь... – *Примеч. В. В.*

Мы погрузили о ней и забыли. Но не забыла она!

Дело в том, что, да простят нас соответствующие службы, мы тайно включали электричество в двух рабочих кабинетах и работали при свете настольных ламп. И вот, мирно описывая очередную фондовую коллекцию и уже забыв про рыжеволосую гостью, мы были напуганы стуком в окно и мелькнувшим в оконном проёме лицом девушки с вытаращенными глазами. Она подпрыгивала и, тыкая пальцами в горящие лампы, кричала: «А у вас же горит, у вас же есть свет!».

В музей девушка так и не попала. А жаль! Она так была настойчива и искренне заинтересована...

Милая девушка, теперь свет не отключают, милости просим в наш музей!

Русская шинель в американской обработке

Холодным зимним днём к нам в музей пришёл молодой человек. Студент из Америки. Парень как парень, вот только одет был весьма оригинально и, на первый взгляд, не по погоде.

Смотрителей поразила его верхняя одежда: жилет, скроенный из солдатской шинели. Рукава обрезаны, низ подшит светлыми нитками вручную.

Парень заплатил за билет и прошёл в святую святых – зал, посвящённый жизни и творчеству Ф. М. Достоевского.

В зале, не то от полученных впечатлений, не то ещё по какой-то причине, парню стало жарко. Он попросил разрешения у смотрителя положить вещи на стул. Получив согласие, молодой человек снял жилет, затем свитер, затем ещё один свитер, затем ещё и таким образом он снял с себя шесть предметов верхней одежды. Аккуратно сложив все вещи на стуле и оставшись в одной футболке, он преспокойно продолжил осмотр экспозиции. Дойдя до витрины, где помещена одежда каторжника – шинель с белым ромбом, нашитым на спине, он негромко, но долго смеялся.

После осмотра экспозиции, студент вернулся к стулу и так же не спеша, и в той же последовательности надел на себя все свои свитера и кофты. Потом, бережно взяв в руки «русскую шинель в американской обработке» и улыбнувшись чему-то, парень надел её на себя и, сказав, по-русски «спасибо», направился к выходу.

Завхоз: по волнам моей памяти

Работать в Литературный музей я пришёл совершенно случайно: кто-то подсказал, что туда требуется человек, который может делать всё. После мучительных раздумий и сомнений в том, что я не имею специального образования ни литературного, ни хозяйственного (моя профессия – ракетная техника), я решил, что всё-таки рискну попробовать себя в новом амплуа, тем более, что с детства меня интересовали и музыка, и живопись, и театр, и, конечно, литература. С гордостью могу сказать, что мною прочитано большое количество произведений зарубежных и отечественных авторов различных эпох и жанров.

Ну а раз решил, пошёл «сдаваться». Меня встретило холодное, мрачное здание, посреди которого красовалась огромная яма, глубиной почти в человеческий рост, через которую из одной части здания в другую нужно было проходить по двум доскам, брошенным сверху (в тот момент шёл нескончаемый ремонт музея). Интеллигентные женщины с гуманитарным образованием вынуждены были передвигаться с опаской по ним, и, видя это, хотелось быстрее сделать что-нибудь, чтобы исправить ситуацию неустроенности, чтобы всем было в этом доме комфортно и уютно. Поражало и подкупало то, что, несмотря ни на что, глаза всех сотрудников искрились вдохновением, а сами сотрудники излучали колоссальную энергию, казалось, с ними горы своротить можно. Никто не унывал, а вдохновителем во всех делах был сам директор В. С. Вайнерман.

И хоть опыт работы в хозяйственной деятельности у меня был нулевой, но были руки и огромное желание работать, помогать. Приходилось учиться на ходу, постигать все азы этой профессии, благо на пути попадались хорошие (по большей части!) учителя.

И вот уж минуло пятнадцать лет, как я решил попробовать, да так и задержался. За это время мы пережили несколько ремонтов, которые выполнялись как специалистами, так и своими силами, работали с энтузиазмом, с оптимизмом, ведь нам предстояло здесь жить, жить творчеством.

И это не голые слова. Вспоминаю, как мы сами затеяли реконструкцию одного из залов музея под экспозицию, посвящённую творчеству сибирского писателя Леонида Мартынова. Сложно было решиться ломать то, что уже устоялось, но молодой на тот момент специалист,

главный хранитель фондов Ю. П. Зародова, не испугавшись перемен, лихо взялась за дело: подготовила материалы, «заразила» всех своей идеей, а я был технической поддержкой везде и во всём. Работа настолько была увлечённой, что мы чувствовали себя единым целым! Никто не роптал, что нужно остаться после работы или прийти в выходной. И вот долгожданная презентация! Посетители в восторге! Отзывы великолепные! А как же иначе, если душу и сердце люди вкладывали в эту работу.

Не могу не вспомнить и ещё одну затею. Как рассказывал мне директор, ещё до открытия музея в полу одной из комнат был обнаружен люк, под которым был небольшой, но глубокий подпол. Спустившись вниз, увидели в стене заложенный кирпичом арочный свод. Возникло предположение, что из-под дома комендантов крепости по ту сторону Иртыша мог вести подземный ход. По нему можно было бы спастись, если город будет захвачен. Исследовать территорию некогда: началась реконструкция здания под музей. Единственное, что тогда сделали, в листах ДВП, которым покрывали пол, вырезали квадрат, и подпол можно было открыть. Когда после реконструкции о подполе вспомнили, выяснилось, что строители под завязку забили помещение строительным мусором.

Долгие годы посетителям рассказывали как о легенде о предполагаемом существовании подземного хода. Эту легенду поддерживали милиционеры, работавшие в медицинском вытрезвителе, тогда находившемся рядом с музеем. Они рассказывали, что под их зданием якобы в годы Великой Отечественной войны был целый съезд, в который можно было въехать на подводе.

Однажды наш директор поделился этими легендами с директором Омского музея просвещения археологом И. Е. Скандаковым. Игорь Евгеньевич, человек увлечённый и откликающийся на всё новое, привёл молодых археологов и на общественных началах вместе со своими соратниками произвёл раскопки. Подвал кирпичной кладки со сводчатыми потолками был полностью очищен от строительного мусора. Археологи заглубились ниже и нашли в земле скелет собаки, остатки хозяйственной утвари, гильзы стреляных винтовочных патронов, старинные кованые гвозди.

Чтобы подтвердить или опровергнуть версию о подземном ходе, следующим летом на территории музея работали саперы. Они прошли от здания к Иртышу с миноискателями, но не обнаружили в земле следов подземного хода.

Впоследствии омский архитектор О. В. Белан опубликовал исследование, к которому был приложен неизвестный ранее план бывшего дома комендантов. Микроминиатюрист А. И. Коненко предложил в нём организовать свою выставку, и я оборудовал экспозицию сам в этом подвале с минимальными затратами. Однако вскоре экспозицию закрыли на семь лет из-за того, что влажность подвала стала губить экспонаты. В течение этого времени вынашивалась идея воссоздать в подвале элемент арестантской камеры той поры, в которую находился Ф. М. Достоевский в Омском остроге. Были подготовлены все документы на реконструкцию, и, когда музеем выделили на это финансы, идея воплотилась в реальность. Было установлено современное вентиляционное оборудование, сделали подогрев, укрепили кирпичную кладку подвала. Теперь это место стало одним из самых востребованных у посетителей, как у российских, так и у иностранных. А это дополнительный стимул к тому, чтобы всё время что-то менять, дополнять, привносить.

Были и сложные моменты в жизни музея, которые ничего хорошего не дали. С внезапным уходом идейного вдохновителя были утрачены многие традиции, многие ценные сотрудники. Был сделан капитальный ремонт здания, вследствие которого, на мой взгляд, в музее исчез «дух Достоевского».

Но, к счастью, справедливость восторжествовала! Хоть и говорят, что нет незаменимых людей, но практика показала, что с возвращением В. С. Вайнермана возобновились прежние контакты, вернулась часть прежних сотрудников, работа закипела с новой силой, и за год нам удалось сделать больше, чем за шесть лет «застоя».

Кое-что о музейной мистике... Наряду с основной хозяйственной деятельностью, мне не раз приходилось заниматься не входящими в мою компетенцию обязанностями.

Каждый из нас наверняка много раз слышал истории про привидения, всевозможных «барабашек», полтергейст и всякие разные необъяснимые явления, якобы происходящие вокруг нас. Но всегда хочется надеяться на то, что это все-таки сказки и ни с кем из нас таких событий не произойдёт никогда и ни в коем случае! Однако я, довольно скептически относящийся к таким вещам человек, сам становился свидетелем странных событий, которые периодически происходят в музее, да ещё и в литературном!

Однажды мне, по независящим от меня причинам, пришлось задержаться в музее после работы. Вечер, тишина. Я сижу в своём кабинете

те и слышу чёткие размеренные шаги по коридору. Внутри меня, как у всякого нормального человека, начинается паника: кто бы это мог быть, если я здесь один и входная дверь закрыта на ключ? Встаю, иду в музейные залы, выхожу на улицу, обхожу музей вокруг, думая, что, может быть, звук шагов доносится с улицы. Естественно, на улице в вечерний час никого я не обнаружил и вернулся назад. Снова прислушался, нет, не ослышался, ходит кто-то. И тут, не знаю почему, я говорю: «Ну, ходи-ходи, Фёдор Михайлович!». А утром, пообщавшись с коллегами, я узнал, что в музее есть «нехорошее» место, где неоднократно люди во время экскурсий теряли сознание, и это место было как раз там*, где я слышал шаги. Тогда я, насмотревшись по телевизору передач про экстрасенсов, решил проверить это место с помощью рамок, которыми пользуются они. Что в этот момент стало происходить с этими рамками, надо было видеть!

А тем временем расшалился «Фёдор Михайлович» не на шутку: то Евангелие упадет, то икона с распятием Христа. Как-то утром обнаружили, что светильник оборванный лежит на полу, специалисты, приехавшие устранять аварию, сказали, что надо было приложить усилие не менее чем в полтонны, чтобы порвать такое крепление.

*Вставляю и я свои «три копейки». Однажды на экскурсию в музей пришла группа людей, о которых мне было сказано, что это «экстрасенсы». Тогда мало что о них говорилось и ТВ рекламу им не делало. Это было время, когда только-только начал появляться А. Кашпировский, а за ним и А. Чумак. Так вот, завершаю экскурсию по залу Достоевского, и говорю, что она прошла в помещении, где раньше, вероятно, была гостиная дома комендантов Омской крепости. Что, возможно, именно здесь Алексей Фёдорович де Граве и его супруга Анна Андреевна принимали вчерашнего каторжника Фёдора Достоевского и его супругу Марию Дмитриевну. Вероятно, сейчас тени этих давно ушедших людей слышат нас, наблюдают за нами. И, поскольку наш разговор удался, их внимание можно расценивать как благосклонное... Вдруг одна из пришедших дам говорит: «Энергетика в этом зале очень хорошая. Чувствуются многолетние наработки... Только вот... – она делает паузу и совершает какие-то пассы руками. – Всё держится на этих наработках. Фундамента энергетического под зданием нет. Чёрная дыра. Всё, что не удерживается, уходит вниз. Вероятно, это связано с прошлым того места, на котором построен дом». Я припомнил, что недавно чуть в стороне от здания, в котором расположился музей, обнаружили следы захоронений. Возникло предположение, что это кто-то из первых строителей Омской крепости... Такое состояние энергий в здании объясняет, почему первые несколько лет работы музея сложно было водить экскурсии. Ощущение было такое, как будто каждый раз преодолеваешь невидимое сопротивление. Такое же ощущение я испытал, вернувшись спустя шесть лет в музей. Во время реконструкции всё было разрушено, потолок и полы разобраны, всё создано заново. За шесть лет, прошедших с момента открытия новой экспозиции, видимо, немного энергии в неё вложили работавшие здесь люди. Многие из них здесь вообще не задерживались: вернувшись в музей в августе 2012 г., я обнаружил стопку из пятидесяти личных дел уволившихся за первое полугодие сотрудников... Это при пятнадцати сотрудниках, числящихся в штатном расписании... *Примеч. В. В.*

А наше привидение, за которым уже прочно закрепилось имя «Фёдор Михайлович», не унимается.

Вскоре в музее поменяли старую охранную сигнализацию на новую, современную, отвечающую самым современным требованиям, работающую на любое перемещение. Казалось бы, радуйтесь, люди: жизнь налаживается! Но не тут-то было! Стала эта сигнализация срабатывать каждую ночь, да время ещё какое выбирала: с 24.00 до 03.00 часов. Самый разгул нечисти, судя по книгам! Несчастные дежурные по музею (а это в основном женщины) вынуждены были ехать с вневедомственной охраной среди ночи на работу. Взмолились женщины: «Сделайте что-нибудь, а то нас мужья из дома повыгоняют!». Техник по сигнализации «расписался» в своем бессилии, предприняв различные попытки всё исправить.

Делать нечего, ситуацию нужно было исправлять любым путём, и я нашёл тот путь! Иду в церковь, разговариваю о наших бедах с батюшкой. Он советует освятить музей, но наша бухгалтерия не понимает, как на эти цели провести деньги, ну нет такой статьи расходов! Я снова иду в церковь, объясняю, что мы бедная бюджетная организация, и батюшка, сжалившись, даёт мне святой воды и разъясняет, что я должен сделать. Сотрудники музея к этому мероприятию, конечно, относятся скептически: молитва против техники?

Проводя процедуру, я всё больше понимал и проникался уверенностью, что теперь всё будет хорошо. И действительно, с этого момента охранная сигнализация беспричинно срабатывать перестала.

А недавно стала завывать пожарная сигнализация днём, во время проведения экскурсий, когда в музее большое скопление посетителей. Специалист, проверяющий систему, не находит ничего, что приводит к срабатыванию сигнализации, меняет датчики на новые. Эффект нулевой! И я вновь обращаюсь к старому испытанному способу, приговаривая: «Хватит, Фёдор Михайлович, похулиганил, и будя!».

Вот так и живём мы с ним: то ругаемся, то миримся, то просто разговариваем. И попробуй теперь не поверить в сверхъестественные силы!

Единое поле духовной культуры

К музеям я отношусь с благоговением. Это живая нить, соединяющая с прошлым, с нашей историей. А если человек рубит сук, на котором сидит, уничтожает корни дерева, то чего можно ожидать от будущего? Поэтому важно, чтобы музеи, а именно они хранители культуры, всегда были в центре общества и государства.

Музей имени Фёдора Михайловича Достоевского расположен на территории бывшей крепости, в старинном каменном здании, где всё дышит этим прошлым, когда-то реально существовавшим. Тыходишь в здание, перешагивая из XXI в. в XIX и XX вв. А ещё это не простой музей, а литературный. И меня, учителя русского языка и литературы средней школы № 13, сам Бог привёл сюда вместе с учениками.

Сначала это было просто знакомство, которое потом переросло в тесную дружбу. С пятиклассниками мы прикоснулись здесь к «свету доброты» Тимофея Белозёрова. Стали участвовать в различных конкурсах, посещали выставки, приглашали сотрудников музея с выездными лекциями к себе в гости в школу. Но ребятам больше нравился сам музей, куда они и ходили с огромным удовольствием. Мне всегда было очень приятно наблюдать, какими внимательными слушателями были мои непоседы!

Росли ученики, расширялся их кругозор. Лекции были самые разнообразные:

«Дорогой надежд и сомнений» (о Ф. М. Достоевском, его каторге в Омске),

«Есениниана» (о жизни и творчестве С. А. Есенина),

«Я мечтою ловил уходящие тени...» (о Серебряном веке русской поэзии) и, конечно же,

«Капитан воздушных фрегатов» (о творчестве нашего земляка Леонида Мартынова).

Чтобы заложить в мировоззрение основы высоких чувств, помочь восстановить связь между прошлым и будущим, в нашей школе ввели предмет «Музейная педагогика». Директор школы Надежда Геннадьевна Собянина, директор музея Виктор Соломонович Вайнерман, а также научные сотрудники музея Татьяна Фёдоровна Бацевич и Наталья Владимировна Жильцова увидели в этом сотрудничестве потенциал для развития духовной культуры ребёнка. Уроки были интереснейшими! И у преподавателей, и у учеников была одна общая

задача – надо сделать так, чтобы все мальчики и девочки стали настоящими людьми: умными, образованными, трудолюбивыми, добрыми и поэтому – счастливыми!

Уроки окончились, но жизнь продолжается. И, если кто-то из бывших учеников, водит своих детей в музей просто так, а не по принуждению, значит, и бывшие встречи с минувшим не прошли даром.

Мне же ещё посчастливилось участвовать в работе Клуба для учителей «Музей и школа». Творческие встречи с Валентиной Ерофеевой, Татьяной Четвериковой, Мариной Безденежных, Галиной Кудрявской, Игорем Егоровым, Ириной Романча не забыты и поныне! Знакомство с книжными новинками, с историей создания того или иного литературного произведения, встречи с авторами, написавшими эти книги, – это не просто интересно. Это потрясающе интересно!

Приходишь в музей после уроков, уставший, и думаешь: где найти силы для дальнейшей работы, где взять вдохновение? А уходишь какой-то «осчастливленный». Приобщение к высокой культуре, встречи с интересными людьми, содержательная информация – всё это очищает тебя, придаёт новые силы.

Юлия Прокопиевна Зародова и Светлана Егоровна Рудницкая были душой наших музейно-педагогических посиделок. И ты снова чувствовал себя здесь не чужим, а родным человеком.

Я люблю музеи, но к Омскому государственному литературному музею имени Ф. М. Достоевского у меня особое чувство: я горжусь им. Он же – литературный!

Музей Достоевского... осуществил мою мечту

К своему стыду, первый раз я посетила музей Достоевского в тот день, когда пришла устраиваться на работу экскурсоводом, хотя жила в центре города и часто гуляла с маленькой дочкой в сквере вблизи музея.

На первом собеседовании директор музея, В. С. Вайнерман*, спросил о моём отношении к творчеству Достоевского. Я ответила, что это не самый любимый мой писатель, но в свою защиту сказала, что хорошо знакома с его творчеством и прочла почти все его произведения. Из омских авторов я знала лишь Антона Сорокина, Леонида Мартынова и Тимофея Белозёрова. Не знаю, как сейчас, но, когда я была студенткой филфака, с региональной литературой нас не знакомили**. Виктор Соломонович дал мне текст обзорной экскурсии и сказал, что через неделю надо прийти на прослушивание.

Ознакомившись с экскурсией, я поняла, как много нового предстоит мне изучить. Я с удивлением узнала, что в Омске жили и живут известные писатели и поэты, что в детстве жил в нашем городе Роберт Рождественский, что текст известной в моём детстве песни «Хлеб всему голова» написал омский поэт Владимир Балачан и многое другое, всего не перечислить. Обидно, что и поныне не все омичи знакомы с интереснейшими фактами литературной жизни города.

Через неделю мою экскурсию принимали Виктор Соломонович и Юлия Прокопиевна Зародова. Помню, как сильно я волновалась, рас-

*Вернувшись в Литературный музей спустя шесть лет после вынужденного отсутствия, я с невероятным удивлением столкнулся с невиданным ранее проявлением кадрового дефицита. Складывается впечатление, как будто филологические факультеты перестали готовить специалистов. Претендуя на вакантное место научного сотрудника или экскурсовода музея, люди не могут назвать НИ ОДНОГО писателя, связанного с Омском... – *Примеч. В. В.*

**В то время решением Министерства образования в образовательный процесс был введён так называемый «региональный компонент». Учителя обязаны были связывать гуманитарные предметы с историей края, в котором они преподаются. Это замечательное решение было принято человеком, который, видимо, очень хотел, чтобы люди с детства знали и любили свой край, его историю, всё лучшее, что было в прошлом. Музеи оказывали преподавателям литературы и истории неоценимую помощь, поскольку именно музеи призваны документировать процессы, происходящие в регионе в памятниках материальной и духовной культуры. Кстати, как только требование вводить региональный компонент в образовательный процесс было отменено, история как точная наука расплылась по дискуссионным площадкам, а литературу фактически изгнали из школ... – *Примеч. В. В.*

сказывая об омской литературе по малознакомой мне ещё тогда экспозиции.

С тех пор мне привелось провести бессчётное количество экскурсий по разным музейным экспозициям, но первая осталась незабываемой.

Не секрет, что основные посетители музеев – школьники, которых приводят организованными группами учителя. Естественно, что каждый музей заинтересован в налаживании связей с педагогами. С этой целью мы создали клуб для учителей «Музей и школа». Учителя-словесники собирались в нашем музее каждый третий четверг месяца в течение всего учебного года.

В сентябре составлялась программа работы клуба, которая включала не только темы литературного краеведения, но и проблемы психологии, культурологии, педагогики и религии. В качестве гостей клуба приглашали деятелей культуры, омских поэтов и писателей, преподавателей ОмГУ, ОмГПУ, ИПКРО. Часто учителя обменивались опытом своей работы, проводили на базе музея открытые уроки. Кроме того, клуб давал возможность в неофициальной обстановке, порой за чашкой чая, музейщикам и педагогам обсудить проблемы сотрудничества друг с другом.

Каждый новый год работы клуба рождал интересные совместные проекты. Например, в 2002/2003 учебном году большое внимание уделялось вопросам, связанным с введением регионального компонента в образовательный процесс. Музей принял участие в обсуждении предложенной ИПКРО программы по литературе и существенно повлиял на её содержание. На основе этой программы мы разработали и представили учителям новые лекции и беседы, например, «Серебряный век в Омске», «Придумано кем-то просто и мудро» (малые жанры сибирского фольклора).

Разобраться в трудностях новой программы помогали преподаватели вузов. Так, кандидат филологических наук М. А. Безденежных побеседовала с учителями на тему «Краеведческий компонент в преподавании русского языка». Преподаватель ОмГПУ, кандидат филологических наук В. А. Москвина рассказала не только о жанрах сибирского фольклора, но и о творческом подходе к преподаванию устного народного творчества.

В результате личного общения с педагогами мы всегда знали, какие темы будут востребованы учениками. Что называется, «по заказу»

были разработаны лекция «Серебряный век русской поэзии», пешеходная экскурсия «Достоевский в Омске».

Все учителя, приходившие в клуб, заполняли анкету, где указывали, какие темы или формы музейной работы интересовали их учеников. И поэтому на наших мероприятиях не было случайных людей, мы всегда видели заинтересованные, внимательные глаза.

Хотя по объективным причинам состав клуба ежегодно менялся, были учителя, которые приходили постоянно. Это В. В. Привалова (гимназия № 85), Т. Д. Сергеева (школа № 37), Ж. Н. Тюменцева (лицей №163), Н. В. Омелянович (школа № 125), С. Г. Шипова (школа № 52), Л. И. Савельева (школа № 130), В. В. Шумская (школа № 59), Л. П. Январская (школа № 138). Клуб работал до 2009 г., пока один из часто менявшихся в то время директоров не решил, что клуб музею не нужен.

Музей Достоевского... Я благодарна ему: он осуществил мою мечту. С детства я мечтала работать в музее, меня всегда завораживали старинные предметы, глядя на которые я представляла людей, которым они принадлежали и были дороги.

Первый раз в музее Достоевского я проработала семь с половиной лет, в 2009 г. уволившись из-за несогласия со многими событиями, происходившими в те «смутные» для музея времена.

Наконец справедливость возторжествовала: в августе 2012 г. в музей вернулся прежний директор – Виктор Соломонович Вайнерман. Вскоре он предложил мне возвратиться в музей. К этому времени я работала в «Омском музее просвещения» заместителем директора, и работа в дружном, профессиональном коллективе мне нравилась.

Сотрудники на территории музея.
Сидят (слева направо): научные сотрудники Ю. Н. Кузнецова и С. Е. Рудницкая, кассир Л. В. Смирнова. Стоят (слева направо): завхоз С. В. Лебедев, смотритель И. В. Лебедева, главный хранитель фондов Ю. П. Зародова, смотритель Г. А. Карих.
Апрель 2003 г.

Долго сомневаясь, я все-таки решила вернуться. Мне хотелось под- держать музей, который долгие годы, являясь «кузницей кадров», на тот момент остался практически без специалистов. Я вернулась глав- ным хранителем, но в ходе постоянной работы с музейными докумен- тами и предметами у меня неожиданно появилась аллергия на музей- ную пыль. Врач-аллерголог настоятельно рекомендовала ограничить контакт со старыми предметами, но сделать это, работая главным хранителем, было невозможно, поэтому я приняла решение об уходе.

Теперь, когда я думаю о Музее, с грустью вспоминаю его прежнюю экспозицию, выполненную в чёрно-белых тонах. Кому-то она каза- лась мрачной, а для меня она была родной: по ней я проводила свои первые, неумелые экскурсии, с ней связано много положительных эмоций и переживаний. Я с трудом привыкала к новой экспозиции музея, хотя принимала активное участие в её создании. Помню, как трудно мне было проводить экскурсии по новой, казавшейся мне «офисной» экспозиции.

Казалось, что музей утратил частичку загадочности и таинствен- ности, непередаваемую атмосферу старины. Но это только моё субъ- ективное мнение и мои личные выводы.

Коротко об авторах

Бацевич Татьяна Фёдоровна работала в музее с 21 января 1992 г. по 18 февраля 1994 г.

Белова Вера Ефимовна, учитель русского языка и литературы школы № 13, Омск.

Вайнерман Виктор Соломонович. Работает в музеях Омска с 1976 г. Один из создателей, первый и нынешний директор Омского литературного музея имени Ф. М. Достоевского. Автор многочисленных публикаций в журналах и альманахах, шести книг. Член Союза российских писателей, профессор Российской академии естественных наук, заслуженный работник культуры РФ.

Зародова Юлия Прокопиевна 17 октября 1995 г. поступила в музей на должность научного сотрудника. Первый главный хранитель фондов музея (с 1 сентября 1998 г.). С 21 августа 2006 г., в связи с увольнением В. С. Вайнермана, была назначена и. о. директора музея. С 24 июля 2007 г. по 13 августа 2008 г. была заместителем директора музея по научной работе. С 12 сентября 2012 г. вновь принята на эту же должность.

Лебедев Сергей Викторович 1 сентября 1999 г. принят на работу слесарем-сантехником по совместительству. С 20 ноября 2003 г. стал работать в музее на постоянной основе. С 1 января 2004 г. заведующий хозяйством музея.

Лейфер Александр Эрахмиэлович. С 1967 г. работал в омских средствах массовой информации, автор ряда документальных книг, редактор альманаха «Складчина». С 1993 г. – председатель Омского отделения Союза российских писателей. Заслуженный работник культуры РФ.

Литвинова (Шарапова) Олеся Анатольевна работала в музее с 1 января 2001 г. по 29 октября 2012 г.

Регада Ирина Николаевна – научный сотрудник музея с 30 марта 1990 г. по 16 апреля 1991 г.

Рудницкая Светлана Егоровна работала в музее с 9 октября 2001 г. по 11 марта 2009 г. Придя снова на работу 1 ноября 2012 г., уволилась 24 мая 2013 г. по состоянию здоровья.

Савинцева Валентина Михайловна работала в музее с 16 февраля 1999 г. по 27 августа 2001 г. Она была первой заведующей отделом организационной, методической и маркетинговой работы*.

* Впервые в истории Литературного музея появился человек, специально занимавшийся привлечением посетителей. Сложное и трудно произносимое название отдела как бы само собой напрашивалось на то, чтобы сократить его до аббревиатуры. Когда «девчонки», как называла их главный бухгалтер музея В. Ф. Петровская, прочли, что получилось, не знали, плакать им или смеяться. Отдел ОМИМР – «Отдел мымр», – обижались они... – *Примеч. В. В.*

Шель* Владимир Константинович родился в 1948 г. в г. Джетыгора Кустанайской области. В 1952 г. переехал в Омск. В 1966 г. окончил восьмилетнюю школу-интернат и пошёл работать на Омский авиационный завод слесарем. Работая на заводе, окончил вечернюю школу. В 1978 г. окончил заочно художественно-графический факультет Омского государственного педагогического института имени А. М. Горького. Потом работал на радиозаводе имени А. С. Попова в бюро эстетики, с 1980 г. перешёл в конструкторский отдел – дизайнером. Выйдя на пенсию, стал заниматься краеведением. С 1980 по 1992 гг. преподавал вечерами в изостудии, которую организовал в жилом микрорайоне радиозавода имени А. С. Попова. Изостудия ежегодно участвовала в художественных выставках на территории завода, в Омске и Омской области. Неоднократно награждался дипломами и грамотами. В 1985 г. организовал в музее Славы «Художественную галерею» из 53 работ самодеятельных художников радиозавода имени А. С. Попова. Выставлялся на заводских и городских фотовыставках – в музее «Городского быта» (2011 г.), в лютеранской кирхе и досуговом центре «Современник» (2012 и 2013 гг.). Публиковался в городских газетах «Вечерний Омск» и «Молодой сибиряк», заводской газете «Сигнал». Выпустил книгу «Офицерские участки Сибирского казачьего войска».

* В. К. Шель никогда не был штатным сотрудником Литературного музея, поэтому подробная справка – способ познакомиться с ним читателя.

Научно-популярное издание

Омский литературный музей
Тексты. Материалы. Исследования

Выпуск 1

Редактор *Л. В. Новоселова*
Дизайнер *И. В. Петрушкина*

Формат 60 x 90 ¹/₁₆ Бумага мелованная.
Гарнитура «Minion Pro». Печать – лазерный принтер.
Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 9,6.
Тираж 100 экз. Заказ № 445,1.
ООО ИПФ «Селбс»
Дата подписи в печать 02.06.14.

Отпечатано в типографии ООО ИПФ «Селбс»
Омск, ул. 22 Партсъезда, 98.